

Василий Васильевич ВЕРЕЩАГИН

Избранные письма

Василий
Васильевич
Верещагин

Избранные письма

Портрет В. В. Верещагина. 1890-е годы

Василий Васильевич ВЕРЕЩАГИН

Избранные письма

Составитель, автор предисловия и примечаний А. К. Лебедев

Москва
Издательство
«Изобразительное искусство»
1981

ББК 85.143(2)1
В31

В $\frac{80102—157}{024(01)—81}$ без объявл.
4903020000

Письма выдающегося русского художника, страстного борца за мир и демократические свободы Василия Васильевича Верещагина (1842—1904) представляют собой необычайно яркий и содержательный литературно-исторический памятник. Эти письма убедительно рисуют героический жизненный путь их автора, его высокие творческие замыслы, бурную общественную деятельность, неповторимые черты характера. Они раскрывают также и ту социальную атмосферу, в условиях которой жил и творил большой художник. Эпистолярное наследие Верещагина наглядно показывает, какую острую повседневную борьбу с силами реакции приходилось выдерживать русскому демократическому искусству (в том числе и искусству автора публикуемых писем) в процессе его становления и развития. В этом отношении письма перерастают чисто автобиографическое значение. Они воссоздают правдивую, достаточно широкую и полную драматизма картину художественной жизни эпохи. Той эпохи, когда массы зрителей в России во второй половине XIX века отвернулись от фальшивого, слащавого, салонно-академического искусства и с горячей симпатией обратились к реалистическому искусству, отражавшему с демократических позиций важнейшие и острейшие вопросы народной жизни. Той эпохи, когда господствующие классы прилагали все усилия, чтобы задержать развитие, а порой и просто задушить передовое искусство, выражавшее мысли, чувства и чаяния трудового народа.

Сын небогатого череповецкого помещика, Верещагин был определен волею родителей, помимо его собственного желания, в Царскосельский малолетний кадетский корпус, а затем и в петербургский Морской кадетский корпус. С семи

лет он воспитывался вдали от семьи, в закрытом казенном учебном заведении времен Николая I. Солдафонские порядки корпуса были Верещагину ненавистны. Тем не менее необычайно волевой, собранный и самолюбивый мальчик в последние годы учебы становится лучшим воспитанником школы, никому не уступавшим в классе первенства. Это стоило Верещагину больших усилий, систематического недосыпания, колоссального нервного напряжения. К тому же рано обнаружившийся интерес к рисованию побуждал кадета уделять еще время и посещению петербургской Рисовальной школы. Однако он преодолел все трудности и окончил корпус первым учеником.

Выйдя из корпуса и став морским офицером, Верещагин отчетливо осознал, что не флотская служба, а искусство — его истинное призвание. Вопреки воле родителей, считавших профессию художника унизительной для столбового дворянина, Верещагин оставляет морскую карьеру и поступает в 1860 году в Академию художеств. Родители отказывают ему в помощи, пытаясь воздействовать тем самым на строптивого юношу. Но он остался непреклонным в своем решении, хотя и испытывал нужду. В Академии Верещагин занимался с исключительным прилежанием, но через три года убедился, что академическая система обучения, основанная на условных принципах позднего классицизма, далека от жизни и передовых идей времени. Он же стремился изучать и правдиво изображать реальную жизнь и природу. В 1862 году юноша сжигает свой одобренный Советом Академии картон на тему античной мифологии, чтобы навсегда порвать с отвлеченным, условным, идеализирующим искусством. В 1863 году он отправляется на Кавказ и самоотверженно работает на натуре, используя время, свободное от уроков рисования, которыми зарабатывает средства к существованию. Через полтора года юноша едет в Париж, поступает в Академию художеств и с перерывами (в 1865 году — новая поездка на Кавказ, а в 1866 — на родину) учится там три года. В учебе он проявляет удивительную самостоятельность, независимость взглядов и во всем исходит из своих убеждений художника-реалиста. Летом 1866 года, потрясенный виденными сценами русской народной жизни, он создает серию этюдов и эскизы картины «Бурлаки». Картина не была закончена из-за отсутствия средств, но выявила у

юного художника пристальное внимание к язвам и противоречиям современной ему действительности. Все эти годы художник занимался самообразованием, читая новую и новейшую литературу по философии, социологии, естествознанию, истории на русском, английском, французском и немецком языках. Были прочитаны Герцен, Белинский, Дарвин, Бокль, Льюис, Лайель, Бюхнер, классики русской и зарубежной художественной литературы. С годами Верещагин становится убежденным демократом, материалистом, атеистом, антиклерикалом, сторонником реализма в искусстве, противником теории «искусства для искусства». Впервые публикуемое в настоящей книге письмо Верещагина к издателю и детскому писателю М. М. Ледерле проливает новый свет на истоки эстетических взглядов Верещагина. В письме к Ледерле Верещагин утверждает, что большое впечатление на него произвели в юношеские годы роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и его же трактат «Эстетические отношения искусства к действительности». Нам не приходилось ни в каком другом месте писем и воспоминаний художника встретить такое признание. Оно объясняет, откуда у Верещагина возникла, а затем окрепла и превратилась в главный эстетический принцип идея общественного служения искусством народу. Не восприняв непосредственно социалистические идеи Чернышевского, он, тем не менее, всегда опирался на эстетическую теорию великого революционного демократа, на его учение о воспроизведении в искусстве жизни, о необходимости того, чтобы искусство служило коренным интересам народа, прогрессу, выносило приговор явлениям жизни.

Все свое творчество художник-просветитель и демократ посвятил борьбе с захватническими войнами, где бесцельно гибли народные массы, с угнетением человека, деспотизмом и тиранией, варварством, с темнотой и невежеством, религиозным фанатизмом. Многие письма Верещагина проникнуты большой заботой о развитии просвещения, народного образования. Он и сам постоянно жертвует деньги на школы, протестует против закрытия высших женских курсов, убеждает знакомых оказать помощь учебным заведениям и музеям.

Верещагин беспощадно критиковал власть имущих, не останавливаясь перед обличением русских императоров, английских колонизаторов. Вместе с тем в картинах художника

воспет простой трудовой народ, его красота, ум, сила, свободолюбие. Среди произведений Верещагина в сущности нет ни одного портрета представителей русской аристократии и русского царствующего дома, ибо нельзя отнести к жанру портрета изображение Александра II в батальной картине «Под Плевной (император Александр II под Плевной 30 августа 1877 года)» или М. Д. Скобелева в батальной картине «Шипка-Шейново», хотя художник и запечатлел в них портретные черты.

Однако эстетическое кредо художника сформировалось не сразу. В 1867 году, отправляясь в Туркестан, в действующую русскую армию, в целях работы на натуре и познания «истинной войны», он еще не имел каких-либо антимилитаристских убеждений. Более того, активно участвуя в жестоких боях при обороне Самаркандской цитадели в 1868 году, Верещагин в рукопашных схватках и ружейной перестрелке с азартом убивал себе подобных. В 1869 году в Азии он снова вовлечен в жестокое сражение и снова без сожаления уничтожал противника. За исключительную храбрость при обороне Самаркандской цитадели Верещагин был награжден Георгиевским крестом. Лишь постепенно, под впечатлением увиденного и в результате глубоких размышлений, он делается убежденным антимилитаристом и ставит перед собой задачу правдивого изображения войны. В отличие от официальных художников-баталистов, представлявших в парадных, идеализированных картинах войну как сплошной апофеоз славы, торжества и величия духа, слепо прославлявших сражения и царственных полководцев, Верещагин стремится изобразить войну такой, какова она есть, правдиво передать и ее оборотную сторону. Он воссоздает сцены невероятных мучений солдат, истребления народных масс по прихоти и в угоду корыстным, эгоистическим интересам феодальных и буржуазных владык. Он становится страстным противником захватнических войн и их инициаторов. Серия картин, созданная на материале более чем трехлетнего пребывания в Туркестане, правдиво рисующая кровавые будни войны и обличающая варварство и дикость феодальных среднеазиатских порядков, увенчалась большой картиной — «Апофеоз войны», имевшей программное значение для всего творчества Верещагина. Полотно изображает пирамиду человеческих черепов в сожженной степи, на

фоне руин разрушенного завоевателями города. На раме картины написаны впечатляющие слова: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». В публикуемом ниже письме к В. В. Стасову (середина марта 1874) художник ясно говорит, что не костюмы, не экзотические особенности быта Туркестана, как ни были они эффектны для живописца, привлекли его внимание. Он задался «более серьезной задачей»: охарактеризовать варварство старого азиатского строя жизни и «дать другим взглянуть на отвратительные подробности войны». «Апофеоз войны»,— продолжает Верещагин,— столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная...»

Выставки туркестанских картин в Лондоне (1873) и Петербурге (1874) сделали их автора знаменитым. Пресса отмечала не только поразительную новизну, неприкрашенную правду трактовки сюжетов в представленных полотнах, но одновременно и глубокий просветительский гуманизм, лежащий в их основе, оригинальность их художественной формы. Дело в том, что художник взял себе за правило (и этому правилу неукоснительно следовал всегда) писать жизненные сцены прямо на открытом воздухе, максимально приближать световоздушную среду, в которой создается картина, к той, в которой происходило изображаемое событие. Это было новым, прогрессивным завоеванием русской и западноевропейской реалистической живописи середины и второй половины XIX века, сообщало произведениям живописи удивительную свежесть и трепетность. Преодолевая ограниченные возможности картины — изображать только один момент события,— Верещагин стал писать свои произведения сериями, где одно полотно как бы продолжало и развивало идею другого. В мире появился крупный, своеобразный художник, представитель искусства критического реализма, своим творчеством знаменовавший коренной перелом и новый этап в развитии мировой батальной живописи. Картины суровой, неприкрашенной правды жизни, глубокого гуманистического подхода к событиям войны, содержавшие ее оценку с точки зрения жизненных интересов трудового народа, народных масс, отныне противостояли господствовавшей казенной батальной живописи, где внешняя парадность и лицемерное прославление, театральная помпезность и лакировка действительности давали извращенное,

лживое представление о войне. Не сиятельные, венценосные начальники стали героями батальных полотен Верещагина, а простые, рядовые солдаты, одетая в шинели крестьянская масса.

Во всех прогрессивных, новаторских художественных завоеваниях Верещагина в конечном счете находили выражение гуманистические идеи великого русского демократического движения 1860-х годов, идеи русского демократического просветительства.

Письма Верещагина ярко показывают, каким нелегким был путь художника-правдолюбца и демократа, взявшего на себя миссию — изображать правду войны, выносить приговор мрачным, отталкивающим явлениям действительности. За обличаемыми сторонами жизни стояли люди, имеющие неограниченную власть, богатство, влияние, силу. Мятежное художественное обличение Верещагина порождало злейших и могущественных врагов. С полной наглядностью проявилось это уже на выставке туркестанских картин в Петербурге в 1874 году. Александр II и его окружение нашли три картины художника порочащими честь русской армии, оскорбительными для родины и клеветническими («Забытый», «Окружили — преследуют...» и «У крепостной стены. «Вошли!»). Не мог, дескать, русский отряд оставить солдата после боя непогребенным. Нельзя, дескать, показывать русских побеждаемыми. Не могли якобы русские солдаты так безучастно и равнодушно смотреть на массу трупов убитых воинов и т. д. Царское окружение жестоко напало на Верещагина, а его добытую с риском для жизни художественную правду истолковало как ложь и клевету. Такие же обвинения содержались и в некоторых газетных и журнальных статьях. Реакционным кругам картины Верещагина представлялись выражением бунта, нигилизма, национального предательства. Потрясенный и возмущенный художник в знак протеста против несправедливых обвинений сжег три свои картины, вызвавшие особенные нападки. Не дожидаясь закрытия выставки, он с горьким чувством покинул Петербург и отправился в двухлетнее путешествие по Индии, где неустанно работал.

Пребывание в Индии (1874—1876) было омрачено многими причинами. Английские власти приняли Верещагина за русского шпиона. Судьба коллекции туркестанских картин, потребовавших для исполнения семилетних усилий, путешествий,

участия в боях, оставалась неясной. Коллекционер Д. П. Боткин, взявшийся приобрести картины и этюды вместе с П. М. и С. М. Третьяковыми, решил их поделить между собой и Третьяковым, хотя важнейшим условием Верещагина была нераздробляемость серии. Затем попытка Третьякова подарить коллекцию городу Москве не увенчалась успехом. Происходила задержка с получением денег за коллекцию, в то время как Верещагин нарушал обязательства по оплате приобретенного в Париже участка земли и строительства на нем мастерской. Архитекторы и строители мастерской беззастенчиво обманывали и обворовывали неопытного художника. В довершение всего Верещагин, находясь в Индии и узнав о присуждении ему петербургской Академией художеств звания профессора, не только не обрадовался, но и публично отказался от этой чести, желая сохранить полную независимость от царского самодержавия. В русской печати поднялась бурная дискуссия вокруг его отказа. Нашлись лакеи от искусства, близкие к Академии художеств, обвинившие Верещагина в том, что он якобы присвоил себе туркестанские картины, написанные другими живописцами, что он профессионально безграмотен и пр. Таково было возмездие за смелый отказ от почетного звания. Другу Верещагина, критику Стасову, при содействии передовых художников стоило огромных усилий доказать лживость всех обвинений против Верещагина и полностью реабилитировать его.

Письма Верещагина из Индии свидетельствуют о напряженной работе, беспрестанных путешествиях, во время которых он замерзал, тонул, подвергался нападениям диких животных, страдал от солнечных ударов и приступов тяжелой тропической лихорадки, трепавшей его многие годы. Он не только писал этюды жителей, природы, памятников великой страны, но и собирал материал к грандиозной серии картин, изображающих с нелицеприятной правдой порабощение и угнетение индийского народа англичанами. Не мог художник-демократ пройти мимо такого волнующего и возмутительного явления, как жестокость и зверства английских колонизаторов. Созданная позднее картина «Подавление индийского восстания англичанами» явилась самым сильным, ярким, впечатляющим во всем мировом изобразительном искусстве обвинением колониализму. И не случайно это полотно пропало, а

может быть, хранится в строгом секрете в каких-то музейных тайниках.

Недолго поработал художник после своего возвращения из Индии в Париже. Едва началась русско-турецкая война 1877—1878 годов, как Верещагин оказался уже добровольцем на фронте. Здесь он с самого начала поставил себе цель — возможно лучше изучить события и правдиво воспроизвести войну в картинах. Но для того чтобы хорошо познать войну, нужно не бояться проливать свою кровь, необходимо участвовать в атаках, быть под обстрелом, испытать и пережить все то, что выпадает на долю рядового воина. Впечатления о войне с чужих слов и на основе наблюдения ее «издалека» не могут дать, по мнению художника, материала для правдивых картин.

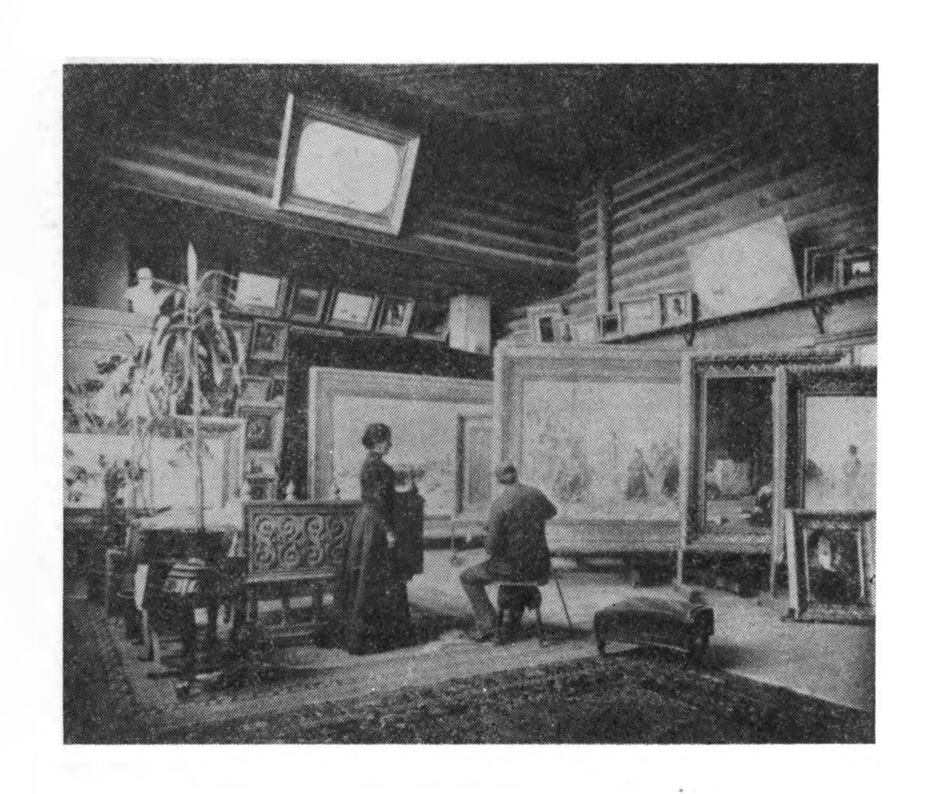
Уже в начале войны он принял участие в минной атаке на Дунае, был ранен, лежал, приговоренный к смерти, в госпитале, затем, выздоровев, снова вернулся в действующую армию. Видел атаку Плевны, посещал Шипку, ездил на опаснейшие рекогносцировки, под пулями и гранатами писал этюды и делал зарисовки. Находясь в штабе М. Д. Скобелева, ни на шаг не отставал он от легендарного храбреца генерала, смело шагавшего вдоль позиций и никогда не склонявшего головы под градом пуль. Всех удивляли поразительное чувство художнического, гражданственного долга, мужество и несгибаемая воля Верещагина.

На войне художника постигло большое горе. Был убит его любимый младший брат Сергей. Другой брат, Александр — ранен. Сорок драгоценных этюдов Верещагина, написанных под пулями и гранатами и необходимых для написания картин, оказались вероломно похищенными.

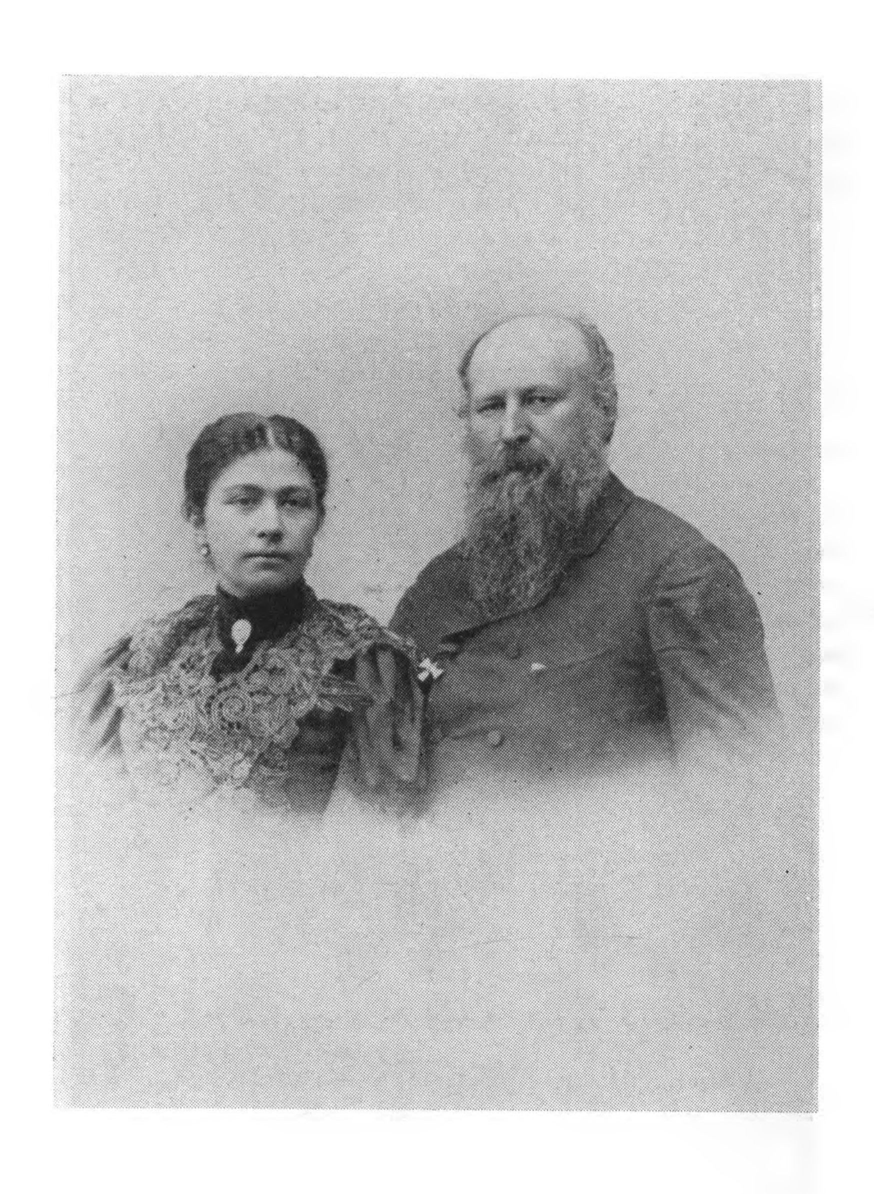
Как подлинный патриот-демократ Верещагин высоко ценил благородную миссию русской армии в борьбе за освобождение болгар от 500-летнего османского ига. Он стремился запечатлеть и отобразить в своих картинах героизм, мужество, страдания русского солдата, жертвы родного народа, принесенные во имя великих целей («Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой» и др.). Нередко в процессе работы над картинами о войне 1877—1878 годов его глаза увлажнялись слезами, и он с трудом сдерживал рыдания. То память возвращала его к тем ужасам войны, которые он видел и пережил. Но художника

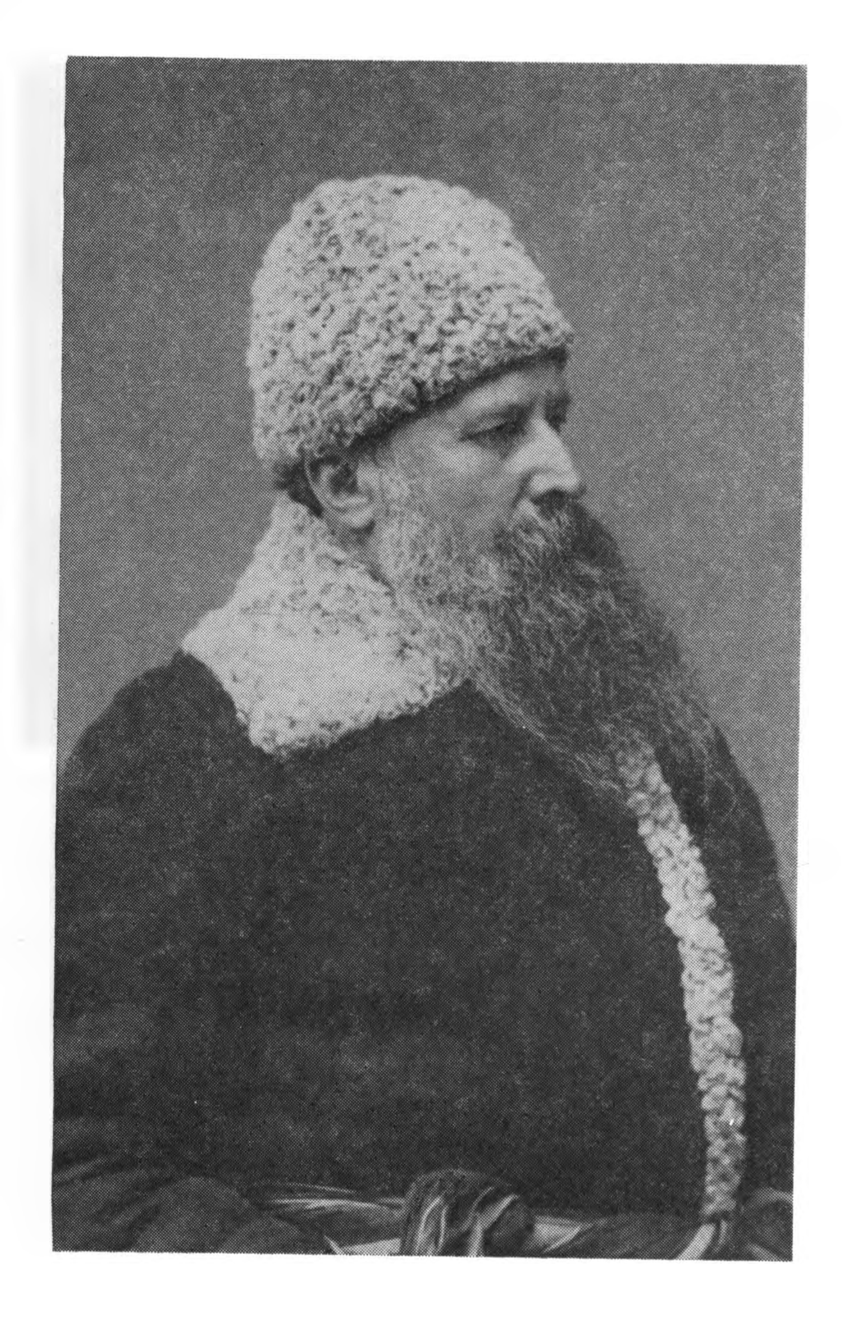
Мастерская В. В. Верещагина в Мэзон-Лаффитт, Франция

Мастерская В. В. Верещагина в Москве

Л. В. и В. В. Верещагины. Конец 1890-х годов

В. В. Верещагин. Конец 1890-х годов

волновали не только чувства горечи по убитым, искалеченным, раненым русским солдатам, как ни были эти чувства глубоки и священны. Верещагин смотрел на задачи творчества шире и дальше многих, порой даже передовых современных ему художников. Он не мог не показать также страдания и тысяч обманутых собственными генералами, темных, забитых турецких солдат («Дорога военнопленных», «Турецкий госпиталь» и др.). Более того, он мучительно искал путей к искоренению войн вообще. Ему казалось, что правдивым показом войны, войны как тяжелой народной драмы, он даст один из мощных стимулов к поискам действенных средств избавления человечества от войн. И когда у него завязалась полемика с П. М. Третьяковым по поводу содержания картин балканской серии, он писал 3 мая 1879 года основателю знаменитой галереи: «Передо мною как перед художником *война*, и *ее* я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары — это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаха и без пощады. Вас же, очевидно, занимает не столько вообще *мировая идея войны*, сколько ее частности, например в данном случае «жертвы русского народа, блестящие подвиги русских войск и некоторых отдельных личностей и т. п.»». В замечательных словах публикуемого в данном сборнике письма Верещагин раскрывает все величие своей идеи, одушевлявших его задач. Но даже этим не исчерпывается значение верещагинской серии балканских картин. С тяжелым, гнетущим чувством художник наблюдал на войне проявления бездарности, преступной беспечности, безответственности царского генералитета во главе с Александром II. А из-за этого гибли и страдали десятки тысяч солдат. Художник, невзирая на лица, смело воспроизвел виденные события на полотнах, вынося виновникам преступлений свой беспощадный приговор. Вот картина — «Под Плевной (император Александр II под Плевной 30 августа 1877 года)». Тут не излюбленная официальными живописцами сцена победы. Это сцена позорного поражения русских войск, допущенного по преступной беспечности Александра II. Изображена «Третья Плевна», когда в день именин императора был предпринят штурм мощной турецкой крепости без всякой предварительной подготовки, в дождь и слякоть, в условиях потери связи с войсками и управления ими, лишь в слепой, наивной надежде, что солдатики

во имя тезоименитства принесут победу на штыках. В то время как гибли тысячи солдат, царская свита, наблюдая поражение, распивала шампанское. В письме опять же к Третьякову 5/17 ноября 1880 года Верещагин сообщает: «Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями. Это сплошные массы крестов, памятников, еще крестов и крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато до сих пор там валяются пробки и осколки бутылок шампанского,— без шуток».

Вот картина «На Шипке все спокойно!», где изображен часовой, забытый начальством и замерзающий на морозе. Верещагин сам видел, как генерал Радецкий, с утра до вечера игравший в карты, прозевал замерзание на Шипке целой дивизии, но браво рапортовал начальству о полном благополучии вверенных ему войск.

Такой памятник войне 1877—1878 годов никак не устраивал царское правительство. Александр II, наследник престола (будущий Александр III), придворные круги встретили картины художника с яростным негодованием и ненавистью, а в самом художнике усмотрели революционера, сумасшедшего, подлеца. Разделяя взгляды придворных, прусский военный атташе в Петербурге советовал Александру II вообще уничтожить картины балканской серии.

О приобретении бесценных картин в казну не могло быть и речи. Кстати сказать, русское правительство не купило в XIX веке у Верещагина, имевшего уже большое международное признание, ни одной капитальной картины. Выдающееся значение балканских картин, к сожалению, не сумел сразу и полностью оценить даже такой передовой человек, как П. М. Третьяков. Тщетно обращался к нему Верещагин с предложением приобрести всю балканскую серию целиком. Третьяков купил только несколько картин, не поняв и не одобрив ряд замечательных полотен. Да и то это произошло только в 1883—1887 годах. После же выставки в Петербурге в 1880 году балканская серия осталась на руках у автора. Чтобы существовать, он вынужден был тогда распродать на аукционе индийскую серию. Публикуемые письма говорят о том, как

мучительно переживал Верещагин то, что серии его картин дробятся, а многие полотна приходится продать и навсегда оставить за границей.

В связи с устройством в Москве выставки своих картин Верещагин писал 15/27 мая 1883 года французскому критику Ж. Кларети:

«Мой дорогой друг, я прошу Вас опубликовать в некоторых парижских газетах это маленькое сообщение о русских нравах. Воспроизведение половины моих картин, как мятежных, запрещено московской цензурой» [1]. А 17/29 мая художник сообщал из Москвы тому же адресату: «Здесь еще более, чем в С.-Петербурге, меня обвиняли в отсутствии патриотизма — шарлатан, космополит, возмутитель, развратитель народа и т. д. — Это ли не мило?» [2]

В целях популяризации своего творчества и пропаганды антимилитаристских идей художник постоянно открывал в течение жизни выставки в России, в столицах и крупнейших городах Европы, а также в США. Успех этих выставок, авторитет и популярность художника были огромными. Посещаемость достигала невиданных размеров. Престиж русской художественной культуры небывало поднялся.

Верещагин стремился к тому, чтобы его выставки устраивались бесплатными или с мизерной входной платой, желая привлечь в качестве зрителей возможно более широкие круги простых тружеников. Публикуемые письма убедительно свидетельствуют об искренней радости художника-демократа, когда на его выставки «тронулись предместья»: крестьяне, рабочие, ремесленники. Он откровенно говорил в письмах, что предпочитает простых зрителей из народа графиням и маркизам.

Широкая демократическая общественность, передовые деятели революции, науки, культуры в России и за рубежом с восторгом встречали новые картины и новые выставки Верещагина. Мировая пресса в течение 40 лет активной творческой деятельности художника писала о нем и его выставках исключительно много, часто называя Верещагина «великим», «ге-

[1] Georges Claretie. Vassili Verestchaguine. — «La revue», 1904, 15 Juillet, N 14.
[2] Там же.

ниальным», отдавая должное высокому строю гуманистических идей и высокому профессиональному мастерству, воплощенным в экспонированных полотнах. Но вместе с тем в Германии, Америке солдатам и детям запрещалось посещать выставки Верещагина, как якобы способные «отвратить от войны». Реакционная печать, особенно в России, систематически травила художника, принижала и отрицала достоинства верещагинских произведений, а его самого обвиняла в отсутствии патриотизма, в извращенном изображении событий. Резкую и убедительную отповедь авторы подобных статей получали в систематически печатавшихся выступлениях выдающегося демократического художественного критика Стасова, который блестяще доказывал, что Верещагин — это гордость русской культуры, а его творчество —это бесценное национальное художественное сокровище.

В 1880-х годах Верещагин предпринял путешествия в Индию (вторично) и в Палестину, результатом чего явились новые серии картин. Обращает на себя внимание «Трилогия казней», обличающая деспотизм реакционных политических режимов. Одна из картин этой серии — «Казнь заговорщиков в России» — изображала сцену расправы царизма с первомартовцами в Петербурге. Она будила протест против террора самодержавия, обличала прислужничество церкви. Как видно из писем Верещагина, он резко осуждал тогда реакционные порядки в царской России — жестокий полицейский режим, преследование революционеров, а сам вынужден был долго жить за границей. Серию картин на евангельские темы, в которых Верещагин пытался материалистически трактовать и объяснять «чудеса» библейских легенд, царская цензура запретила показывать и воспроизводить в России. В Вене же эти полотна явились в 1885 году объектом яростных нападок католического духовенства. Фанатик-монах облил серной кислотой и погубил две основные картины новой серии. Письма рисуют душевное состояние в то время художника, который, защищаясь, публично критиковал сановников церкви, обвинял их в лицемерии. В связи с вероятностью покушения на себя он вполне приготовился к самозащите. Надо заметить, что в европейских выставочных помещениях художнику подчас приходилось чувствовать себя как на поле сражения. В одном из парижских салонов его хозяин, реакционер Цион, в

споре с Верещагиным направил на него револьвер, на что художник ответил тем же.

В середине 1890-х годов на художника обрушилось новое несчастье. Одна за другой умерли две его горячо любимые дочери.

В 1880-х — 1890-х годах крупную серию картин Верещагин посвятил Отечественной войне 1812 года. Основательно изучив тему, он создал полотна, в которых правдиво изобразил разбойный, захватнический характер похода Наполеона I, противопоставив завоевателям героический русский народ. В картинах не были представлены члены императорской фамилии. Серия снова вызвала волну возмущения со стороны двора и господствующих кругов. Великие князья корили автора картин за искажение исторической правды. Посол Франции в Петербурге — Монтебелло — был возмущен изображением французских завоевателей как грабителей и угнетателей русского народа. Он препятствовал показу картин во Франции. Впервые публикуемые ниже, довольно резкие письма Верещагина великим князьям Владимиру Александровичу и Константину Константиновичу (президентам Академии художеств и Академии наук) свидетельствуют о его убежденности в полной исторической достоверности картин о 1812 годе и гордом, непреклонном решении бороться за свои творения. На этом не закончились злоключения серии картин о 1812 годе. Верещагин, чтобы путешествовать и работать, должен был бы продать картины. Но покупателя на патриотическую серию не находилось. Третьяков в 1898 году умер, другие коллекционеры не проявляли к новым произведениям никакого интереса. Казна также не приобретала картины. В состоянии душевного угнетения и безнадежности Верещагин сообщал А. Н. Куропаткину о своем намерении предать огню все свои творения о 1812 годе. Публикуемые письма Верещагина к Куропаткину и Фредериксу показывают, с каким трудом, с какими многолетними, оскорбительными для художника проволочками были куплены, наконец, в казну (и только в предвидении наступающего столетнего юбилея войны 1812 года!) картины художника об Отечественной войне. Но намерение Верещагина продолжать серию и создать полотна, изображающие Кутузова, Барклая-де-Толли и других, не получило одобрения Николая II и осталось неосуществленным.

В результате предпринятой поездки на Кубу и Филиппины (1901—1902) Верещагин создал новые серии картин. Среди них выделяются полотна филиппинской серии, в которых раскрыта трагедия раненого, а затем умирающего солдата, не успевшего дописать прощальное письмо матери.

В 1903 году Верещагин путешествовал по Японии и отчетливо видел, как эта страна готовилась к войне с Россией. «Войны с Японией,— писал художник в том же году Ф. И. Булгакову,— нужно стараться избегать, как бесцельной, бесплодной и, во всяком случае, разорительной» [1]. 27 февраля/11 марта 1904 года, когда война уже велась, Василий Васильевич с горечью сообщал в письме своему другу Ж. Кларети: «И человеческие страдания возобновились! Зверь поднимает голову и какой зверь на этот раз!» [2] В начале русско-японской войны Верещагин уехал в действующую армию. Он опять полон желания правдиво показать людям войну. Публикуемые письма художника к жене говорят о том, как тяжело переживал он разлуку с ней и детьми, но чувство гражданского долга брало у него верх над чувствами горячей привязанности к семье. 13 апреля 1904 года Верещагин погиб на броненосце «Петропавловск», взорванном японской миной, до последнего момента занося в походный альбом панораму рейда.

Письма Верещагина раскрывают нам удивительный драматизм его жизненного пути, а вместе с тем его самоотверженность и непреклонность в борьбе за высокие эстетические идеалы. Казалось бы, выпавшие на долю художника испытания могли сломить не одного, а нескольких человек, настолько терниста была эта жизненная дорога. Но художник до конца оставался верен своим взглядам, принципам и убеждениям. Письма ярко раскрывают такие черты духовного облика и характера Верещагина, как высокое чувство гражданского долга, пламенный гуманизм, доходящее до щепетильности чувство чести, прямота, переходящая порой в резкость, целеустремленность, сильная воля. Из писем художника видно, что он нередко ссорился и разрывал отношения даже с близкими ему людьми — Стасовым, Крамским, Третьяковым, Собко и другими. Объясняется же это не столько прирожден-

[1] ЦГАЛИ, ф. 718, оп. 2, ед. хр. 1.

[2] М. Богданов. Из писем В. Верещагина. — «Биржевые ведомости», 1-е изд., 1904, 7 июля, № 343.

ной горячностью, сколько той сверхмерной психологической и нравственной нагрузкой, которая выпала на его долю и основательно расшатала здоровье и нервы.

Обозревая всю деятельность, оценивая творчество художника, нельзя не видеть порой некоторой утопичности его взглядов. Он не знал научных законов общественного развития, и это было слабой стороной его мировоззрения. Он не был революционером и даже не понял значения революции. Он не знал, что невозможно добиться искоренения войн одними средствами антимилитаристской пропаганды, путем только показа правдивых картин о войне, путем одного только просвещения и нравственного воспитания общества. За войнами стояли определенные классовые силы, корыстные, эгоистические интересы которых препятствовали борьбе с войной.

Однако картины Верещагина раскрыли миллионам зрителей глаза на то, что же такое истинная война, каких невероятных жертв и усилий она требует. Эти картины будили сознание народа, убеждали передовых деятелей в необходимости борьбы против захватнических войн, против угнетения народов, против реакции, в защиту прогресса и демократических свобод. Правдивые картины Верещагина революционизировали сознание миллионов зрителей, порождали протест против язв и пороков классового, эксплуататорского общества. В этом их огромное историческое значение. Заслуга их и в том, что они блестяще утверждали превосходство принципов, методов, средств и приемов реалистического художественного творчества.

Лучшие традиции верещагинского творчества не умерли со смертью Верещагина. Они живут! Их плодотворно продолжают и развивают ныне, в новых исторических условиях, на основе нового, подлинно научного мировоззрения, художники социалистического реализма.

* * *

Публикуемые письма воспроизводятся по автографам, хранящимся в архивах. Некоторые из них печатаются впервые. Ряд писем (иногда только в виде фрагментов) воспроизводится по публикациям в книгах, журналах и газетах, так как

автографы не сохранились. Даты и указания места, где писались письма, всюду перенесены в правый верхний угол писем. Во всех случаях в датировке сначала указывается старый, а затем новый стиль, независимо от их расположения в оригинале. В квадратные скобки заключены тексты, не принадлежащие автору писем. В нескольких письмах сделаны небольшие пропуски малозначительного текста, что обозначено многоточием, взятым в квадратные скобки.

А. Лебедев

ПИСЬМА

1.

П. А. Черкасову[1]

[Петербург. Март 1869]

Дорогой Павел Александрович[2]

Я уезжаю на днях[3] и прошу Вас побывать еще раз у Елизаветы Егоровны Бейдеман[4], чтобы на чем-нибудь остановиться. Хотя, впрочем, она, как увидите сами, еще не знает, что делать с вещами покойного Александра Егоровича[5]. В случае, если устроится продажа вещей, примите на себя труд *оценить их*. Беггров[6] передаст Вам мой рисунок[7] для выставки. Если возможно, прошу не пускать его в лотерею, а продать. Цену назначаю 300 рубл. в пользу г-жи Бейдеман. Прошу Вас поставить его и осветить хорошенько, ибо делана вещь старательно. Коли не продастся, напишите мне в Ташкент, в канцелярию туркестанск[ого] генерал-губернатора — постараюсь выслать деньги сам. М. П. Клодт[8] дает картину, Шарлемань[9] также.

Жму Вашу руку, прощайте.

В. Верещагин

Еду вдоль Сибири, по китайской границе.

2.

А. А. Краевскому[1]

Мюнхен. 8/20 апреля [1873]

Милостивый государь
Андрей Александрович

Не откажитесь поместить в Вашей уважаемой газете несколько строк, лично меня, как художника, касающихся:

Критик «Петербургских ведомостей» в статье о картине г-на Репина *«Бурлаки»* говорит, что *«подобного сюжета никто еще не смел брать у нас... даром что и этот сюжет и эта задача уже давно стоят перед нашими художниками...»*[2]

Позволю себе заметить, что еще в 1866 году я начал в Париже большую картину, именно *Бурлаков на Волге*, за этюда-

ми[3] для которой провел на месте все предыдущее лето. Этюды эти хорошо известны бывшему вице-президенту Академии художеств князю Гагарину[4], также товарищам моим Гуну[5], Брюллову[6] и др[угим], которые, вероятно, помнят и начало самой картины, хотя последняя, по обстоятельствам, до сих пор не окончена. Тем не менее упрек помянутой газеты нам, художникам, в бедности идей на этот раз оказывается несправедливым.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

P. S. Вам небезызвестно, может быть, по английским газетам, что я выставил в Лондонском художественном дворце целую галерею моих последних работ[7]. Окончивши еще несколько больших картин, я приеду осенью в Петербург, где буду иметь удовольствие познакомить Вас со всем моим скарбом.

Еще раз свидетельствую Вам
мое почтение.

В. В.

3.

П. М. Третьякову[1]

[Петербург.] 5/[17]марта [1874]

Милостивый государь
Павел Михайлович

Ваше милое письмо, крайне для меня лестное, я сегодня получил и спешу ответить, что выставка[2] моя откроется в четверг и что заботы о помещении моих работ принял на себя приятель мой Александр Константинович Гейнс[3], к которому в случае приезда Вашего в Петербург я позволю себе предложить Вам обратиться; я думаю, впрочем, что он не может дать Вам положительного ответа до извещения государя императора об том, что ему угодно взять для себя или для какого-либо музея.

Еще раз благодарю Вас за Ваше любезное предложение и прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Его превосходительство Александр Константинович Гейнс в доме министра путей сообщения.

4.

И. Н. Крамскому [1]

[Петербург. Март 1874]

Милостивый государь [2],

я много и искренне благодарен Вам за участие, которое Вы принимаете в моих работах. Непременно забегу к Вам, когда поосвобожусь от хлопот, неизбежных, как Вы знаете, перед отправлением в большое путешествие — хочу объехать Амур, Японию, Китай, Тибет и Индию и отправляюсь на этой неделе.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Если Вы имели заметить что-нибудь относительно моих работ, то будьте так любезны — сообщите это моему приятелю Александру Константиновичу Гейнсу (в доме министра путей сообщения), так как он — устроитель и распорядитель выставки.

Ваш портрет художника Шишкина [3] бесподобен (чтобы Вы не сочли это за иронию, прибавляю: *очень хорош,* превосходен).

5.

В. В. Стасову [1]

[Петербург. Воскресенье, 10/[22] марта 1874] [2]

Милостивый государь
Владимир Васильевич!

На будущей неделе я уеду, наверно; думаю сначала двинуться, коли позволит дорога, в Соловецкий монастырь, затем по Сибири в Приамурский край, Японию, Китай, Тибет,

Индию[3]. Сделайте божескую милость, присоветуйте, какие книги я могу приобрести в дорогу и какие должен прочитать у Вас в библиотеке — из описывающих этот путь с его природою и людьми. В последнем случае нет ли возможности получить несколько книг на дом?

Я забегу к Вам, если позволите, завтра или послезавтра.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

6.

В. В. Стасову

[Петербург. Середина марта 1874]

Желательно, чтобы в статье Вашей[1] Вы обратили внимание на следующее:

Художник сравнительно мало занялся собственно костюмом, хотя в такой стране, как Средняя Азия, он представляет для живописца благодарную почву[2]; но это потому, что главное внимание было обращено на более серьезную задачу — охарактеризование того варварства, которым до сих пор пропитан весь *строй жизни и порядков* Ср[едней] Азии.

По мысли художника, лучшее, что может характеризовать это варварство,— процедура, несомненно соблюдаемая, отрубливания голов павших неприятелей и представление их по начальству — как доказательство успеха, для получения нарядного халата или др[угой] подобн[ой] награды. «Ужасы», по этой канве вышитые художником, не вычитаны им, не выхвачены откуда-нибудь налегке, а видены и прочувствованы самим (мы находили трупы наших несчастных солдатиков, облитых еще теплою кровью, с глубоко вырезанными из плеч головами, и преследовали тех, которые уносили эти головы). Видевши серьезную битву[3] (за осаду у нас из 500—600 чел[овек] выбыло из строя до 220), художник сознательно решился дать другим взглянуть на отвратительные подробности войны, подробности, незнаемые и упускаемые из вида, отчасти за стуком оружия и его ближайшими результатами, отчасти за теми или другими более или менее невинными це-

лями и целишками — отсюда, а не из прихоти и платонической любви к крови, те непривлекательные сцены, за которые присяжные эстетики не преминут упрекнуть автора, не решившегося сентиментальничать там, где, по вкусу публики и критиков, это нужно и принято. С другой стороны, художник не претендует на буквальную точность, верность виденному при передаче своих впечатлений. «Апофеоз войны» [4] — столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная (хоть бы и на самого себя как воина — я сам стрелял людей, буквально как куропаток,— что делать!) и весь ряд военных сцен, под общим названием «Варвары» [5], скорее может быть назван эпической поэмой, в которой картины заменяют главы, тем более что события, из которых соткан сюжет, не все за один раз собраны и составлены в голове автора. Для лучшей передачи своих впечатлений художник не побоялся, как сказано, развить один и тот же сюжет во многих картинах, дать несколько непрерывно один за другим следующих моментов одного события (более или менее идеального — это все равно). Такое сочинение допускается художественным миром только для иллюстраций литературных произведений, а не для самостоятельного творчества, и присяжные критики могут сказать, что художник переступил этим предел задачи и средства живописца; но вернее кажется, что он в этом случае выступил новатором, только перешагнул через рутинное, ничем в сущности не оправдываемое правило: *«Художнику-живописцу довольствоваться моментом и предоставить дальнейшее развитие этого момента литературе...»* Правила эти — господствующие еще со времени Лессинга [6] и комп[ании] и давно ожидающие погребения. Без сомнения, также шаг вперед в художественной технике, собственно, представляет *освещение* картин: дело в том, что они писаны с моделей, ставленных, благодаря особенно устроенной мастерской, прямо на солнце, и выдержаны в свете такой силы и яркости, которые немыслимы в комнате или обыкновенной студии. Присмотревшись хорошо к эффектам солнечных освещений в разных широтах, при разных условиях, художник не в состоянии был решиться на несравненно более легкую и удобную подделку солнечного света в четырех стенах по общепринятой манере живописцев истории, жанра и др. Необходимо обратить внимание на обращения обеих воюющих сторон к *единому* богу

(см. надписи на рамах и в каталогах)[7], обращения, дополняющие своим трагикомическим эффектом впечатление картин, но натуральные и верные столько же для Азии, сколько и для просвещенной Европы.

Вот кое-что из подробностей Вам как не специалисту, не бросающихся в глаза, но стоящих того, чтобы обратить на них внимание. Я уверен, что талантливость Ваша не пренебрежет ими, а воспользуется и разовьет.

В. Верещагин

7.

П. М. Третьякову

[Бомбей. Апрель 1874]

Милостивый государь
Павел Михайлович

Я вчера только получил Ваши письма, залежавшиеся в Киеве.

Делить коллекцию[1] моих последних работ Д. П. Боткин *не имеет права*, потому что неразделяемость ее, пока она существует, была «Condition sans quoi — non»[2] ее продажи. Как видите, это не просто желание мое, а требование, которое я, в случае нужды, поддержу.

Что касается того, кому она была продана, то я позволю себе маленькую подробность: Вам, может быть, небезызвестно, что я хотел передать мои работы в руки правительства, но после того, что те немногие официальные лица, которых мне довелось видеть, огулом осудили направление их, я, испугавшись того, что последует, когда мне заткнут глотку деньгами, переменил намерение, некоторые, наиболее коловшие глаза картины уничтожил[3] и всю коллекцию просил Гейнса передать в *Ваши руки*. В этом смысле записка моя, вероятно, сохранилась у Алекс[андра] Константиновича. Под Вашими руками я разумел на основании первых Ваших писем *Вас одних*, а после *Вас, Вашего брата и Д. П. Боткина*.

Мне известно также, что Алекс[андр] Константинович Гейнс, вступая в переговоры с Боткиным, имел в виду передать картины в руки трех поименованных лиц, и если после переменил что-либо в сделке, то совершенно помимо и против моей воли. Я ничего не имею против Дмитрия Петров[ича] Боткина, но не мог бы отдать картины ему помимо Вас, ибо Вы давно[4] уже в самых лестных для меня письмах удерживали за собой право или на выбор, или на все, тогда как он просил меня через брата своего М[ихаила] Петровича[5] лишь об трех картинах. Так как все Ваши письма ко мне переданы мною Гейнсу, то и он не мог, как верно знаю, не имел сначала других намерений.

Вот тот ответ, дорогой Павел Михайлович, который я могу Вам дать. Если дело случилось так, как Вы пишете, то в моих глазах Дмитр[ий] Петрович не может оправдаться,— конечно, это немного.

Что касается альбома, то я и не думал дарить его, а отдал для неразрознивания с коллекциею в те же руки трех лиц, то есть Вас, Вашего брата и Д[митрия] Петровича. Попал же он Боткину только потому, что он был в Петербурге представителем Вас и Вашего брата. Следовательно, подарил я его столько же Вам, сколько Д[митрию] П[етровичу]. По совести [говоря], до Ваших последних писем я считал картины принадлежащими Вам троим и нераздельность коллекции, так же как ее будущую принадлежность городу, считал на основании Ваших прежних писем обеспеченной.

Позвольте мне прибавить следующее: я беспокоюсь об том, что в случае каких-либо серьезных недоразумений у Вас с Дмитрием Петровичем Боткиным не вышло замедления[6] в условленной уплате денег за картины; так как задержка такая была бы несчастием для меня, то имейте в виду недопущение ее, если это будет частию от Вас зависеть.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Я в Бомбее и начал работать, но жара и духота просто душат.

Мой адрес:

India. Bombay. Belvedere Hill. Mazagon. 9[7]

8.

В. В. Стасову

[Бомбей. 1/13 августа 1874] [1]

Я ужасно рад был, получая Ваше письмо, так как никакого иного от Вас ко мне не доходило. Буду просить Вас о многом: А. К. Гейнс, несмотря на обещание быть строго аккуратным, не написал мне со времени моего отъезда ни одного письма, не ответил ни на одно из 4 или 5 посланий моих; заключая из этого, что ему некогда, я прошу Вас и Владимира Михайловича Жемчужникова [2] позаботиться о моих интересах — не откажите!

Вам, верно, понятно, что здесь, в такой далекой стране, и один, я *болен беспокойством.*

Ничего об участи моих картин я не знаю, несмотря на постоянные вопросы мои об этом Гейнсу; со стороны, от Третьякова, получил известие, что Боткин обошел его чуть ли не воровским манером, по крайней мере, так он представляет дело, и, на случай настоятельного требования, предлагает разделить коллекцию на 2 части — не могу Вам сказать, как неприятно это мне было слышать; из желания оставить все картины и этюды неразрозненными я отказался от суммы, гораздо большей, которую доставила бы мне продажа порознь, а теперь благодаря моему отсутствию все старание пошло ни к чему. Не знаю также ничего об том, сколько денег внес Боткин и сколько и когда внесет, на что могу рассчитывать и на что не могу — ничего не пишет Гейнс, зная, что при моем болезненном характере я буквально днем и ночью беспокоюсь, если не имею обеспечения вперед на долгое время и уверенности в обеспечении на все путешествие в данном случае. Из Парижа получил я известие, что земля для моей мастерской куплена, но купивший и заплативший свои деньги удивляется и беспокоится, почему Гейнс, которого я просил послать на первый раз хоть 7 или 8 тысяч франков, но немедленно, не только не посылает денег, но и не отвечает на письма — что делать! [...]

Потрудитесь взять у Гейнса письмо Академии и передать мне; если Вы уверены, что Академия действительно разреши-

лась от бремени маленьким профессором[3], то я уполномачиваю Вас и прошу настоятельно поместить в «Петербургских ведомостях» или «Голосе» заявление мое в форме письма в редакцию (я полагаю).

«М[илостивый] г[осударь]!

Прошу Вас дать место в Вашей уважаемой газете двум строкам моего за сим следующего протеста: известясь о том, что Акад[емия] худож[еств] произвела меня в профессора, я, считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания»[4].

Надеюсь, что Вы не будете смеяться над смыслом этого заявления — необходимо дать толчок в этом направлении, подать пример гласно, публично, не боясь осуждения иначе думающих.

Я просил Гейнса (следовательно, опять погребенная просьба) к деньгам, вырученным за вход на выставку, добавить до 5000 и послать в одно из земств, хотя бы в Новгородское (я новгородец), с просьбою употребить эти деньги на устройство первоначальной школы для *девочек* или для *девочек* и мальчиков, но не для одних последних; просил сделать это опять-таки гласно, для того чтобы желающие брать пример имели его перед глазами. Полагаю, что только в христово время, когда сплетня была высшею и единственною формою гласности, можно и должно было делать так, чтобы левая рука не видела, что делает правая, а теперь же должно все делать открыто, опять-таки не боясь того, что скажут лицемеры. Не знаю, нужно ли было это оправдание, но на всякий случай я привел его. Позвольте Вас попросить передать гг. Боткину и Третьякову мою просьбу, в случае если они устроят один день платным, на вырученные деньги[5] устроить школу или полшколы в Москве либо приобщить эти вырученные деньги к тем, что у Гейнса, и послать также в Новгород. Сообщите, пожалуйста, какая окончательная участь моей коллекции[6]: кто ее приобрел, где поместите и проч[ее]. Сообщенное Вами из письма Перова[7] — единственное, что я до сих пор знаю. [...] Желательно бы прочесть статью «Московских ведомостей»[8]; коли можно, достаньте. Поговорите с Владимиром Михайловичем Жемчужниковым, где бы Вы могли иметь помещение для

моих этюдов такое, где бы их *никто* не видел, кроме Вас двоих. Помещение должно быть светлое и большое, потому что я надеюсь много работать. Желательно бы послать штук 25 этюдов сейчас, потому что здесь они покрываются плесенью. Ответьте обстоятельно. Смотрите, Влад[имир] Вас[ильевич], чтобы выставка в Москве была даровая, исключая, если хотите, одного дня. Настаивайте на этом. Через неделю надеюсь сообщить Вам новый адрес, так как на днях уезжаю из Бомбея. Прощайте.

В. Верещагин

9.

В. В. Стасову

[Сикким]. 11/23 февраля [1875] [1]

Не сердитесь, Владимир Васильевич, и не пишите сердито, ведь я один-одинешенек и письма людей хороших пережевываю по нескольку раз, так что всякая малая горечь в них кажется мне большою. Что Вы за меня поратовали [2] — спасибо Вам. Не понимаю только, зачем, говоря об общественном мнении вообще и московском в особенности, Вы ставите восклицательный знак. По-моему, достаточно обыкновенной кавычки или иного более скромного знака.

Я в самой середке Гималайев, в малом королевстве Сикким; в резиденцию великого монарха этой страны я теперь направляюсь и уже обменялся с ним несколькими витиеватыми письмами и более скромными подарками. Это время занимался в буддистских монастырях, а допрежь того на высоте 15 000 фут[ов] чуть не замерз со своею супружницею: снег, которым нам пришлось идти последний день подъема на гору Канчинга (28 000 ф[утов]), испугал моих спутников, и они за нами не изволили последовать. Между тем пошел снег, которым пришлось и питаться за неимением другой пищи, потушил наш огонь, и, кабы не мой охотник, который был с нами и отыскал и уговорил одного из людей внести на гору ящик с едою и несколько необходимых вещей, пришлось бы плохо. Замечательно, что я выбился из сил и положительно заявил

об этом прежде, чем моя дорогая спутница, моя маленькая жена [3], слабая и мизерная (Вы ее видели в библиотеке). Зато после, когда первое изнурение прошло, она, не говоря худого слова, грохнулась. Лицо мое за несколько дней пребывания на этой высоте непомерно опухло, и какое-то страшное давление на темя, от которого я непременно умер бы через пару промедленных дней, заставило спуститься прежде, чем все этюды, которые я намеревался сделать, были готовы. Сделаю еще попытку в другое время года и в другом месте — уж очень хороши эти горные шири и выси, покрытые льдом и снегом. Когда спущусь с гор, приеду в Агру, пошлю Вам оттуда с полсотни, а может, и более этюдов; многие из них — лишь наброски, но многие хорошо кончены, и из таковых каждый, надеюсь, стоит петербургского профессора (а все-таки профессором не хочу быть и не буду). То, что с помощью этих этюдов я надеюсь сделать, будет, как я думаю, иметь не англо-индийское только, а всемирное значение [4] и не формою только. Впрочем, не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...

Ваше письмо о буре, на меня обрушившейся, получил я — где бы Вы думали? На минеральных водах... Да, на минеральных водах, очень мало известных, которых температуру, кажется, никто не измерял. Есть источники в 48—50°R. Я только что воротился с охоты на обезьян, охоты неудачной, но небезынтересной: представьте себе, самцы (огромные!) так озлились, что с ревом поскакали на меня, и я счел за лучшее ретироваться домой, где и ожидало меня Ваше письмо, живо прогнавшее мою досаду не только на обезьян, но даже и на туземцев, рыболовов, перегородивших реку и заперевших рыбу выше того, где после многого труда я установил вершу.

Что Вам сказать на обвинение меня в эксплуатировании чужого труда и искусства? Я не только дотрагиваться до моих работ, даже смотреть на них никого не пускал, так после этого судите, как это обвинение смешно и глупо. Если это тот Тютрюмов, который имеет фабрику сукон, бобров и офицерских вещей [5], то Вам легко наказать его — похвалите его работу, он поймет иронию. Ну их всех к черту! Я буду всегда делать то и только то, что сам нахожу хорошим, и так, как сам нахожу это нужным. Значит, сей муж или сии мужи не первые и не последние, пока живут, будут злиться, ругаться и всячески чернить — наплевать.

Будьте так любезны из-под руки и *никак не от моего имени* узнайте, где находится медаль[6], которую я получил на Венской выставке. Много благодарен буду Вам, коли устроите так, чтобы ее через Вас или иначе как-нибудь переслали мне (повторяю, я тут должен быть в стороне). Я пришлю тогда Вам мою благодарность за эту награду — для напечатания. Надеюсь, Владимир Васильевич, Вы, как и я, смотрите на это серьезно, ведь за нами следят много молодых глаз и голов не в одной Академии художеств. Не взыщите за несколько изысканную речь — я сегодня не в своей тарелке; не спал две ночи от москитов; ранки ног, еще разъеденные серною горячею водою, просто взбесили меня, и я, бросивши начатые этюды, с раннего утра сегодня отправился далее. Теперь сижу в веранде монастыря, до которого поднялся, пишу Вам, думаю как бы уговорить посидеть немного странствующего буддистского монаха, который, бормоча молитвы, обходит чуть не двадцатый раз мой монастырь, и еще чешу руки, искусанные москитами.

Этюды, которые Вам пошлю, попрошу Вас *никому не показывать*. Я бы держал их и здесь, но они покрываются плесенью за время дождей и в жару коробятся, доски же трескаются (на несчастье, несколько этюдов я написал на досках. Пошлите мне русскую газету, которую считаете лучшею, «Петерб[ургские] Ведом[ости]» или «Голос». Думаю — первую. Об этом просит особенно меня барыня.

Помните, что за все *сложные рисунки* Templier[7] должен платить 300 фр[анков]; не забудьте, что он (хоть и приятель мой) *кулак*.

10.

В. В. Стасову

[Сикким. 13/25 марта 1875][1]

Да нет же, Владимир Васильевич, мои работы никогда не были освещены в Лондоне огнем[2]; они показывались при самом незавидном дневном свете; зачем Вы говорите, не зная.

Будьте так добры, пришлите мне Ваши выдержки из лондонских газет. Я уже просил Вас об этом и буду просить, пока не вышлете.

Я думал, что кто-то сбрехнул, по Вашим словам, но, прочитавши статью в «Русск[ом] мире»[3], вижу, что это нахальная, с первого до последнего слова, ложь, обдуманная и, по мере сил, осмысленная. Разумеется, на такого мерзавца не стоит и плевать; это та помесь из сплетни, битюма и водки, которой пропитано в Академии художеств все — от мастерских до нужников.

Как счастливо, что я получил все статьи и заключения разом, а иначе я просто свихнулся бы от злости. И теперь даже, скажу Вам по секрету, *я не спал несколько ночей напролет,* желудок же мой отказывается в продолжение целой недели варить или принимать даже кусок курицы — чисто от раздражения.

Что за ложь, что за чепуха все эти писания: какому-то дураку вздумалось исключить меня из *семьи русск[их] художников* — нашлись умники, которые снова включили! Что это за болваны, которые все без ярлыков *не признают;* меня называют самоучкою в самом презрительном смысле, когда я два года посещал школу, что на Бирже, 3 года Академию в Петербурге и 3 года Акад[емию] в Париже, и во всех этих заведениях был самым прилежным учеником, занимаясь по *16 часов в день.* Я жалкая самоучка, когда Жером[4], если не первый, то, без сомнения, один из величайших современных художников, гордится тем, что имеет такого ученика, как я. Я выскочка, самоучка в Петербурге, когда Тэйлор[5], критик «Таймса» — уж не подкупленный ли? — называет меня *совершеннейшим и правдивейшим художником,* у которого *ни одна черта не потеряна даром и каждый штрих руки верен* (буквально).

Здоровье мое положительно плохо, даже в горах, что-то будет в жарких местах, боюсь и думать. Хочу поехать в Кашмир, чтобы спастись от дождей; коли занездоровится очень, придется на 2 или 3 месяца приехать в Европу.

Уж как хочется протянуть еще хоть десяток годов, хоть бы для того, чтобы этим образованным негодяям показать, на кого они поднялись (хоть вряд ли их чем проймешь). Пожа-

луйста, предложите гнуснейшую ложь называть отныне (между *образованными людьми)* ложью *системы Тютрюмова* [...]. Адрес мой тот же покамест: *Agra*, Mr Keene, *Judge*[6].

Денег еще не получал, но слышал, что есть в банке страховое письмо, не оно ли? Получил извещение от графа Шувалова[7] из Лондона, что на Бомбей посланы мне рекомендации. Это очень не лишнее, потому что этот самый Keene, человек весьма почтенный, прямо сказал мне, что без достаточных рекомендаций я прослыву шпионом,— внушительно. Гейнс послал мне денег и *телеграмму*, но писем не послал ни на одно из четырех ему посланных. Пока он брал мои работы лишь для себя, то доставлял мне этим истинное удовольствие. Но когда вздумал *требовать* их для задабривания разных своих фешенебельных знакомых, то прямо опошлил в моих глазах не только нашу дружбу, но и самое знакомство[8]. Напишите, когда Вы думаете быть в Париже и возьмете на себя труд постройки мастерской (план и проч[ее] у Гейнса). Жером, повторяю, обещал помочь, чем может. Я желал бы только видеть прежде план и размеры. Самая мастерская должна быть огромадная, 40 шагов в длину и 30 в ширину, с соответственной вышиною. Необходимо мне также самому указать на плане, где стоять этой мастерской и где летней (забор четырехугольником или круглый для работы на солнце я могу и сам построить по приезде, но придется, пожалуй, потерять много времени, так как не скоро найдешь мастерскую в Париже, а на 1 год и совсем не найти). Жилых комнат нужно немного и небольших. Деньги, что присланы мне отцом моим, посылайте сюда. Здесь жизнь и поездки очень дороги, напр[имер], в горах одни носильщики стоят мне 400 рупий, или 300 руб[лей], в месяц. Пошлите графу Шувалову оба мои альбома[9] *непременно*. Не выставляю чисел потому, что никогда не знаю,— довольно Вам? Скажите это Жемчужникову — он меня ест поедом. Но с немцем[10] Вы должны договориться сами. Templier, как истинный патриот, отказывается.

Академии я не отвечал потому, что письма ее еще [не получил].

Засвидетельствуйте мое почтение Петру Федоровичу Исееву[11].

Скоро спущусь с гор.

11.

В. В. Стасову

[Агра. Около 12/24 апреля 1875] [1]

Попросите Андрея Александровича Краевского напечатать прилагаемую статейку, найденную мною случайно в одной здешней газете, и против последней части, т. е. *подозрения меня в шпионстве, протестуйте самым энергическим образом.* Выскажите, что уже одна моя независимость, как человека и художника, исключает всякую возможность подобных подозрений. Надобно Вам сказать, что намеки на *возможную цель* моей поездки были высказываемы и прежде, и я боюсь думать, что когда я предприму тщательный обзор и объезд гималайской границы с ее в высшей степени интересными странами и племенами, подозрения эти обратятся в положительную уверенность. Меня бесит одна мысль о том, что всюду полицейские агенты будут сдавать меня с рук на руки. Послал ли Беггров мои альбомы в Лондон? Пусть пошлет без расчета на аферу — афера будет в том, что более будут знать меня как художника и, следовательно, менее предполагать шпиона. *Может быть,* также понадобится еще несколько экземпляров для Индии.

Этюды посылаю на днях и самым положительным образом прошу *никому* не показывать. Посылаю много костюмов и других вещей — все старые вещи. Необходимо выпросить пропуск *этюдов* без таможенного досмотра. Впрочем, ящики с костюмами можно досматривать сколько угодно — вероятно, немного придется оплачивать. Дарджилинг — станция, с которой я отправился в сердце Гималаев. Газета, в которой я встретил эту статейку, называется «Pioneer», одна из лучших в Индии. Я теперь в Агре, узежаю в Кашмир. — Уж и жарища же здесь!

12.

В. В. Стасову

[Париж. 9/]21 августа [1876] [1]

В жизнь мою не приходилось мне быть в таком пакостном положении, в каком нахожусь теперь вот уже 2 недели. Архитектор, рекомендованный Боголюбовым [2], Дюлу, Вассиль [3] и

К° так меня обработал, что едва-едва совсем не разорил. Это оказался такой вор, мерзавец, подлец, что я затрудняюсь передать Вам. И такому-то негодяю я, благодаря тройной рекомендации, *доверился вполне.* Можете себе представить, что он наделал: не только переправил все контракты воровским манером, *после моей подписи,* но и самую постройку повел так, что, по отзыву призванного эксперта, она не могла бы держаться более 2-х — 3-х лет. Если бы не бояться затяжек и траты денег, то следовало бы притянуть этого скота к уголовному суду, но дело в том, что и это, пожалуй, не поможет, так как я слишком доверился ему и моя подпись покрывает все мошенничества этого сукина сына. Так попался, что не знаю, как и выберусь. Что же делает Жемчужников[4], ведь я потерял счет письмам, которые ему послал, и ни на одно нет ответа. Верно, он уехал из Москвы. Разве он забыл, что я предупрежал об необходимости в скором времени иметь деньги? Перешлите ему в *теперешнем его местонахождении* прилагаемое письмо[5]. У меня голова просто идет кругом от всех этих гадостей; об работе нет и речи; не могу и взяться ни за кисть, ни за карандаш. Хоть Вы-то отвечайте мне и по мере сил Ваших помогайте или уж прямо скажите, на меня, мол, не рассчитывайте.

Прощайте.

Буду все-таки ждать Вашего ответа. Этот прохвост архитектор, Ferrand (Ферран)[6] по имени, ведет постройку, кажется, и в России; нельзя ли через Общество архитекторов огласить его мошенничество.

13.

В. В. Стасову

[Париж. 11/]23 августа [1876] [1]

Если Шувалов в Питере, повидайте его и скажите, что мне нужно будет: прежде всего большое место для выставки, в которое я буду постоянно досылать вновь оконченные вещи; разумеется, если получу место даром, то и выставка будет даром, а так как для Лондона выставка этюдов Индии — d'utilité publique[2], то я и думаю, что с его помощью можно

будет достать хорошее помещение. Затем понадобится попросить у принца Валлийского[3] его фельдмаршальский мундир и несколько богатых индийских костюмов, ибо таковые я, по бедности моей, не мог купить; кое-что еще, вероятно, занадобится. Когда могу я приехать в Лондон, чтобы без большой помехи его делам мог переговорить бы с ним об этом[?]

В. Верещагин

Жемчужников телеграфирует, что вышлет скоро деньги.

14.

В. В. Стасову

[Париж. 11/]23 августа [1876][1]

Читаю Ваше письмо, которое сейчас получил, и не узнаю Вас; мастерская больших размеров — затея! Большие размеры в картинах — глупая неметчина![2] ...Лучше не будем продолжать в этом тоне, потому что Вы договоритесь до явного противоречия с самим собою и с тем, что Вы мне говорили прежде. Мне дорога Ваша честная, энергическая личность, мне дорога помощь, которую Вы мне, безалаберному и сильно увлекающемуся человеку, оказываете с самого нашего знакомства, но чтоб я послушал Вашего совета и уменьшил размеры картин моих потому, что легче продадутся? Или потому, что в *наше* время содержание обратно пропорционально величинам? Это не для меня законы, и я думал, что не для Вас также, пожалею, если ошибся.

Я только что писал Вам об Шувалове; теперь в Питере, вероятно; если это не составит Вам труда и беспокойства, повидайте его; в противном случае, не делайте, так как в Лондон я могу съездить после и переговорить с ним. Моя [к] Вам теперь единственная просьба (надеюсь дать Вам отдых) — принять меры, чтобы Третьяков, *честный и милый человек* (довольно ли этого?), но купец прежде всего, не прижал[3] меня в последнюю минуту и не отказал бы в деньгах под тем или другим предлогом, несмотря на свое положительное обещание. [...]

У меня полтораста хорошо оконченных этюдов, которые имеют большую цену на всяком худож[ественном] рынке, как видите, обеспечение верное.

15.

П. М. Третьякову

[Париж]. 2/14 сентября [1876]

Милостивый государь Павел Михайлович

Так как при продаже Вам моих картин Александром Константиновичем Гейнсом было выговорено как условие, что, в случае если мне будет надобность в деньгах, Вы не откажете мне в 10 000 рублей (десяти тысячах рублей)[1], я обращаюсь к Вам теперь с просьбой ссудить мне эти деньги на несколько лет (на сколько Вам угодно) и на тех процентах, которые Вам угодны. Я думаю, мне лишнее будет уверять Вас, Павел Михайлович, что уже в настоящую минуту работы мои, имеющие цену на всяком художественном рынке Европы, несравненно более превосходят ценностью эту небольшую сумму и, следовательно, обеспечивают уплату ее и %.

Не взыщите, что я без начала и без конца говорю с Вами прямо о деле,— у меня столько было неприятностей в последнее время, что просто язык не ворочается[2].

Дайте ответ Ваш в возможно скором времени и примите уверения в моем уважении.

В. Верещагин

Сделайте божескую милость, ответьте телеграммой, да *поскорее.*

16.

И. Н. Крамскому

[Париж. 28 октября]/[9 ноября [1876]

Уклончивость, Иван Николаевич, может быть, весьма почтенная способность, но до известных пределов. Говорить хоть бы о Семирадского[1] работах на людях противное тому, что говорено с глазу на глаз, не ладно. Это, впрочем, мое личное

мнение, служащее мне хорошим предостережением. Желалось бы из совершенно искреннего побуждения, разумеется, предостеречь и Вас.

В конце концов, как знаете, свой ум — царь в голове.

В. В

На случай, коли Вы забыли, напомню Вам, что с моим замечанием о нетипичности и пейзажа, и групп в картине[2] Семирадского Вы совершенно согласились (у Боголюбова), вчера же, по причинам, о которых могу только догадываться, совершенно не согласились?

17.

В. В. Стасову

[Париж]. 29 ноября/11 декабря [1876] [1]

Иронию Ваших слов опускаю, какой бы взгляд Вы ни вносили в то, что художник делает. Это мне решительно все равно. Говорю, разумеется, не об Вас лично, а о той публике, которая *требует за свои деньги.* Одно в Ваших словах для меня ново: это то, что Вы выставляете себя представителем этой публики; остальное все старо. Я не *воображал* и не буду *воображать* запрещать кому-либо вносить свои мысли и взгляды в то, что я делаю, но имею право требовать, чтобы судили то, что я сделал, а не то, что я намерен сделать, чтобы не корили меня размером картины, напр[имер] не говорили бы, что большой размер в наше время анахронизм, нечто средневековое и т. п. До Вас, и яснее Вас, и резче Вас формулировал эти требования всех ищущих *за свои деньги,* которых Вы выставляете себя представителем, Прудон[2]. Но зато ведь он носил блузу, живя в Париже, да и то он не делал той ошибки, в которую Вы впадаете и в первом и во втором Вашем письме о «размерах картины». Он требовал у художников отчета в результатах их работ, а не в средствах.

Пусть Ваша излюбленная, за свои деньги хающая публика судит мои работы, когда они готовы; но чтобы я пустил всякое неумытое рыло рыться в моих проектах и затеях? Дозволил бы, на французский манер, фабриканту, отдыхающему от стука и пыли своей фабрики, и épicier[3] — от вони запертой в

праздник лавочки давать мне советы, что, в каком размере делать. Никогда! Пусть эта толпа, желающая воспроизведения своих идей и вкусов, представителем которой Вы являетесь (к моему удивлению и ужасу), пусть она обращается к тем фешенебельным мебельщикам, о которых я говорил (чего Вы не поняли) и имя которых легион, прямее сказать — к 99 % существующих художников.

По Вашему примеру, говорю Вам об обязанностях моих как художника и Ваших как критика в последний раз и в первый.

Что касается Ваших слов о цели Ваших сношений с художниками, то, так как Вы поддерживаете Ваши слова, я, со своей стороны, усиливаю, если возможно, слово *надменность*, которое выговорил.

Вчера давали в Concert populaire[4] увертюру Чайковского[5] «Ромео и Джульетта»[6]. Я хлопал как соотечественник, к соблазну соседей, но мои аплодисменты были каплею в море свиста и шиканья. Начало мне понравилось, но вся пьеса, надобно сказать правду, порядочная чепуха. Талант у него, должно быть, есть, тем не менее терпению и нервам такая музыка — самая здоровая проба.

18.

Ю. Я. Леману[1]

[Париж. 26 января/]7 февраля [1877]

Любезный друг, прилагаемый конвертик[2] вскрой только в случае какого-нибудь несчастья со мной.

При первом свидании возврати мне его.

В. Верещагин

19.

Ю. Я. Леману

[Париж. 26 января/]7 февраля [1877]

Пишу тебе наскоро. Кажется, военные действия[1] собственно начнутся не очень еще скоро. Покамест я пристроился к Скобелеву[2] и пойду некоторое время с его казаками. Подумай,

пожалуйста, что все снаряды, которыми турки до сих пор стреляли с мониторов, *не разрывались,* а между тем на всех них английское клеймо (patent)[3]. Не верь тому, что пишут. Покамест только под Карсом наши прогнали 8 батальонов, которые было вышли из крепости куда-то, на соединение с другими; да здесь, в Браилове, вчера турки выпустили 14 снарядов по городу, которыми ранили одного валаха. Вреда никакого.

До свидания.

В. Верещагин

Великий князь[4] был очень любезен. Я в его главной квартире. Вчера великий князь (и мы за ним) осматривал берегов[ые] батареи, и это ему турки салютовали так неудачно.

Если можешь, пришли мне 1000 фр[анков]. Через хорошего банкира на Бухарест, в главную квартиру quartier général de l'armée russe[5], для г-на Верещагина, а то можно также адресовать на имя генерала Галла[6], начальника главной квартиры, для передачи. Это, пожалуй, еще лучше. Лошади здесь страшно дороги, и просто нет их. Не знаю, как устроить.

20.

В. В. Стасову

[Унгены. 29 апреля/11 мая 1877][1]

Владимир Васильевич

Если брат мой[2] побеспокоит Вас, не откажите ему в Вашем содействии для немедленного поступления на службу.

Я иду с передовым отрядом, дивизионом казаков генерала Скобелева, и надеюсь, что раньше меня никто не встретится с башибузуками.

В. Верещагин

Адрес: Главная квартира, В. В. Верещагину.

21.

В. В. Верещагину (отцу)[1]
и А. Н. Верещагиной (матери)[2]

Бухарест. 4/16 мая [1877][3]

Дорогие папа и мама

Здравствуйте и прощайте. Покамест еще никаких *дел* нет в армии, по крайней мере в Европе. Один турецкий монитор взорван, как Вы, вероятно, знаете. Что касается турецких бомбардировок, то они покамест не серьезны, потому что их снаряды не разрываются, несмотря на то что все с английскими клеймами, а, вероятно, именно по этому самому. Я писал Александру[4] совет, который дал мне генерал Скобелев (начальник передовой казачьей дивизии, при которой я иду), а именно: если он хочет служить серьезно, то пусть просится в казаки. Тогда после военных действий ему придется поехать на Дон или на Кубань. Если думает поступить только на время военных действий, то пусть просится в одиннадцатую кавалерийскую дивизию к генералу Татищеву[5], которого я покамест не знаю, но с которым надеюсь познакомиться или когда Александр приедет или, может быть, и раньше. Деньги нужно иметь в золоте, потому что здесь бумажки идут очень худо. Порядочной лошади достать здесь нельзя, иначе как за огромные деньги, так что советую ему купить коня где-нибудь в Южной России и взять с собою. Не могу обещать ему, что пойдет в адъютанты или ординарцы. Вернее, что попадет в строй. Постараюсь только, чтобы он не был затерт в грязь. Вообще *пусть твердо решится служить,* если хочет приехать.

Прощайте, мои милые, мои дорогие папа и мама. Будьте здоровы и не беспокойтесь обо мне. Дунай еще широк, перейдем его, вероятно, не скоро. Переправа будет не легка, как говорят,— а все-таки турка будет крепко побит.

До свидания, целую Вас крепко.

В. В.

22.

Ю. Я. Леману

1877, июня 1/[13] дня.

Любезный друг Юрий Яковлевич

Так как ты непременно желаешь письменной к тебе просьбы, то вот она: полученный недавно Позаком [1] с железной дороги ящик, с холстом — *сожги* [2] на нашем же дворе. Вели дворнику развести огонь и при себе взвалить на него этот ящик. Ты обяжешь меня, если присмотришь за тем, чтобы никто не заглядывал в то, что горит, и не вытаскивал бы из сожаления никаких лоскутов или обрывков полотна.

Ты понимаешь, вследствие того, что я тебе рассказывал, насколько исполнение этого есть дело чести, почему и выполнишь, я уверен, эту мою просьбу в самом скором времени без колебания.

Писано в полном уме и памяти.

В. Верещагин

23.

Ю. Я. Леману

[Румыния. Июнь 1877]

Отправляю казака в город Джуржево. Поэтому тороплюсь. Теперь турки стреляют, должно быть, своими снарядами, потому что они отлично разрываются. Я ездил два раза с моряком по Дунаю, к турецкому берегу или, вернее, к островам, что на Дунае. Один раз ночью подъезжали совсем близко, но никто нас не заметил.

Войны, как ты знаешь, все еще нет, только турки попукивают из пушек от времени до времени. Вчера ездил верст за 40 к гусарам, где выпил целых 6 стаканов чаю, смотрел берег и посты, которые очень интересны.

Кланяйся Кумани [1] и другим.

Прощай, до свидания.

В. Верещагин

Получил ли ты 500 руб.[2] от Стасова?

Послал ли ты палатку с двумя столиками на имя генер[ального] консула в Бухарест Стюарта[3] для передачи в казачью дивизию, полковнику *Кухаренко*[4], командиру кубанского полка? Я телеграфировал тебе об этом.

Прощай.

В. В.

Roumania, Jourjewo.
Румыния, город Джуржево
В штаб казачьей дивизии.
Василию Васильевичу
Верещагину.

24.

В. В. Стасову

[Бухарест. Около 6/18 июля 1877][1]

Дорогой Владимир Васильевич

Рана[2] моя оказалась очень и очень нелегкою; кроме глубины и большого протяжения, в ней оказалась масса хлопьев платья и белья; все это вытаскивалось ежедневно с большой болью и весьма методически до тех пор, пока убедились, что без операции дело не пойдет. С хлороформом разрезали мне рану, и после очень трудных двух недель я начинаю немного поправляться. Так приготовился умереть, что просто не верится в возможность выздоровления,— авось.

Успокойте меня, дорогой мой, уведомлением в том, какие меры[3] имеете Вы в виду для того, чтобы дать мне возможность жить и работать по моем возвращении в Париж. Крайне беспокоюсь этим.

Больше писать не могу. Отвечайте.

Бухарест, Русский генеральный консул, для передачи В. В. В[ерещагину].

Напишите же непременно, как и где раздобудетесь деньгами; крепко рассчитываю на Вас и Вашего брата[4], которому крепко кланяюсь.

В. В. В.

25.

Ю. Я. Леману

[Бухарест]. 11/23 июля [1877]

Я еще очень слаб, любезный друг, почему отвечаю тебе несколькими словами. Напиши же, что стóит палатка [1] с расходами, а то я не знаю, что мне следует получить. Напиши также, что следует перемазать штукатуркою или краскою, разумеется, самым экономным образом, чтобы дом был обитаем и чтобы к моему приезду можно было работать.

И самому хочется в Париж, приняться за большие картины, но необходимо по выздоровлении будет съездить еще в главную квартиру, хотя с палочкою я теперь плохой воин. Покамест лежу больше месяца пластом на одном боку, который совершенно отлежал. Рана гниет и powanивает. Царь [2], слышь, поднял за обедом бокал за мое и товарища моего по атаке на турка здоровье. Уж не от этого ли я начал поправляться. А было, брат, плохо. Кругом отчаивались в моем выздоровлении. Прощай, до свидания. Пригляди за домом. Кланяйся Лефевру [3].

В. Верещагин

Хороший поклон Кумани, скоро напишу ему. Пусть не бранится! Мой адрес: Bucarest, consul général de Russie [4].

Деньги 300 рублей получил.

26.

В. В. Стасову

[Бухарест. 15/27 июля 1877] [1]

Не упрекайте, пожалуйста, тем, что приходится лежать теперь, когда нужно было бы ездить и смотреть.

Вы понимаете, что попрек этот очень тяжел мне. Вам бы, однако, не следовало так легко относиться к моей татарской [2] торопливости (как Вы уверяете).

Слушайте: я оставил Париж и работы мои не для того только, чтобы высмотреть и воспроизвести тот или другой

эпизод войны, а для того, чтобы быть ближе к дикому и безобразному делу избиения; не для того, чтобы рисовать, а для того, чтобы смотреть, чувствовать, изучать людей. Я совершенно приготовился к смерти (еще в Париже), потому что решил, выезжая в армию, все прочувствовать, сам с пехотою пойти в штыки, с казаками в атаку, с моряками на взрыв монитора и т. д. Неужели Вы из числа тех, которые скажут, что Скрыдлов шел для дела, а я — от безделья? Собака, дескать, бесится с жиру. Если бы не пробили мне бедро на «Шутке», то я пошел бы непременно с первым понтоном на тот берег и, вероятно, был бы заколот или полез бы на батарею и т. д.

Если Вы спросите меня, почему бы не воздержаться и от того, и от другого, и от третьего,— так я с Вами больше и объясняться не хочу, да и не могу, потому что еще слаб.

Отец мой еще крепче попрекает меня, но он последовательнее Вас, потому что прямо говорит: «Зачем испытывать провидение божие...», и ответ мой ему зато короток: «Вспомните, мол, что всегда поступал так, как хотел и как находил лучшим [3], так же распорядился и теперь — вот и все».

Пожалуйста, не подымайте такой бури [4] из-за третьяковских картин — не стоит, да и стыдно много шуметь. Выйдет похоже на французскую рекламу. Брат [5] мой и мне ничего не пишет. Поднимусь я не раньше 2—3 недель, и, если до тех пор война не кончится, я наверстаю все потерянное, да еще останется прибавкою все перечувствованное при расставании с жизнью в госпитале. Ведь неофициально-то мне было совсем плохо, не надеялись, что я поднимусь. [...]

Я *донельзя обрадовался,* когда прочитал в Вашем письме, чтобы я о деньгах не заботился. Гора свалилась с плеч, значит, я буду в состоянии приняться за мои большие индийские работы, не пуская в продажу моих бедных этюдов,— так? Значит, буду в состоянии не торопясь, под шумок этих работ, переживать то, что видел и слышал здесь, на Дунае, не прибегая к ублаготворению разных особ картиночками,— так? Claretie [6] (французский писатель, большой мой приятель, с которым я Вас непременно познакомлю) уверял меня, что этюды мои пойдут в Париже в ценах Мейссонье [7] и др[угих] знаменитостей. Хотя тут, думается, есть набавка из любезности, но все-таки Вы можете видеть, что я Вас или брата Вашего с

принятыми за меня денежными обязательствами в яму не посажу.

Спасибо Репину[8] за лестный отзыв, всякого ему успеха и поменьше детей (между нами).

27.

В. В. Стасову

[Бухарест]. 29 июля / 10 августа [1877] [1]

Не могу понять, почему нет от Вас ответа: с одной стороны, Вы очень аккуратны, с другой — и почта доставляла до сих пор Ваши письма исправно. Просил Вас письмом и телеграммою выслать мне Георгиевский крест офицерский (4 ст[епени]), но теперь прошу не посылать, так как, вероятно, он меня в Бухаресте не захватит уже. Как только рана перестанет гноиться, так я утеку из госпиталя, хотя она еще и не закроется, потому что тоска одолевает страшная. Двинусь потихоньку за армиею. Получили ли Вы мою телеграмму?

Брат мой ранен в палец на левой руке, кажется (Сергей)[2]. От казака[3] нет никаких известий? Кажется, он в Тырнове. Приходил ко мне вчера художник Соколов Петр[4] — порядочный смехотвор. Рассказывал, как он в общей панике, вызванной плевненским делом, утекал от воображаемых турок. Я немало смеялся. Эта негодная Плевна стоит нам не 7000, как я полагал, а, говорят, до 10 000 народа, выбитого из строя. Раненые большею частью валяются на солнце на земле, перевозить не на чем, кроватей нет, доктор[ов] мало, сестер милосердия мало. Пусть редакции газет посылают по экземпляру в наши госпитали. Если это еще не сделано, то потребуйте этого печатно. Страсть к чтению неутомимая у раненых, как Вы сами понимаете, а читать нечего. Кланяйтесь брату Вашему. Прощайте, до свидания.

В. Верещагин

Я брожу с палочкою. Часто навешал меня Горчаков[5] — спасибо ему. Газету «Нов[ое] время» не получаю вот уже *целую неделю.*

Вышлите моей жене *1000 марок* по адресу: München, Bayerstrasse, 15, Herrn Rieth, через Bayerische Vereinsbank [6].

28.

В. В. Стасову

[Бухарест]. 18[/30] августа [1877] [1]

Крест получил, деньги получил, жена моя деньги получила. Значит, все в порядке, и я покамест спокоен. Трифонов [2] сказал, что Вы пишете мне, но я, как перед богом, ничего не получил от Вас около месяца уже. Брат мой Сергей пишет мне, что контужен в голову и ранен пулею в руку; в особенности по причине контузии в голову я хотел бы его вытащить сюда, но до сих пор не могу.

Александру [3] я, перед отправлением его в полк, прочитал приятельское наставление и *потребовал,* чтобы бравее и исправнее его не было казака в армии. Теперь с нескольких сторон слышу, что парень держит себя молодцом и с лихою сотнею своею посылается всюду, где нужда и опасность (он командует сотнею — прошу не шутить).

Пожалуйста, прочитайте это отцу моему, если увидите его, да кстати и передайте ему мой поклон. Барыню [4] мою Вы крепко напугали тем, что написали об моем намерении скоро опять сунуться под пулю. Я писал ей, что еду только достать солдатских костюмов. Трифонов говорил мне еще, что у Вас все крепко повесили носы. Уверяю Вас, что это неосновательно, беды покамест нет никакой.

Осман-паша [5] в незавидном положении, а против Махмета [6] и Сулеймана [7], как Вам известно, наши держатся отлично; разумеется, могло бы быть и лучше, могли бы кончить кампанию, если бы воспользовались примером пруссаков и мобилизовали больше войска сразу — хоть бы 400 000 вместо 200 000. Я до сих пор не хулю план кампании; по мнению моему, он мог удасться, но *не с этими силами.* Думается мне, что и теперь перемен больших в общем плане не будет, выждут подкрепления, да и за Балканы! Поживем — увидим, а покамест не печатайте, пожалуйста, моих писем [8] или делай-

те это с крайней осторожностью. Скажу Вам по секрету, что, пропечатывая свои мысли и замечания, я рискую утерять мою свободу действий, рискую не встречать прежней приветливости от военных. Успею еще высказать все, что вижу и слышу.

В. В.

Боюсь, что Рущук не так легко сбить и взять, как думают.

Еду через несколько дней. Консул будет исправно доставлять мне письма.

Не слышали ли чего о моей больной матери?

29.

В. В. Стасову

[Болгария]. 3[/15] сентября [1877] [1]

Посвятите несколько слов [2] памяти убитого 30 августа под Плевною брата моего Сергея Васильевича. Вы знали его, следовательно, можете сделать это *от Вашего имени.* Он поступил в казаки охотником и состоял ординарцем при генерале Скобелеве-сыне [3], молодом генерале с огромными военными способностями, храбром, деятельном воине и, что главное, образованном офицере. Скобелев говорил мне, что он был до крайности полезен ему, и действительно, по словам почти всех офицеров главной квартиры, он был в высшей степени бесстрашен, подскакивал к неприятельской цепи, врубался в середину их кавалерии и т. п. Полковник генерального штаба П. сказывал, что он исполнял в отряде Скобелева, кроме обязанности ординарца генерала, еще некоторым образом и обязанности офицера генерального штаба, снимал кроки местностей, рекогносцировал дороги и силы неприятеля и т. д.

Не было того огня, через который он не проскакал бы с данным ему приказанием. На Шипкинском проходе, при занятии его генералом Гурко [4], С[ергей] В[асильевич], подобравши себе какого-то унтер-офицера с ружьем, такого же решительного, как и сам он, шел далеко впереди всего передового отряда, солдаты и казаки которого, ожидавшие, разумеется, засад во всех ущельях и редутах, не раз говаривали: «Вот

этот господин штатский (он был тогда еще в штатском платье) уж там, значит, идти можно...» «Он не жилец был на этом свете,— говорил мне один из адъютантов великого князя главнокомандующего, видевший его под Ловчею и сделавший с ним несколько других поездок. — Он просто искал смерти, был какой-то задумчивый, как будто пригнетенный каким-то горем, при этом нервный, немного обидчивый, оживлялся только при выстрелах и тотчас скакал на опасность...»

Покойный брат, выйдя из Морского корпуса, когда его преобразовали в училище, начал рисовать, ездил на Кавказ с художественною целью, но частью по болезненности, частью по неуверенности в силах своих, скоро пристроился на службу (которую нес, впрочем, только номинально) при Вологодском губернаторе. Затем занимался у старшего брата [5] моего, на его артельных сыроварнях, управлял, не совсем, разумеется, удачно, имением отца моего и, наконец, в Париже свернулся на старую дорогу, стал посещать мастерскую Жерома, рисовать и писать с рвением и настойчивостью, бывшими отличительными чертами его характера. В 2 года усиленных занятий он сделал громадный успех, и я покажу Вам, вероятно, некоторые из маленьких его последних рисунков и этюдов, деланных в Вологодской губернии. Когда я приехал в главную квартиру, почти все говорили мне одобрительно о брате С[ергее] В[асильевиче], в[еликий] к[нязь] вечером того же дня объявил мне, что государь приказал послать ему Георгиевский солдатский крест, который покойный, по его собственным словам, хотел непременно заслужить. Будучи 3 раза ранен, он, разумеется, заслужил его, но не довелось малому надеть царскую награду — на другой же день, при общей атаке на Плевну, посланный генералом Скобелевым собрать и соединить один очень пострадавший пехотный полк, он был, по словам одних, зарублен, по словам других (и это более вероятно), убит наповал пулею в левый бок, навылет. Бывшие при нем [...] обрезали шашку убитого, сняли револьвер, седло и забыли только одно: захватить самое тело. Не будучи еще в состоянии сесть в седло, я бросился на левый фланг в коляске; до Скобелева, моего старого туркестанского знакомого, не мог, при моей хромой ноге, добраться, так как он был в это время в передней линии, в самом адском огне. Повидав командующего лев[ым] флангом генерала Имеретинского [6] и пере-

спросивши офицеров, я понял, что вытащить тело С[ергея] В[асильевича] не было никакой возможности,— так оно и осталось, к величайшему моему горю, пухнуть и гнить в массе — страшной массе покладенных в этот день трупов солдат наших. И то сказать, ведь он был «охотник»-казак, следовательно, нижний чин. До него ли было осетинам нашим, поторопившимся снять с него вещи, лишь в полной уверенности, что они составят их неотъемлемый военный приз. [...] Эти хоть и храбро дерутся, но понятий об обязанностях бравого воина держатся престранных до сих пор...

Брат мой Александр, казак-офицер, ранен был также около генерала Скобелева, еще при начале дела. «Иначе,— говорил он мне,— я бы добыл тело брата во что бы то ни стало». Узнавши по лазаретам, что раненый мой уже уехал к месту моего нахождения в деревне Пародим, я, буквально пробираясь через массу раненых в продолжение всей дороги, т. е. на расстоянии верст 20, приехал к ночи домой, оттуда и отправил Александра в Бухарест, в тот самый румынский госпиталь Бранковань, в котором с таким вниманием лечили меня. Рана, *кажется,* не опасная, и есть полная надежда сохранить ступню, которая, как Вы понимаете, так нужна нашему зеленому юноше. Замечательно, что накануне, когда, узнавши о приезде моем, он прискакал ненадолго с левого фланга, навестить, А[лександр] В[асильевич] говорил мне, что его, наверное, убьют по той простой причине, что все окружающее Скобелева валится убитое или раненое. Я на это ответил ему шутя: «Не бойся, убить тебя не убьют, а только ранят, и мы тебя залечим...» Одна пуля попала ему в ногу и засела в ней, другая убила в то же время его лошадь.

Убитый же брат мой, по словам казака его, садясь в этот день на лошадь при начале дела, сказал ему: «Ну, прощай, брат Иван, может быть, больше не увидимся».

Еще раз прошу Вас посвятить брату моему несколько напутственных слов в эту *открытую* могилу, открытую потому, что Осман-паша на предложение генерала Зотова[7] — убрать и убитых и раненых — отвечал, говорят: «Не нужно, пускай дохнут *гяуры*». Об варварстве этого решения можете судить по тому, что с наших позиций в хороший бинокль ясно видно, как многие из наших раненых ворочаются, поднимают руки, вероятно, молят своих о помощи... Может быть, и убитый брат

мой не наповал убит, может быть, и он *ворочается,* ожидая, не подойдет ли выручить *свой...*

Не могу больше писать и да и нечего.

Прощайте.

В. В.

30.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

Систово. 19 сентября//1 октября 1877/

Дорогая Лилюша, я послал тебе недавно телеграмму и заплатил за ответ, но ответа до сих пор не получил. Теперь я намерен поехать в Горный Студень, где находятся главные квартиры государя и великого князя. Потом съезжу в город Тырново, в котором еще не был и который, говорят, очень интересен — совершенно болгарско-турецкий город. Скоро я к тебе приеду, моя милая, моя дорогая. Не думай, пожалуйста, что мне весело здесь. Я просто не хочу пропустить то, что интересно и что, вероятно, в мою жизнь не придется более увидеть. Уже начались дожди, от которых дороги сделались грязны. Достать корм лошадям очень трудно, а у меня их целых 5 штук. К тому же так холодно, что в палатке жить трудно, постоянно с насморком и с простудою. А в избах у болгар хоть и теплее, но зато блохи и *вши* (как в нашей милой Индии). Рана моя зажила, остался только рубец. Здоровье недурно, но всегда насморк, и тебе часто приходилось бы говорить: «Не дела́й носо́м».

Вчера и третьего дня я немного рисовал и ходил по госпиталям, видел ужасные перевязки, которые делали знакомые мне сестры милосердия (те самые, что ходили за мной). Представь себе, что это просто кучи мяса и гноя, наростия на месте, где были и есть раны. При мне также делал профессор Склифосовский[1] операции: прорезал одному руку, другому отрезал ногу, выше колена. Так как людей было мало, то меня заставили держать больного и подавать инструменты.

Прощай, дорогая, как приеду, расскажу все подробно и поцелую тебя в нашей теплой постельке крепко, крепко.

В. В.

31.

Ю. Я. Леману

[Болгария]. 19 сентября[/1 октября 1877]

Пожалуйста, Юрий Яковлевич, если нужно, если необходимо сделать поправку [1], то наблюдай, чтобы она сделана была теперь же, во-первых, до холодов, во-вторых, до моего приезда, так как я надеюсь хоть часть зимы провести в Париже. Получил ли ты румынский женский костюм, посланный тебе около месяца тому назад, при письме с посланными фотографиями?

Говорили мне, что есть для меня письмо из Парижа, но что оно в главной ли квартире или переслано на позиции под Плевною, где я был последнее время, не знаю.

Очень мало еще успел сделать заметок, так что, несмотря на дожди и холод, останусь еще некоторое время. К тому же подожду, не будет ли решительного удара по турку, благо силы на помощь подошло и подходит много. Авось возьмутся за ум наши паны и ударят массою, а не раздробят опять свои силы.

Нет сил видеть по госпиталям эту массу бесплодно искалеченных солдат наших, которые громко говорят, что понапрасну изводят народ.

Впрочем, дух в войске нисколько не упал, что бы ни говорили иностранные газеты. Вчера присутствовал при операциях — аж тошнит. Кланяйся Кумани и Лефевру. Наблюди, чтобы меня не обворовывали ни снутри ни снаружи.

До свидания.

В. Верещагин

32.

А. В. Верещагину

Тырново. [Октябрь 1877] [1]
Дождь, слякоть, холод

Я никак не советую тебе теперь проситься на какое-либо место в Петербурге, потому что ты еще не калека и всякая твоя просьба в этом смысле будет *очень дурно принята.* Ухо-

дить с театра войны офицеру, легко раненному, не следует, и я теперь не возьму на себя кого-либо просить о твоем переводе, да и тебе не следует покушаться на это,— не советую.

Вел[икий] князь к тебе очень расположен и по моей ли или по твоей лично просьбе (я не отказываюсь) сделает, вероятно, все возможное после войны, но не теперь. Я советовал бы даже тебе не говорить того, что ты мне говорил, а именно, что ты «не пойдешь более под пули». — Поверь, что все, начиная с докторов твоих, которые, вероятно, советуют тебе хорошенько вылечиться только, не одобрят таких выражений в устах юного офицера, казака, да еще Верещагина.

По крайней мере я помню, что Патцель[2] с маленькою иронией говорил мне, что некоторые из больных думают ехать домой, а не на поле битвы,— будь же хоть осторожен. Не невозможно, что еще в нынешнем году армия пойдет за Балканы, и тогда тебе, отдохнувши, разумеется, или в Бухаресте, или в Питере, *следует* пойти туда же. Напиши мне, разделяешь ли ты мое мнение, тогда я постараюсь о прикомандировании тебя или хоть к Гурко или к кому-либо другому из генералов, которые пойдут вперед. Пиши на главную квартиру, да поскорее, потому что я думаю скоро поехать ненадолго в Париж, с тем, разумеется, чтобы вернуться. О том, что ты желаешь ехать окончательно поправляться в Питер, я могу сказать кому следует и сообщу тебе о результате. Смотри же, не *малодушничай,* помни, что время для России тяжелое, очень тяжелое, и не переходи добровольно из первого ряда в раек. Я писал уже тебе, что взял к себе рыжую лошадь, хоть и не на радость, потому что спина ее настойчиво не заживает, что днем заживет, то ночью она раздерет, валяясь. Корм непомерно дорог, пуд сена стоит 1 серебр[яный] рубль. Кабардинец твой поправляется, как я также писал тебе, плохо, его просто не кормят; казак твой дрянной и заботится несравненно более о своей лошади, чем о твоей. Майор твой спрашивал меня, нужно ли тебе делать теплый бешмет, на что я отвечал, что, коли ты его просил сделать, то и нужно, разумеется, ибо нет причины, чтобы ты оставил мундир. Напиши ему сам и об этом и о лошади поумереннее, не сердясь. Адресуй письмо в селение Пародим, в обоз казачьей бригады. Разумеется, тебе придется запастись теплым платьем в Бухаресте ли или в Петербурге, [где] ты решишь выздоравливать. Будь терпелив,

пожалуйста, и не рисуй себе своего положения в черном свете. Все дела твои обстоят хорошо. Ты получил уже, как, вероятно, сам знаешь, Станиславку с мечами и бантом и, кажется, получишь чуть ли не Владимира [3] (хотя наверное не ручаюсь). Знаю, что вел[икий] князь вспоминал о тебе при назначении наград, причем тот, к которому он обращался с вопросом о том, получил ли ты что-нибудь, благоразумно умолчал о почтенном много святом Станиславе твоем. Советую тебе в нынешнюю же кампанию стараться получить и Георг[иевский] крест, который, по правде сказать, до сих пор ты еще не имел права получить. Протекции и выпрашивания других тебе, разумеется, не пример: вон помощник австрийского агента получил белый крестик за то, что 30 августа явился в главную квартиру в растерзанном виде и *уверял* всех, что он был в *адском огне* — на то он австриец (разумеется, это строго между нами). О деньгах твоих еще не узнавал, забыл, сделаю это теперь. Прощай, до свиданья, я поеду скоро под Плевну, вероятно, в Пародим.

Кланяйся Бибеско [4] и докторам. Скажи Бибеско, что я передал его поклон Непокойчицкому [5].

33.

В. В. Стасову

Горный Студень. 9[/21] октября [1877] [1]

Только что воротился с Шипки [2]. Хорошая позиция, нечего сказать: обстреливается с трех сторон и пулями, и гранатами, и бомбами. Скала св[ятого] Николая, на которую турки лезли и уже влезли 5 сентября, с лепящимися по ней солдатами нашими, имеет какой-то сказочный вид. Буквально живого места нет — где ни остановишься порисовать, всюду сыплются свинцовые гостинцы. Выбрал я раз себе укромное местечко, в крайнем из 3-х домов, что стоят на позиции, сел на подоконник со стороны, защищенной от Лысой горы справа; слева, думаю, пальба реже — авось не попадет. Только принялся писать известную Вам, вероятно, по газетам «долину роз», как с грохотом граната в крышу! Обдало пылью, однако, думаю, врешь — дорисую. Через 2 минуты новая граната — и меня и палитру с красками совсем засыпало черепицею и землею.

Нечего делать — домазал, как попало, и ушел от *греха*. По дорогам масса переселенцев, разумеется, нищенствующих. Их размещают по деревням, но так как жителям местным самим скоро нечего будет есть (так велики потребности войск), то, вероятно, большая часть этих несчастных переболеет и перемрет. Теперь бы более чем когда-либо нужно было содействие наших славянских комитетов, доверенные которых, разумеется, лучше, чем местные чиновники, заваленные делами, могли бы вникать в нужды, обогревать и кормить этих бедняков. Между тем *единственный* бывший здесь член Славянского комитета Н[арышкин] [3] прекращает свою полезную деятельность, некоторым образом закрывает лавочку, под тем предлогом, что администрация *будет скоро* выдавать какое-то ничтожное пособие (а сам поступает юнкером в полк!). Нужно открыть кухни просто-напросто при всех больших населенных пунктах, ездить *самим* по селам, *самим* раздавать пособие, где натурой, где деньгами, *самим* уменьшать смертность детей, *самим* не дать извратиться взрослым, из которых женская половина, вкусивши сладость бродяжничества по чужим дворам с протянутою рукою, скоро выучится известному выгодному торгу — кстати, охотников при войсках наших не занимать стать.

В. В.

Встретил сейчас офицера, видевшего убитого брата моего. Говорит, что лицо его было страшно обезображено и залито кровью. По траншеям в мокроте пухнут у солдат ноги: по сотне человек ежедневно спускается вниз больных; видел даже замерзшего, посинелого.

О переселенцах можете напечатать, если найдете нужным. Не знаю, куда поеду,— письма крепко зовут в Мюнхен.

34.

А. В. Верещагину

Систово. 12[24] октября 1877

Я слышал, Александр Васильевич, что ты *очень капризничаешь* — это тем более странно, что рана твоя совсем не опасна, и я тебе искренне советую смотреть за собою; не забудь,

что о капризах твоих я слышал с нескольких сторон (между нами сказать).

Я опять в Систово, по дороге с Шипки, где провел последние дни,— там все время стреляют и пулями, и гранатами, и бомбами, похуже Плевны — просто рисовать нельзя. Сел, напр[имер], в одном из маленьких домиков, находящихся на позиции, чтобы нарисовать долину Тун[д]жи, или роз, как получил одну за другою 2 гранаты в крышу. И меня, и краски мои засыпало землею и черепицею; даже дорога обстреливается, и проезжать по ней опасно. Рана моя совсем зажила, хотя кожица еще нежная, но я уже всегда езжу верхом и недавно с Шипки проехал сразу более 120 верст. Скажи это докторам и кланяйся им всем, т. е. Патцелю, Кремницу, Лявеццано, также Глюку[1] отцу и сыну. Кланяйся также Бибеско — никогда не забуду внимания, которым я был там окружен, несмотря на то что страшная моя азиатская лихорадка делала меня очень беспокойным больным и задала им немало работы.

Я думаю, тебе лучше *не уезжать в Россию;* в этом смысле я писал уже, не знаю, получил ли ты мое письмо, впрочем, *делай как знаешь.*

Напиши мне в главную квартиру, едешь ты или нет, чтобы я знал, говорить о тебе *Гурко* или нет; покамест же, во всяком случае, держи язык за зубами. Кланяйся консулу, коли увидишь его, также и консульским.

До свидания.

В. В.

Хотел съездить в Европу, но передумал и еду под Плевну.

35.

В. В. Стасову

[Под Плевной]. 17[/29] октября [1877][1]

Владимир Васильевич

Затрудняюсь передать Вам впечатление массы в несколько сот наших егерей, павших под Телишем и изуродованных турками[2]. На земле валялось десятка 3, 4 хотя и раздетых

догола, но не избитых; а в отдельных кучках, прикрытых землею, лежали тела всячески избитые: у кого перерезано горло или затылок, отрезан нос, уши, у некоторых вырезаны куски кожи или продолговатые или аккуратными кружками; некоторые в груди или других местах подожжены и обуглены. Когда этих несчастных повыкопали из набросанной на них земли, то представилось что-то до того дикое, что словами трудно сказать. Что сделано это не черкесами, видно из того, что мундиры наших павших егерей найдены по траншеям и землянкам регулярного войска. Что турки знали, что они делали, видно из того, что они приняли меры для того, чтобы скрыть свое зверство. Уезжая оттуда, я встретил генерала Струкова[3], с которым вместе еще объехали трупы. Он распорядился, чтобы был составлен протокол, и мы все подпишемся под ним. До свидания.

В. В.

36.

В. В. Стасову

[Болгария]. 31 октября [/12 ноября 1877][1]

Неужели это правда, Владимир Васильевич, что Вы по поводу смерти брата моего Сергея пропечатали отца и мать наших *неимущими*, что после всех жалостливых слов приписана весьма прозрачная просьба о помощи?[2] Конечно, на это должно было быть желание моего выжившего из ума батюшки, но позвольте же спросить Вас, каким образом именем моего покойного брата Вы делаете это; ведь он перевернулся бы в земле, кабы мог слышать об этом! Мне стыдно, что писали и обо мне и об моих братьях, потому что вслед за всеми ужасами, над нами обрушившимися и четко прописанными, не менее четко и ясно выписана просьба на бедность виновникам наших дней. Эдакий срам, эдакий позор! Да как же Вы решились сделать это? Как Вы не подумали, что Вы оскорбите всех нас? Отец и мать, во-первых, растратили свою часть, просто безумно разбросали ее; во-вторых, ведь, черт побери, я Вам доставил материал для биографии брата моего, я просил Вас написать несколько слов о нем. Как же Вы решились, ни

словом не предупредивши меня, придавать такой смысл сообщению о нем и его смерти? Просто не узнаю Вас. Умоляю Вас отныне не поминать обо мне в печати. Заклинаю — если мольбы моей мало. Отца-дурака знать более не хочу и пропечатаю, чтобы не давали ему милостыни, если именем моим будет просить ее.

В. В.

За что Вы меня *режете* тем, что Вы сделали, за что этот срам? У отца, бесстыдника, дом в нашем городе, есть деньги, есть место, наконец, в нашей деревне.

Вот копия письма [3], посланного мною отцу моему.

37.

В. В. Стасову

Казанлык. 2[/14] января [1877] [1]

Вы поверите, что я просматривал эти письма со слезами на глазах, когда узнаете, как они мне достались. После битвы под Шипкою, где, как Вы знаете, вероятно, Скобелев разбил и полонил командующего всею этою позициею генерала, еду я по полю битвы. Чем ближе к деревне Шейново, тем более встречаю наших и турецких тел. В редуте, что на нашем левом и на турецком правом фланге, масса набитых турок. Скобелев, посылая казанцев в атаку, сказал им: «Пленных, братцы, не берите». Можете судить, как солдатики постарались,— буквально напичкан был мертвыми турками и редут и ров. Только один русский как-то очутился между телами: молодой, хорошенький мальчик [2], вольноопределяющийся, лежал раскинувшись навзничь. Выражение лица его трудно передать. Оно как бы говорило: «Больно, очень больно, что-то нехорошее со мной случилось...» На груди, против самого сердца, большая рана, с обжогами; видно было, что выстрелили в него близко. Сапоги с малого были сняты, на груди золотой крест с маленьким медальоном, пощаженные [...лицами], разбросавшими бывшие в карманах письма. Я велел казакам собрать те, что были поцелее, и посылаю их теперь Вам. Перешлите родителям да расскажите им, как умер их сын (через

газету или прямо письмом — как хотите). А умер он молодцом, как рассказывал подвернувшийся солдатик, видевший, как малого убили; он стоял браво, впереди своей части, когда наскочили черкесы, подхватили его под руки и марш-маршем уволокли к редуту, где приста[ви]ли дуло к сердцу... Крестик я, разумеется, оставил на нем, медальон же хотел снять с груди и также отослать родным, но там был не портрет, а образ богоматери — с ним его и зарыли. До свидания.

В. В.

Послали Вы деньги в Париж, к Кумани?

Александр[3] кланяется Вам; он поправляется.

38.

В. В. Стасову

Адрианополь. 9/[21] января [1878][1]

Представьте себе меня, сидящего в вагоне между Сервер[2] и Намык[3]-пашами, и этих господ, обращающихся ко мне со словами: «Monsieur le secrétaire, monsieur le secrétaire»[4]. Генерал Струков, начальствовавший передовою частью и первый принявший этих послов, представил меня им как секретаря своего, и когда дипломатия его плохо помогала, тогда он обращался ко мне за выручкою. Мы отправили их в Казанлык к в[еликому] князю, а сами тем временем вперед да вперед, хотя и с небольшими силами: 2½ полка (драгуны и уланы) кавалерии, очень неполные, направились к Адрианополю, гарнизон которого при слухе о быстром приближении русских бежал; не будь дураки, мы сей славный город и заняли, хотя всего с одним кавалерийским полком и сотнею казаков; зато же беспокойные сутки провели мы! Хотя народ принял нас восторженно, но скоро увидел, что спасителей маловато, а кругом города грабили и резали черкесы, башибузуки и отступавшие регулярные войска. Трудно Вам передать все ужасы, которых мы тут насмотрелись и наслышались. По дороге зарезанные дети и женщины, и болгары и турки, масса бродячего и подохнувшего скота, разбросанных, разбитых телег, хлеба, платья и проч[ее]. Отовсюду бегут болгары с просьбою защиты, а защищать нечем не только их, но

и самих себя, если бы встретили мы пехоту и артиллерию. У меня целовали руки с крестным знаменем, как у Иверской[5] (помешать этому нельзя было под опасением потерять перчатку или быть укушенным в колено). Духовенство с крестами и хоругвями, духовенство всех вероисповеданий, депутации, народы разных одежд и физиономий — все это гудело и орало. Женщины и старики крестились и плакали с самыми искренними приветствиями и пожеланиями. [...] Как только подойдут силы, так мы двинемся по дороге к Константинополю и позащитим бедных болгар, которых, по правде сказать, режут, как баранов. Сегодня целый день рыскал по городу, искал турецкие склады и смотрел места, где можно поместить подходящие войска. Даже некогда было рисовать, впрочем, после наквитаю. До свидания.

Послали ли Вы деньги в Париж? Кажется, скоро мир.

39.

Ю. Я. Леману

[Январь—февраль 1878]

Любезный друг Юрий Яковлевич, надеюсь скоро тебя увидеть, ибо перемирие[1], по всей вероятности, перейдет в мир. Сделай милость, постарайся вместе с Кумани сделать все нужные исправления в доме *до* моего приезда, чтобы я мог, во-первых, обойти кляузы с подрядчиками и архитектором, а во-вторых,— и это самое главное,— начать работы тотчас же по приезде.

Масса тряпок и разного рода оружия, отбитого у турок, затрудняет мой отъезд. Иначе я немедленно же укатил бы через Константинополь. Множество вещей раскидано у меня всюду по Болгарии. И все это надобно теперь собирать. Жаль лошадей моих, которых надобно просто бросить. У меня их целый пятерик, а мог бы, признаться, иметь и десяток, ибо каждый день захватывали мы конных черкесов и башибузуков. Насмотрелся я, брат, за это время таких штук и каверз, какие вряд ли еще увижу в моей жизни. Доехать бы теперь поскорее подобру-поздорову да приняться за занятия. Устал я, признаться, порядочно. И только теперь, когда заключено

перемирие и решил уехать,— стала сказываться эта усталость.

Впрочем, здоровье не худо. Как же поживаешь ты, добрый, *старый* приятель? [...] Привезу тебе болгарку, т. е. болгарское платье, прощай, до свидания.

В. В.

40.

В. В. Стасову

Адрианополь. 29 января//10 февраля 1878/ [1]

И я, со своей стороны, в десятый раз повторяю Вам, что если бы мог думать, что будет столько затруднений с высылкою этой ничтожной суммы, то, разумеется, обратился бы в другое место с моею просьбою. Очень беспокоюсь тем, что получил от Кумани телеграмму, требующую немедленно денег. Неужели они ему еще не посланы? Ведь срок уплаты за землю был $1^1/_2$ месяца тому назад!

Что сказать Вам лично о себе? Я очень устал, и начинает это сказываться теперь, когда война кончилась, и, вероятно, нервы от долгого напряжения не хотят более служить как следует. Теперь (прошлое дело) как вспоминаю, в каком огне доводилось мне быть, не верю как будто самому себе, что действительно это было так опасно, так безрассудно. Случилось мне быть, напр[имер], со Скобелевым на рекогносцировке его позиций под Шипкою, после перехода через Балканы. Пуля в пулю били проклятые турки по скалам, мимо наших голов, плеч, ног, валили одного за другим людей и лошадей, а Скобелев идет да идет, не прибавляя шага, и, разумеется, идешь около тоже потихоньку и скрепя сердце слышишь, как летят пули между ног.

«Я уж около Вас держусь, Михаил Дмитриевич. Вас, наверное, не убьют, так авось и меня минуют». — «Типу[н] бы Вам на язык...»

Я Вам расскажу или напишу когда-нибудь о Скобелеве кое-что небезынтересное, да и вообще мог бы рассказать множество случаев и фактов, стоящих замечания. Не знаю, решусь ли сделать это печатно [2].

Вот теперь комедия окончилась, публика аплодирует, актеры вызваны или будут вызваны, скоро будут потушены лампы и люстры, и декорации, такие красивые и такие натуральные, выкажут свою подделку и картон. Оказывается, что и мне приходится смывать малую толику румян и белил с лица![3]

Гравироваться на дереве мои картины будут в журнале, как Вам известно, но хромолитографию я могу дозволить с тем, разумеется, чтобы делалось хорошо и не на грошовые средства; необходимо показать мне оттиски с первой картины. Еду в Париж по старой дороге, через Балканы, так как множество вещей разбросано по этой дороге: и тряпок и оружия, т. е. вещей, мне необходимых. Прощайте, до свидания.

В. В.

Да, разумеется, наши отношения могут во всякую данную минуту кончиться. Это так ясно, что нечего много и говорить о том[4].

41.

А. В. Верещагину

Габрово. 3[/15] февраля [1878] [1]

Любезный братец, Александр Васильевич, посылаю тебе 3 лошадей: серенькую турецкую, беленькую румынскую и катера или катерину. — Пожалуйста, продай их всех и из вырученных денег дай 5 (пять) золотых болгарину Стояну[2]. Не зажиль также 2-х золотых, что я просил тебя отдать Курбатову[3]; правда, что получать с Маркова[4] трудновато, но мне будет очень неприятно, если ты лишишь Курбатова денег, которые он *заслужил*. Остальные деньги, что выручишь продажею, перешли, пожалуйста, мне в Париж, на имя генерального консула; если будут у тебя деньги, дошли 200 фр[анков] (до 2000) и 50 рубл[ей], которые как будто уже собираются плакать. По совещанию с Ломакиным[5] я решил отправить с казаком Андреем[6] и болгарином также и твою черную лошадку; ему же, т. е. Ломакину, дам денег, на которые он доедет почтою до Габрова, с обозами до Енизагры и там по

железной дороге. Катера хотел купить Языков[7], я думаю, 10 золотых можно за него взять, обе остальные лошаденки очень прыткие, с прекрасною ходью, оцени по усмотрению и *не дорожись*. Повторяю мою просьбу: отдавши Курбатову те тряпки, что привезет Ломакин, взять мою черкеску и бешмет; писал я Алек[сандру] Петр[овичу] Струкову о разных вещах, которые нужно послать мне вместе с драгунск[им] седлом и оружием, именно: мундир Д. И. Скобелева, И. П. Дерфельдена[8]. Не будет ли свободного старого генерал-адъютантск[ого] мундира с шарфом, шпагою и проч[им]; тут же можно положить, распиливши, значок Скобелева М. Д. Не достанешь ли еще каких тряпок, хоть за деньги? *Христо*[9] болгарин в[еликого] к[нязя], который был со Струковым, поможет тебе в этом.

Прощай, будь джентльменом далее.

В. В.

Казак, который привезет тебе это письмо, принадлежит к 9 полку Нагибина[10]. Ему даны 3 рубля на корм лошадей, вручи ему также при сем прилагаемые 3 рубля на прощанье, разумеется, если он будет кормить лошадей дорогою и не положит 3 рубля в свой карман. О Курбатове я очень жалею, пусть дадут ему крестишко, не мешай этому. Твой Ломакин покамест служит очень хорошо и не груб. Я дал ему, разумеется, денег и на дорогу и за службу.

Кабы Курбатов не хамил и не грубил, то получил бы вдвое больше того, что получит,— скажи это ему. Пиши мне в Париж, где ты и как ты, да не торопись очень устраивать свою судьбу — теперь всем не до того.

Пожалуйста, *никому не льсти*, как бы дешево тебе и как бы приятно субъекту это ни было. Не заискивай, у тебя есть это в характере уже, ты не прочь ластиться. Я уверен, что ты не прочь был бы получить какое-нибудь близкое к лакейскому место при в[еликом] к[нязе], напр[имер], где ты мог бы стоять у двери, докладывать и т. п. — Самым серьезным образом не советую тебе мечтать об этом. И не продолжая ученья, к чему, я знаю, у тебя просто отвращение (не правда ли?), ты можешь быть хорошим кавалеристом. Какая же нужда добровольно лезть в ливрею? Сколько могу, буду поддерживать тебя в разумных пределах, в первом случае,

если же ты ударишься в искательство, то обругаюсь не только тебе в глаза, но и обругаю тебя перед теми, у кого станешь заискивать,— слышал?

Прощай, до свидания. Коли будешь в Константинополе, то за меня раскури с султаном трубку и выпей шкалик сладкой водки. Кланяйся Скалону [11]. А. П. Струкову посылаю с казаком же письмо. Кланяйся Макарову [12].

В. В.

Вещи надобно адресовать в Париж *на имя посольства,* чтобы их не осматривали. Английское седло продай вместе с лошадью.

Имей в виду, что лошади посланы с седлами, попонами и проч[им]. *Мое седло,* турецкое, с волосяным чепраком, пошли мне вместе с проч[ими] в Париж.

У Курбатова находится красная уздечка, которую вместе с красным седлом, нахвостником и помянутым волосяным чепраком пришли в Париж.

От казака Андрея возьми и разорви *предписание,* данное Соллогубом [13].

42.

А. В. Верещагину

[Париж] 11/23 марта [1878] [1]

Любезный друг

Мать пишет мне отчаянное письмо, требует помощи деньгами. Я послал ей 100 рублей и, если будет возможность, но не наверное, пошлю еще 100. Затем прошу тебя серьезно вспомнить о том, что на тебе больше, чем на всех нас, долг помогать старикам, ибо ты фукнул не свою только часть, но и соединенную с нею отцовскую. Николай [2], по словам матери, много потерял по причине чумы скота, на других братьев, кажется, надежда плоха. Значит, надобно, брат, тебе, при первой возможности, выслать старикам еще несколько сот рублей. Вместе с моею маленькой помощью и прежде тобою посланными 250 рублями это, вероятно, составит возможность перебиться до лучших дней.

Мой дом положительно требует перестройки, вся крыша погнулась и грозит совсем осесть. Опять и опять нужны деньги, а где их взять? За работу только что еще принялся, и ничего нет готового, да к тому же лавочка мне теперь, как всегда, была и будет противна. Кланяйся Струкову и Скалону, коли увидишь их, т. е. если письмо это застанет еще тебя в главной квартире. Прощай, до свидания.

В. Верещагин

Осенью, коли будет возможность, приеду в Болгарию; кстати, дом будут ломать, значит, волею-неволею, придется уехать к этому времени из Парижа. Хотел, но не решился напомнить матери о необходимости экономии, попробуй ты.

43.

В. В. Стасову

[Париж. 9]/[21 мая [1878][1]

[...] Выставка[2] нынешняя заметно более против всех прежних напоминает ярмарку. Говорю это не в суд или в осуждение ей, а просто констатирую факт и даже думаю, что чем далее, тем более пойдут по этой дороге следующие. Наша выставка бедна, так бедна, что, по добросовестной оценке, мало хуже ее между европейскими странами.

Вы вовсе не *публика*[3]. В этом мы и расходимся. Публика, и в числе ее железнодорожный король Поляков[4], негодующий на тень, покрывающую одну сторону портрета, может и должна все *болтать*, а Вы, т. е. худож[ественный] критик,— нет. *Публика* очень часто рассуждает (и нельзя ее упрекать за это) таким образом: «Что это за картина, разве можно такую картину повесить в комнате...» или: «Такая-то картина (или статуя) была бы хороша, кабы не дурацкие размеры...» Разве Вы, т. е. худож[ественный] критик, можете повторять то же самое? У публики (говорю о большинстве, ибо нельзя перечислять всех отдельных мнений и вкусов) в виду лишь мебель для гнезда, более или менее комфортабельная. У Вас — философия природы, жизни... Публике нужно, чтобы в картине было более или менее ясно сказано, что она стоит больших

денег. Вам, т. е. неприсяжному критику (таких почти нет в Европе), пусть значится, что картина мыслит и говорит.

Вам не побывать в Париже — значит отрезать себе палец на правой руке.

Вещи[5], я думаю, можно послать морем, адресуя просто на *посольство.* Нельзя ли приказать положить камфары в ящики?

44.

В. В. Стасову

Париж. 1/13 июля [1878][1]

Через докторов Боткина[2] или Юрия Трофимовича Чудновского[3] не узнаете ли, Владимир Васильевич, чего о докторе Стуковенко[4], взявшемся еще в декабре прошлого года в Плевне доставить мои этюды в Систово, на мою квартиру, и не отдающего их мне до сих пор. Неужели нет возможности раздобыть этого сукина сына? Как он не понимает, что этюды крайне нужны мне! Нельзя ли напечатать в «Нов[ом] времени» «просьбу к доктору Стуковенко, бывшему в Плевне, доставить туда-то порученную ему в декабре 1877 г-м В. В[ерещагиным] посылку, крайне нужную». Можно печатать до тех пор, пока эта всероссийская бестия не отзовется. Не увидите ли кого из бывших в компании графа Соллогуба, напр[имер] сына доктора Склифосовского или др[угих]. Они, вероятно, знают, где этот толсторожий доктор, который, как я слышал, уехал из действующей армии. Слышал я также, что он имеет в Москве брата, также доктора.

До свидания.

В. В.

45.

А. В. Верещагину

[Париж. Июль—октябрь 1878]

От подлеца Стуковенко получил извещение из Бургаса телеграммою о том, что он сдал мои вещи в Систове в полицию какому-то Кириллину или Кирлину. Сдал он их уже после

того, очевидно, как я приехал назад, и не по адресу. Не можешь ли попросить Скобелева или Струкова (которым передай поклон мой) приказать верному человеку разыскать в Систове, в полиции, этого капитана и выслать вещи ко мне в Париж. Много, премного обяжешь меня, ибо этюды мне крайне нужны. Зимою надеюсь быть в Балканах, нужно сделать некоторые этюды для картины из скобелевского похода.

В. В.

Кроме этюдов, должны быть еще платья. Оружие, пожалуй, можно и бросить.

46.

В. В. Стасову

Париж. 30 июля/11 августа [1878] [1]

Владимир Васильевич!

Много и искренно Вам благодарен за Вашу просьбу через Боткина [2], но, прошу Вас (ведь могу же просить Вас, не обижая этим), не делайте этого другой раз помимо меня. Надобно Вам сказать, я заметил, что у императора был маленький зубок на меня, оставшийся, очевидно, от истории передачи картин Третьякову уже после того, что *он* согласился взять их. Правда, Кауфман [3] и Гейнс, как истинные холопы, старались оправдать меня тем, что я немножко *тронут*, но, должно быть, и это не помогло, потому что (вряд ли я ошибаюсь) он сначала немного косился и на шапку на моей голове при разговоре с ним и на неверно, т. е. не по форме, завязанную георг[иевскую] ленточку в петлице и проч[ее]. Ему как будто чудился тут нигилизм! Потом, при следующих, однако, встречах, он был очень мил и любезен и, если бы я хотел, разумеется, мог бы обратиться к нему или к его приближенным со всякой просьбою: но самая мысль об этом испугала бы меня, скажу больше, независимость, с которою я себя держал, не позволила бы никому ни предложить мне денег, ни работать для того или другого. Как выразился один близкий к в[еликому] к[нязю] Ник[олаю] Николаевичу человек, я был в этом отно-

шении похож на *лейденскую банку:* вот-вот готов был разразиться при всяком намеке на мою независимость.

Еще раз благодарю Вас. Не зная, что Вы писали, я был уверен, что это что-либо внушенное самым искренним участием к моему таланту. Когда картины будут готовы (т. е. когда не придется ни брать задатка, ни принимать одолжения), я буду очень рад, если Вы, *при случае,* сговорите мои работы кому-либо, хоть и важному лицу, вроде наследника[4] или императора, но теперь я стал бы говорить об этом предмете лишь с равным себе, Третьяковым, напр[имер], или кем-либо ему подобным, да и то на условии, чтобы не торговались со мною, а то, чего доброго, опять обращусь в лейденскую банку. Довольно, однако, болтать. Пожалуйста, коли будете в Alexandra Palace[5], в Лондоне, смеряйте вышину и ширину тамошних галерей для картин. Не мешало бы сделать это в Cristal Palace[6], коли милость Ваша и терпение будет. Еще, коли хватит терпения, повидайте *Бартоломе*[7], советника посольства, и скажите ему, чтобы сказал Knollys[8], секретарю принца Уэльского, пусть-де или заставит принца снять для меня свой портрет в том повороте, как мне нужно, или пусть приведет его на полчаса посидеть — я не укушу.

До свидания.

В. В.

Я не решался беспокоить принца Уэльского, чтобы он не подумал, что я ему навязываю свою лавочку, но ввиду того, что его фигура *должна быть похожа,* не вижу иного средства как или достать его хороший портрет в полной форме и в нужном мне повороте, или попросить его посидеть на солнце.

Ехать в Лондон не могу, потому что жду на днях эксперта для осмотра и, вероятно, переборки *крыши.*

47.

В. В. Стасову

6/18 августа [1878][1]

Принц Уэльский — историческое лицо, завершающее своею поездкою по Индии огромный период в истории этой чудесной страны, и как историческое лицо он интересен для меня,

как интересны многие из тех Великих Моголов[2], которые были большими негодяями в сущности; так что мне все равно, *презираем* принц или нет, *давно* он презираем или только со времени Вашего приезда в Лондон и, наконец, *глубоко* он презираем или только немножко. Ни с меньшим, ни с большим старанием не будет вследствие этого исполнена его фигура на моей картине. Так как эта фигура *должна* быть похожа, то мне и нужен или хороший портрет его в *форме,* или его особа для срисовывания. Я говорил уже Вам, кажется, что принц предлагал мне принять от него заказы; но я отказался, потому что заказов вообще не принимаю. Это доказывает Вам, что он мне нужен действительно *как модель, а не как покровитель,* что Вы, кажется, упустили из вида, когда написали мне странную Вашу укоризну[3]. Вы можете иметь Ваше мнение о том, что мне как художнику следует делать или не делать, хотя я нимало не намерен следовать Вашим указаниям. Но в том, что я должен делать как *русский*, Вы уже положительно мне не указчик; питье, хотя и в необыкновенном количестве, квасу и клюквенного морса еще не дает права считать себя русским по преимуществу, и я думаю, что Вы никак не более русский, чем я, и ни личностью Вашею, ни трудами Вашими. Разумеется, я не для того все это говорю, чтобы повторить мою просьбу, такой ошибки не сделаю. Как будет время, постараюсь увидать *сукиных сынов* сам или скропаю фигуру принца с грехом пополам (надеюсь, впрочем, что Ваше достоинство как русского не было задето моею просьбою).

В. Верещагин [...]

48.

В. В. Стасову

[Париж]. 9/21 августа [1878] [1]

Очень сожалею, Владимир Васильевич, что Вы так обиделись моею насмешкою, но думаю, что иначе, как смехом, и нельзя было отвечать на Ваш резкий приговор. Не обижаться же, ведь так же! Вспомните Ваши слова: «Удивляюсь, как русский художник может помещать в картины таких презрен-

ных людей, как Уэльский принц, как может русский художник брать такие сюжеты...» Помнится, Вы были в восторге, трижды подчеркнутом, когда я сообщил Вам замысел моих картин: *история заграбастания Индии англичанами.* Некоторые из этих сюжетов таковы, что проберут даже и английскую шкуру, и, уж наверно, в лести или низкопоклонстве перед английским моголом, как и перед тюркскими, меня никто не заподозрит. Что же Вас заставило изменить Ваш взгляд и изречь такой невозможный приговор? Чем более чутко прислушиваюсь я к Вашим словам, тем осторожнее следовало бы Вам казнить меня. Много принцев, от Уэльского до нашего императора включительно, придется мне изображать, но, признаюсь, я не буду разбирать, кто из них более негодяй или более презрен, как Вы выражаетесь, а буду брать их как исторические лица и модели...

Если Вы все-таки считаете себя обиженным, то я много пожалею об этом и затем пожелаю, чтобы отношения наши возобновились в будущей жизни с характером большей терпимости: Вы, может быть, будете менее скоры и резки в Ваших приговорах, а я буду более равнодушно относиться к ним и вообще к Вашим словам.

Свидетельствую Вам мое уважение.

В. Верещагин

Брат Александр просил в письме своем передать Вам поклон.

49.

А. В. Верещагину

[Париж]. 10/22 августа [1878]

Александр Васильевич

Напиши, брат, сам Д[митрию] В[асильевичу] Стасову о том, что ты предоставляешь свои деньги в мое распоряжение, пока я в них нуждаюсь.

Ему неловко будет сказать мне, что моих слов недостаточно, но и перед тобою слишком ответственно отдавать твои

деньги, тебя не спросясь. Сделай это, т. е. напиши ему сейчас же в Питер. Он, кажется, теперь на водах в Виши, и, может быть, я его здесь увижу. Но все-таки, повторяю, нужна пара слов с твоей стороны.

В. Стасов здесь. Недавно он на меня крепко обиделся за то, что на его упрек «почему я, русский художник, пишу картины с нерусскими сюжетами», я ответил ему: беру и русские и нерусские сюжеты, вообще, какие хочу, а что русский я не менее его, потому что глотанье им квасу и клюквенного морса в непомерных дозах не дает еще ему права считать себя русским по преимуществу. — Вы, говорит,— надо мной насмехаетесь, и я этого не могу допустить!

Сколько я понял из его слов, ты порядочно надоедал ему в Питере, что должен загладить присылкой полотенец [1], преимущественно болгарских, так же как вообще всяких узоров, какие доведется тебе собрать. На большой выставке [2] моих картин нет. Я думаю выставить мои новые работы отдельно — покамест же ничего еще не выставлял. Написал отцу, чтобы рассчитывал на *300* рублей, которые я тебе должен и которые пошлю-де ему в самом непродолжительном времени. Скажи: спешивал ты казаков своих перед Сельви или нет?

До свидания.

В. Верещагин

Само собою, проценты на деньги будут тебе выплачены, так как не нужно, чтобы ты терял что-либо, передавая их покамест мне.

50.

В. В. Стасову

[Париж]. 24 сентября/6 октября [1878] [1]

Вы обещали послать мне гр[афа] Толстого [2]. Владимир Васильевич, к этому, коли капитал есть, не прибавите ли «Всемирную историю» Шлоссера? [3] Боголюбов по приезде сообщил мне, что наследник очень интересуется моими работами и, кажется, желает, чтобы я присылал их ему. Я ставлю только

условием, чтобы мною не командовали, работы не разрознивали и не предлагали делать то или другое, а оставили бы меня воспроизводить то, что видел, слышал и что меня лично интересует. Неладным мне кажется только то, что Боголюбов говорит, как будто хорошо будет посылать картины *через него,* в случае коли цесаревич пожелает их иметь. Боюсь, что это будет пахнуть цензурою и бóльшим или меньшим покровительством моего почтенного собрата, чего я вовсе не желаю. Третьяков был у меня и держал себя очень мило, не торговался, хотя, как мне показалось, работы мои очень понравились ему. Он, вероятно, ждет, когда я буду совсем у стенки, чтобы предложить свои условия, но думаю, что он может прогадать, ибо когда деньги меня заставят, я войду в соглашение с кем-нибудь из больших торговцев картин, и тогда Третьякову будет еще труднее (еще дороже стоить) удержать за собою то, что ему, кажется, очень понравилось (по крайней мере, он говорил это Боголюбову).

До свидания. Жду ответа Дмитрия Васильевича. Неужели он настаивает на передаче должных мною 5000 Гинцбургу? [4]

Кланяйтесь Николаю Петровичу [5]. Он обещал мне портрет императора в профиль.

51.

А. В. Верещагину

[Париж]. 1/13 октября 1878

Я думаю быть в декабре в Болгарии [1], на Балканах.

52.

А. В. Верещагину

[Париж]. 12/24 ноября [1878]

Пожалуйста, повидай Михаила Дмитриевича Скобелева и скажи ему, что я прошу дать мне 2 или 3 казаков для поездки в Балканы [1], в месте нашего перехода через них, также под Плевну и др[угие] места. Надобно будет послать казаков в

Рущук к первым числам декабря нашего русского стиля, еще лучше к первому. Если я запоздаю один или 2 дня, беды большой не будет. С казаками надобно будет 2 лошадей для меня: одну с верховым седлом, другую с вьючным, и, разумеется, надобно дать казакам немного денег на корм им и лошадям. Уведомь поскорее, когда и что сделаешь.

До свидания.

В. Верещагин

Помни, я буду считать, что люди и лошади будут в Рущуке, хоть у коменданта, к первому декабря.

53.

В. В. Стасову

[Париж. 25 ноября//7 декабря [1878] [1]

Владимир Васильевич!

Я думаю ехать на днях и побывать только на Шипке, как месте, отходящем туркам; в других местах, которые остаются за Болгарией, успею побывать после. Будьте так добры передать Дмитрию Васильевичу [2], что денег *теперь* посылать не надобно, пусть они будут в резерве, письма его еще не получил. Замерзших, кроме «пленных» [3], покамест нет, но, может быть, будут; теперь у меня начинают укладываться в голове впечатления и картины; начинают выползать из мозгов то готовые, то неясные и требующие обработки. Вообще я не тороплюсь перекладывать мысли на полотно, так как по опыту знаю, что чем больше выносишь замысел картины в голове, тем лучше. При всяком поползновении воплотить мысль встречаются технические препятствия и трудности, сбивающие с толку и с задуманного, если оно не ясно осмыслено. Говорю это в особенности о себе, потому что, кроме самого маленького наброска карандашом, никогда не делаю эскизов, как съедающих безвозвратно самый свежий и сильный порыв. Мысль о выставке здесь все еще не оставил, не знаю только, получу ли залы,

о которых просил Орлова[4]. Боголюбов старается помогать в этом и также хлопочет. Хорошо бы, если бы Вы предупредили Боткина Д. П.[5] о том, что надобно теперь же получить дозволение Общества на отправку московской коллекции на некоторое время сюда. Хорошо, кабы он распорядился приготовить на всякий случай людей для снимки и укладки вещей. Все расходы, разумеется, заплатятся немедленно. (Уж целовал, целовал меня Боткин — я думал, укусит,— а ни слова не сказал, несмотря на то, что я видел, как ему понравились мои работы. Они все ждут время, когда можно будет приобрести по дешевой цене. Сами виноваты будут, если, *к моему сожалению,* картины пойдут мимо них).

54.

В. В. Стасову

С.-П[етер]б[ург]. Вторник [12/24 декабря 1878] [1]

Владимир Васильевич!

Отложите, пожалуйста, наше собрание[2] до другого раза. Очень извиняюсь перед г. Мусоргским[3]. Еду завтра, т. е. в среду, в Москву и по дороге заеду к брату[4] в Тверь.

С наследником дело решилось мило, деликатно и быстро! Он выслал мне сказать, что не имеет времени принять меня (как будто не он, а я назначил время приема), велел сказать, чтобы я пришел другой раз, но я не намерен приходить другой раз, потому что опять так же бесцеремонно могут предложить убраться восвояси, а прийти в третий раз и т. д. Правда, я Вам говорил, что душа не лежит? А ведь это было только начало, цветочки — ягодки были бы впереди.

До свидания.

В. Верещагин

Мне время не менее дорого, как и его высочеству.

55.

А. В. Верещагину

Яссы. 24 декабря 1878 [/5 января 1879] [1]

Александр Васильевич

Д. В. Стасов отказывается выслать мне более 5000 руб[лей], говоря, что более ты не дозволил? Между тем в письме ко мне ты прямо пишешь, что можешь выслать 15 000. Так как из первых 5000 надобно вычесть те, что ты остался мне должен, да те, что я дал за тебя отцу (от 300—350 р.), то выйдет, что всего-навсего Стасов передал мне 8700—8800 рублей, вместо 15 000. На кой черт тебе теперь деньги! С одной стороны, ты теперь обеспечен, с другой, более верных рук ты не найдешь,— повторяю в десятый раз,— что же ты мнешься и *да,* и *нет.* Или думаешь, что я загублю твою юность? Попроси Стасова ясным и понятным письмом предоставить в мое распоряжение еще 5000 рубл[ей]. Хоть курс и плох донельзя, но мастерская моя стоит подпертая 4 большущими деревинами, и так как я обратился к суду, то по выходе решения придется подавать деньги на перестройку, хочешь не хочешь. Уполномочь меня тогда послать родителям еще денег хоть в конце года. Могу также принять обязательство выслать им сколько скажешь и в будущем году, если до тех пор не возвращу тебе все, что взял.

По поводу моих картин: в бытность теперь в Питере приезжал ко мне в гостиницу адъютант цесаревича, очень любезно уверял меня, что его высочество так же, как и император, очень интересуются и проч[ее]. Просил также от имени наследника приехать к нему представиться, в таком-то часу, в такой-то день. Я поехал и дожидался, пока не выслали сказать, что е[го] в[ысочеству] сегодня не время, приходите, дескать, в такой-то день, тогда уж наверное примут. Должно быть, большой надобности нет, поэтому я второй раз не пошел и уехал из Питера. Найдутся желающие иметь мои работы и помимо таких важных и занятых особ.

До свидания.

В. Верещагин

Завтра надеюсь быть в Джуржеве, а может быть, и в Рущуке.

Посланы ли казаки? Кланяйся Скобелеву, если Бибиков[2] помнит меня, передай поклон и ему.

56.

А. В. Верещагину

[Рущук]. 26 дек[абря 1878/7 января 1879]

Я писал тебе на днях, но повторяю еще в нескольких слов[ах] то, что нужно сделать сейчас: напиши Стасову[1], чтобы предоставил в мое распоряжение третьи 5000, а то выходит вместо 15 000 только 8700—8800, что он послал мне. И теперь, уверен, что ты не уполномочил его выслать больше?? Кажется, он думает, что лучше не баловать меня, но упускает из виду, что при нынешнем переводе на золото 5000 дает только около 11 000 фр[анков], т. е. деньги, на которые ничего нельзя сделать. Напиши ему безотлагательно.

Харламов[2] жил здесь совершенно *инкогнито*, так что никто из властей, ни комендант, ни этапный комендант, ни сам полицмейстер, не знали о его пребывании в Рущуке. И я уже готовился уехать на почтовых в Тырново, когда полицмейстер Кутепов[3] (твой старый знакомый) разузнал о нем и его казаках и прибежал сказать мне об них.

Спасибо Скобелеву. Вероятно, в Адрианополь я не поеду, ибо очень запоздал в Питере (писал тебе прошлый раз почему) и теперь тороплюсь в Париж. Смотри, А[лександр] В[асильевич], будь образцовый сотенный командир, не зажиливай ни одной копейки у казаков, не смотри на то, что другие делают, *делай казакам ученье* и спрашивай с них, коли не будешь их обворовывать, они за выучку в претензии не будут,— *не смущайся тем, что другие скажут,* лишь бы ты знал, что делаешь. Я слышал, что Кухаренко там, кланяйся ему, Венкову[4] и всем, кто меня помнит. Если Бибиков помнит, ему поклон. Я видел Николая[5]. Алексей[6] все тот, по-видимому, притих. Но при первом же случае, при разговоре о деньгах покойного Сергея, расцвел и расширил ноздри по-старому.

До свидания.

В. В.

Пиши мне в Габрово, окружному начальнику, для передачи В. В. Верещагину. 2 дня тому назад я писал тебе через Сахарова [7].

57.

В. В. Стасову

Maisons-Laffitte [1]. *10/22 января [1879]*

Пожалуй, Вы мне не поверите, если скажу Вам, что приехал сюда сегодня, 10 января утром, а покинул Шипку 5-го вечером, т. е. от Шипки до Парижа — в $4^1/_2$ суток. 5-го, в 3 часа, кончил занятие на перевале Иметли, в 6 миновал Шипку, рысью до Габрова, там на почтовых до Рущука и Дуная; захватил последний пароходик и вечерний поезд из Джуржева в Бухарест, откуда немедля дальше, и вот сегодня в 6 часов утра приехал. В Новый год был на Иметли, где пришлось разгребать снег, погода была отвратительная, снег и дождь; вспомнив после, что это день Нового года, я понял, что мой патрон [2] нарочно наслал на меня ненастье, чтобы отучить работать в такие дни. Истинно приятно было объехать все старые знакомые места на Шипке, Иметли, в Ше[й]нове, но при ветре и холоде рисовать было трудно — сделал, впрочем, с грехом пополам все, что было нужно. В Ше[й]нове на могилке юноши [3], нашего приятеля (письма которого, помните, я Вам прислал), нашел крестишко упавшим; я соорудил с помощью казака и болгарина новый, который, надеюсь, будет стоять, коли не придут и не свалят турки. Болгары, все до единого, говорят, что лягут костьми, но турок на Балканы не пустят. Если исполнят, что говорят, т. е. *сички* (все) будут драться и *сички* (все) не утекут, то, разумеется, могут не пустить турок. Власти их очень любезны и предупредительны; разумеется, отдельные случаи недовольства нашею администрациею были и более и более с течением оккупации будут, но ничего подобного общему недовольству на нас болгар, о котором толковалось и толкуется в иностранных газетах, нельзя было заметить. Пожалуйста, пусть высылают русскую газету «Новое время» сюда в Париж — разве срок абонемента уже истек? Нельзя ли те №№, которые, вот уже неделя, не при-

сылаются. Если Вы посылали что-либо в Болгарию, то должен Вам сказать, что ничего там от Вас не получил. Ничего также не купил из шитья и полотенец, ибо был только в Балканах, в местах разоренных. Деньги на «Новое время» может Вам дать Дмитрий Васильевич [4], которому вместе с поклоном моим передайте просьбу послать (если еще не послано) деньги в количестве 4500 рублей на «Comptoir d'escompte» [5] приблизительно, дабы оставить несколько сотен на расходы по упаковке и укладке картин из Москвы, в случае если выставка моих работ здесь состоится. Видел Орлова и слышал от него, что, кажется, дадут здание законодательного собрания (между нами, разумеется, покамест). Здесь много снега, все дороги кругом меня занесены, и я чисто-начисто блокирован. Этюды от Скобелева еще не получил, послал ему телеграмму. Он, милый человек, выслал мне не только казаков, но еще и офицера, своего ординарца, для сопровождения в снегах. Что было нужно для картин, сделал, хотя работал всего 5 дней. До свидания.

В.

Еще раз — *музыка* Бородина [6] мне не нравится, Мусоргский ориги[нальнее]!!!

Где снять портрет для Суворина? [7] Кто заплатит? В какую именно величину?

Леман в большой претензии на Вас за то, что Вы якобы причислили его к немцам [8]. Какой-то пра-пра-пра-пра его был саксонец, только остальное все русско-татарское, включая и его физиономию; Гун, тот был чистый немец, как Бруни [9] — итальянец и т. д.

58.

В. В. Стасову

[Париж. 27 января]/8 февраля [1879]

Имея в виду, что курс неудержимо понижается, мы решили с Дмитрием Васильевичем, что он пошлет деньги *сейчас*, т. е. на другой или третий день после того, что мы вместе были у него. Прошел месяц, и он денег не послал, и в результате

франков 500 потери. Зачем он делает так, а не по условию, *сделанному ввиду явного падения курса,* — не могу понять.

Если будете писать родителям *юноши* [1], скажите им, что по старому знакомству с их убитым мальчиком я позволил себе распорядиться так: вертикальную палочку старого креста, уцелевшую, бросил в могилку, которую присыпал землею (причем, между нами сказать, убедился, что малый уже совсем пропал, сгнил так, что лопатка ударилась о чистую, хотя и темного еще цвета берцовую кость), а поперечную, упавшую на землю, вместе с веревочкою или ветошкою, которою палки креста были связаны, взял с собою и пошлю Вам ее при первом случае — пошлите матери мальчика, ей будет утешение положить эту деревинку, окрещавшую могилку сына, в свою могилу, нашу общую примирительницу и успокоительницу. И не подумайте это печатать! То, что Вы привели в газете из моего письма [2], я почти назначал на это (кроме конца). Помня, что перед отъездом Вы просили об извещениях время от времени о поездке, я собрался, лишь когда сюда воротился. Но это, по совести, первый раз, что я знал вперед о имеющей совершиться *нескромности* Вашей.

Выставка моя не состоится здесь, по всей вероятности, Гамбетта [3] уже занял помещение в Corps Legislatif [4], на которое Орлов и я рассчитывали. Схожу еще к Орлову, и если получу окончательно *нет,* то распоряжусь так: пошлю Вам одну из моих картин с просьбою поставить ее хоть на постоянную выставку к Григоровичу [5] (который должен будет в этом случае очистить для нее весь угол) и пригласить посмотреть ее и наследника и Третьякова; который из них раньше согласится на условия мои, тому передается и эта картина и пошлются следующие. Мне, признаться, гораздо приятнее было бы иметь дело с купцом, чем с дворцом (без рифмы), но не могу я отдавать мою работу, стоящую мне такого громадного труда и усилия, талантом, деньгами и в особенности здоровьем, отдавать за бумажонку в одну тысячу или две тысячи рублей, теперь стоящих здесь лишь полцены. Коли никто не пойдет на мои условия *неразрозниваемости* на веки веков, то рассержусь и стану передавать картины, по мере того как они будут готовы, Гупилю [6] или другому торговцу, у них, должно быть, слаще будет покупать по 50 и 60 000 фр[анков] за штуку — и будут покупать. Напишите ответ, да поскорее. Я уже

мысленно бранился с Вами за то, что долго не отвечаете. Я теперь положил себе окончательно ни с кем не знаться. Еще наш приятель гениальный дьячок[7], лучший, пожалуй, но и тот, как Вы верно заметили, завидует, как бес. Здешние все очень *пусты,* хотя писать картины, вставлять их в рамы и продавать умеют более или менее. На днях прочитал *Новь* Тургенева[8] — это такая чушь, такая бездарность и пошлость, что я читал и злился и ругался, а в прежних его вещах есть удивительно высокоталантливые вещи.

59.

В. В. Стасову

[Париж]. 22 февраля/6 марта [1879][1]

Вы меня спрашиваете, не хочу ли я выставляться[2] вместе с другими на передвижной выставке — *нет, не хочу.* Чудно́ мне, что Вы об этом спрашиваете: каждая моя картина должна что-либо сказать, по крайней мере *только для этого я их и пишу* (вместе они скажут, может быть, еще более и яснее, потому что направление мысли многих сходно). С какой же стати приплетаться им к царевне Софье[3] в белом атласном платье и др[угим] более или менее интересным сюжетам, которые только отвлекают от них внимание и уменьшат непременно впечатление? К тому же я выработал свою технику, имею сказать много интересного и приучил общество к тому, что в картинах моих нет лжи и фальши; смотреть меня всегда пойдут — *зачем же мне компания?* Разве потому, что цыган удавился для компании? Вы пишете, что Григорович враль, болтун и т. п.; да ведь мы говорили о нем как о смотрителе и хозяине постоянной выставки, на которой можно было бы прекрасно поставить мои картины, а не как о человеке; какая нужда исправлять его blaguer'ство[4], если картины хорошо поставлены, даны даровые входные дни и т. п. Значит, *отказываюсь от выставки* картин или картины; коли пошлю, то для передачи по назначению, просто.

От Гупиля никакого извещения не получил, а до получения оного *не пойду* к нему. Коли увидите Суворина, спросите, не хочет ли сделать издание (гупилевским способом) моих картин последней русско-турецкой войны; на продажу, я думаю, можно надеяться, коли повести умеючи дело. До свидания.

В. Верещ[агин]

На Кириллина и Стуковенко обращусь к суду, иначе ничего не будет.

Я думаю, что деньги, присланные Templier, принадлежат мне, ибо за деревяшки, сделанные с моих рисунков, я ничего не получил. Хорошо, кабы Гейнс прислал счет; я с ним, наверно, дела кончил, ибо считаю его *передергивателем*; впрочем, я думаю, Вам порядочно надоело с ним нянчиться, не лучше ли на него плюнуть?

60.

В. В. Стасову

[Париж]. 4/16 марта [1879] [1]

Я посылаю на Ваше имя, Владимир Васильевич, картину мою *Пленные* [2], покажите ее наследнику и скажите, что, по моему мнению, таковая стоит того, что получает Коцебу [3] за свои картины, т. е. 7000 рубл[ей]. Если заметят, что картина моя немного меньше размером, чем карт[ины] Коцебу, т. е. что это дорого, то можно допустить 6000 за такую величину; затем картины вполовину этого размера — $\frac{1}{2}$ этой цены; четверть — $\frac{1}{4}$ цены; $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{8}$ цены; $\frac{1}{16}$ — $\frac{1}{16}$ цены. Таким образом, после *торговаться не придется,* что весьма важно. Всех картин больших и малых будет от 10—20. Разумеется, картины должны составлять одну нераздельную галерею (не должны идти по рукам велик[их] князей). Я сохраняю на них право автора, т. е. право копий и всяческих снимков, также право взять их, когда понадобится для выставки (е[го] в[ысочество] не должен давать их на выставку без моего согласия). Картину надобно поставить не близко к свету и так,

чтобы свет был с правой стороны картины (со стороны телеграфных столбов), т. е. с левой [стороны от]зрителя. Картина должна прийти через день по получении этого письма. Коли Вам понадобится Струков, то его адрес: Английская набережная, собствен[ный] дом, за Николаевск[им] мостом. До свидания.

Дайте, пожалуйста, знать Третьякову: коли е[го] в[ысочество] почему-либо не пожелает взять картин, то лучшего ничего не желаю, как отдать их Третьякову. По совести думаю, что цена моя невелика. *Невиль*[4], талантливый француз, берет за свои картины, военные, по 60—70 000 франков. Я уменьшаю мои требования ввиду того, что требую приема в одни руки целой коллекции. Хорошо бы, кабы Вы сами представили картину наследнику — другие не осмелятся выговорить е[го] в[ысочеству] *условия* мои, а между тем это крайне важно. Буду надеяться, что Вы меня в обиду не дадите именно настоянием на *условиях* дальнейших посылок.

В. В.

61.

В. В. Стасову

[Лондон]. 13/25 марта [1879][1]

Я опять в Лондоне, как видите,— все смотрю помещения [...] для моей выставки[2] [...] Бартоломе, наш поверенный в делах здесь, говорит мне, что принц [Уэльский] целых полтора часа продержал его у себя, все толковали обо мне и моих картинах, так что дипломата нашего, кажется, немного сконфузил такой избыток внимания. Уэльский затем говорил Бартоломе, что он *непременно желает, чтобы картины мои, относящиеся до Индии, остались в Англии.* На возражения Бартоломе, что я хочу отправить их потом в Россию, он говорил, что пускай отправлю другие мои картины, а эти, как относящиеся до Англии, должны остаться в Англии [...] Это все говорю Вам *под секретом* и прошу Вас истинно по-приятельски дать Ваш совет, на случай если в самом деле предложат оставить мои работы в Англии? [...] А все как будто неловко, хотелось бы оставить их в России, хоть за меньшую цену. С дру-

гой стороны, хоть бы Третьяков, напр[имер], которому этюды мои так понравились, ходил, ходил, нюхал, щупал, а ничего не говорит о том, что желает дать за них деньги — не предлагать же мне ему. Другие все хотят утащить по картинке для пополнения своей модной мебели, что не подходит под мои намерения. Разумеется, снимать шкуру с неубитого медведя не следует, но все-таки *напишите поскорее,* как бы Вы думали следует поступить в случае, если серьезно предложат место моим картинам в одном из здешних музеев? О том, чтобы наше правительство заплатило что следует, не благодетельствуя мне и не раздирая рты зависти множества кропателей картин и иных художеств, кажется, нельзя надеяться. Почти уверен, что назначенную мною цену, 7000 руб[лей], за отправленную Вам большую картину найдут слишком высокою и сейчас же приведут в пример Виллевальде[3] и комп[анию], довольствующихся малым за большие труды.

Выставка здесь будет стоить мне порядочно дорого, но надеюсь воротить деньги, так как буду собирать шиллинги. Впрочем, довольно о деньгах. До свидания. Черкните поскорее.

В. В.

Не могу верить, что я когда-нибудь обеспечу свое *завтра* и не буду раздражать свою печень и весь организм боязнью того — хватит ли до будущего года?

62.

А. В. Верещагину

[Париж]. 16/28 марта [1879]

Merci[1] за деньги, Александр Васильевич. Совершенно достаточно их и как раз кстати, ибо еду опять на днях в Лондон (откуда только сегодня воротился) устраивать большую выставку моих индийских работ. Если есть опасность немедленная в болезни отца, то дай мне знать, я приеду. Если же такой опасности нет, то лучше мне не ездить, ибо придется отложить выставку, а принц Уэльский торопит. Он был у меня, видел мои работы и ужасно интересуется ими. Главное, разумеется,

в том, что пропущу время открытия лондонского сезона, когда в Лондоне побольше народа, интересующегося всякими художествами. Передай папаше мой поклон, скажи, чтобы и не думал хворать серьезно. Впрочем, я ему буду писать. Не знаю, за что Алексей[2] меня благодарит. Я ничего для него не сделал, хотя очень желаю и надеюсь что-либо сделать на том, разумеется, условии, что он будет сдерживать свою вспыльчивость, которая не только будет расстраивать его собственный путь, но и не даст ему возможности своим трудом обеспечить свою семью — так думаю, может быть, ошибаюсь. Очень тебе благодарен за оружие. Скобелев — свинья, дурацки ошибся насчет вещей[3] найденных, которые оказались какого-то капитана Верещагина. Только задержал розыски. До свидания.

В. В.

63.

П. Ф. Исееву

25 марта [/6 апреля 1879][1]

Милостивый государь
Петр Федорович

Позвольте обратить Ваше внимание на художника Е. К. Макарова и его альбомы последней кампании. Он буквально в кабале за 1500 руб[лей] или, может, 2000, котор[ые] ему дали, и, кроме *80* акварельн[ых] рисунков, за эти же деньги принужден делать несчетное число рисунков на дереве *для одного из приближенных* того лица, которое дало эти несчастные деньги.

Просмотрите его альбомы и покажите их его высочеству Владимиру Александровичу[2].

Уж если кто может дать верные картины последней кампании, так, конечно, Макаров, которого не грешно Вам поддержать и избавить от...

Макаров живет, если не ошибаюсь, на Вас[ильевском] острову, в 5 Линии, дом 32 (?), квар. 17.

Прошу Вас принять уверение
в моем уважении.

В. Верещагин

64.

В. В. Стасову

[Лондон]. 4/16 апреля [1879] [1]

Что за холоп, нахал, свинья этот красивый и богатый Шереметев[2]; его куриный ум решил, что, *отшаркнувшись* от наследника, я непоследовательно снова пришаркиваюсь (должно быть, так) к нему — эдакий идиот. По приглашению е[го] в[ысочества] я пошел в Аничковский дворец — разве это значит пришаркиваться? Меня заставили прождать и велели прийти другой раз. Я уехал, потому что не имел ни охоты, ни времени без толку шляться по передним — разве это значит отшаркиваться? Картину мою послал прежде к наследнику потому, что был в очень неловком положении благодаря вмешательству Боголюбова: еще *до отъезда* моего в Болгарию (перед войною) он просил дозволить ему предложить е[го] в[ысочеству] мои будущие работы; с тех пор еще раза 2 или 3 говорил о том же — я дозволил. Вероятно, потому, что цель Боголюбова была главным образом держать меня под покровительством и замолвить обо мне раньше других, т. е. главным образом выдвинуться самому как покровителю талантливого человека; толку вышло немного: е[го] в[ысочество], по словам Боголюбова, *желал иметь мои картины.* Вы знаете, что в Питере я хотел (по предложению же Боголюбова) переговорить с наследником — знаете и результат. Теперь я был в таком положении, что не мог говорить ни с Третьяковым, ни с кем другим, не сделавши невежливости наследнику, чего я не хотел, ибо с туркестанскою коллекциею был уже раз невежлив относительно государя, обещавшись отдать картины ему и вместо то[го] со злостью на чиновных болванов отдавши их купцу Третьякову. *Вот почему я послал картину и решился узнать, наконец, берет е[го] в[ысочество]* или нет. Сам же я все-таки не пошел бы опять сидеть в передней понапрасну, т. е. если бы не был уверен, что меня наверное примут и будут говорить со мною о деле, вместо того чтобы заставлять в лакейской болтать с такими дураками, как Шереметев, напр[имер]. Наверно, объясню ему, первый раз, что встречу его, как он ошибается, воображая, что я *пришаркиваюсь.* Его поклон-

ничеством дорожу столько же, сколько Вашим плевком, и счел бы за великое унижение, если бы он сколько-нибудь *помогал* мне. Отдайте картины Третьякову, если он согласится взять их на моих условиях, не отдавайте в[еликому] к[нязю] — теперь, более чем когда-нибудь, не желал бы этого последнего. Коли и Третьяков не согласен на условия — пошлите обратно, *говорю вам серьезно.*

До свидания.

В. В.

65.

В. В. Стасову

[Лондон]. 16/28 апр[еля 1879] [1]

Сегодня открывается моя выставка [2], поэтому имею кое-какие занятия еще. Но как приеду в Париж, напишу Вам по поводу предложения [3] Третьякова. Покамест подтверждаю мою просьбу выслать сейчас же мою картину ко мне в Maisons-Laffitte по petite vitesse [4]. Спасибо Вам, дорогой Владимир Васильевич, за Ваши хлопоты. Надобно же было этому придворному прихвостню Боголюбову приставать ко мне в продолжение 2 лет с уверениями, что е[го] в[ысочество] желает иметь мои картины. Заметьте, что я отказывался на том основании, что некоторые сюжеты не могут нравиться таким высокопоставленным лицам, как е[го] в[ысочество], а что изменять или исправлять их я не намерен — ничего, ничего повторял Боголюбов, наследник знает это и все-таки желает и проч[ее] и проч[ее]. Я очень хорошо понимаю, что неготовность всей коллекции — только предлог и что если бы я послал как образчик «дело под Мечкою» или «пленение Османа-паши» [5], то у меня оторвали бы с руками картину, а Боголюбову дали бы чин или крест, а в крайнем случае приветливую улыбку — очень сожалею, что вышло иначе.

До свидания.

В. В.

Мы с Вами не анархисты [6] — нам нечего бояться обысков и др[угих] мер. Смело останемся при наших идеалах,

которые, будучи свободными, идут вразрез с убийствами, тем более политическими и самодурно-социальными.

66.

П. Ф. Исееву

[Париж]. 19 апреля/1 мая [1879]

Милостивый государь
Петр Федорович

Во-первых, позвольте Вам сказать, что Вы были совершенно справедливы, предупреждая меня против излишней услужливости вездесущего благодетеля нашего А. П. Боголюбова.

Представьте себе, что еще до отъезда моего на Дунай он просил у меня позволения обещать е[го] в[ысочеству] наследнику мои будущие работы.

С тех пор несколько раз возобновлял ту же просьбу и получил, разумеется, это право, потому что я, в сущности, ничего же не мог иметь против рук е[го] в[ысочества]. На неоднократно выраженное мною сомнение, чтобы все мои сюжеты могли понравиться е[го] в[ысочеству], он уверял меня, что я не знаю вел[икого] князя, который будет очень рад и проч[ее]. Я послал мою картину в Петербург, и вышло то, что можно было ожидать. Е[го] в[ысочество] не пожелал ни этой картины, ни других, сделанных не по его заказу. Мне наука: вперед умнее быть и за мышами не ходить, т. е. не покушаться поставлять картины во дворцы!

Теперь перейду к одной, весьма деликатной просьбе: Кенсингтонский музей в Лондоне, отчасти желая сделать любезность, отчасти в надежде соответственного любезности подарка для своего музея, отправил в Петербург дубликаты некоторых своих вещей; часть на имя Бутовского [1], другую на имя е[го] в[ысочества] наследника. Отправлено это уже давно, и с тех пор не только благодарности, но даже *уведомления о получении не имеется.*

Признаюсь, мне совестно было слышать об этом, и хотя как директор музея sir C. Owen [2], так и склонивший его на эту любезность известный Ralston [3] махнули или собираются мах-

нуть рукою, но я к Вам обращаюсь, Петр Федорович, с просьбою — не оставить этого дела без розыска и поправления для чести русского имени. Надобно, узнавши, напр[имер] через велик[ого] князя Владими[ра] Александр[овича], кто получил эти вещи, предложить, во-первых, поблагодарить за них, а, во-вторых, коли можно, отблагодарить за них, чем-либо *русским*, какими-либо также дубликатами кружев, вышивок или чего-либо в этом роде. Уверен, что Вы извините меня за обращение к Вам и, если можно, поправите это. действительно, скверное впечатление, которое сделала на заведующих Кенсингтонским музеем неудача их первого и, вероятно, последнего сношения с начинающимися музеями в России.

Прошу принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Недавно устроил выставку моих индийских работ в Лондоне.

67.

В. В. Стасову

[Париж. 19 апреля][1 мая [1879] [1]

Чем это Вы восхищаетесь в письме Третьякова? Он пользуется случаем, чтобы перед Вами, известным публицистом, frapper un grand coup d'éloquence de générosité [2] и, кстати, ловко поторговаться под шумок, а Вы в восторге!

Он прямо говорит, что хочет, чтобы картин было не меньше, а, если можно, еще больше и подешевле; он хочет, чтобы я проникся тем, чем он проникся, а именно «жертвами рус[ского] народа, подвигами его войск, а также некоторых отдельных личностей...», он смотрит на мою картину только как на преддверие к моим работам, а не как на серьезную работу...

Ах[...]! да с чего он взял, что он может давать такие советы и что, того более, я приму их. Да я их оставляю как память того скудоумия, с которым разные аршинные кулебяки выступают советчиками серьезным художникам и, пожалуй, мыслителям, каковым я себя считаю, кажется, с кое-каким основанием.

В особенности после последней кампании передо мною ясно, во всеоружии (говоря книжно) стоит ужасный призрак войны, с которым, при всем моем желании схватиться, я боюсь не совладать, к которому, прямо сказать, не знаю, как подступиться, с которой стороны его подрыть, укусить, ужалить,— а этот мудрец, пожертвовавший сто, тысячу, может быть, сто тысяч рублей на войну и, может быть, потерявший полдюжины родственников, желает, чтобы я проникся всеми этими жертвами русского гражданина, *воспел* бы их вместе с результатами: «переходом Балкан, славным миром, массою пленных, пожалуй, чумою и Ура! Ура! Ура! без конца...» Или уж Вас там всех так напугал выстрел[3] [...] социалиста? Да ведь ни Вы, ни П[авел] М[ихайлович], ни я анархистом [...] не были и не будем, так зачем же нам бросаться в такой узкий патриотизм, который ничего не видит за славою и вонью от куч неприятельских тел, наваленных в 5, а коли можно, в 10 рядов на пространстве квадратной версты или 10 верст! Неужели это я для Павла Михайловича писал мою «Апофеозу войны» — вот не ожидал. Скажите, пожалуйста, Третьякову, что картины мои после будут дороже, а не дешевле: вместо 7 будет 8, вместо $3\frac{1}{2}$ будет 4 и т. д.

Значит, он не выторгует, а проторгует,— впрочем, это его дело.

Выставка моя в Лондоне открыта, но я сам по болезни не был на открытии.

Что такое у Вас творится [...] делают ошибку, поступая так драконовски[4]. Впрочем, нас не спросят.

До свидания.

В. Верещагин

68.

П. М. Третьякову

Париж. [21 апреля]/[3 мая [1879]

Милостивый государь Павел Михайлович

Я думаю, что Вы выразились именно так, как я ждал, но не в том дело. Полагаю, что если я обязуюсь взять на себя укладку, всю вполне, свернуть полотна на вальки в один аршин диаметра и, наконец, исправить красками же, а не

деньгами всякую порчу, если бы, паче всякого чаяния, таковая все-таки приключилась, то Вы ничего более не будете иметь против того, чтобы часть моих туркестанских работ была выставлена в Европе.

Что касается Вашего письма к Влад[имиру] Васильевичу Стасову по поводу виденной Вами моей картины, то очевидно, что мы с Вами расходимся *немного* в оценке моих работ и *очень много* в их направлении. Передо мною как перед художником *война,* и *ее* я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары — это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаха и без пощады.

Вас же, очевидно, занимает не столько вообще *мировая идея войны,* сколько ее частности, например в данном случае «жертвы русского народа, блестящие подвиги русских войск и некоторых отдельных личностей и т. п.». Поэтому и картина[1] моя, Вами виденная, кажется Вам достойной быть только «преддверием будущей коллекции». Я же эту картину считаю одною из самых существенных из всех мною сделанных и имеющих быть сделанными.

Признаюсь, я немного удивлен, как Вы, Павел Михайлович, как мне казалось, понявший мои туркестанские работы, могли рассчитывать найти во мне и то миросозерцание и ту податливость, которые, очевидно, Вам так дороги.

Вместе с Вами пожалею, что картины мои минуют такие хорошие руки, как Ваши, и попрошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин

69.

П. Н. Яблочкову[1]

Maisons-Laffitte Avenue Kleber, 48[2]. *10/22 мая [1879]*

Милостивый государь,

я хотел бы осветить Вашим светом галерею моих картин в Лондоне, помещающуюся в одном из зданий Кенсингтонского музея.

Я уверен, что свет будет хорош, важно только, чтобы он и приспособления его стоили мне *возможно дешево.*

Для Вас, я думаю, этот опыт будет не безвыгоден в том смысле, что послужит наилучшею рекламою, ибо самая большая моя картина представляет принца Уэльского во главе громадной процессии слонов в Индии, и мы притащим на открытие Вашего света как принца с его семейством, так и весь «царствующий дом», а также знатный люд Лондона.

Будьте так любезны, назначьте время, когда я могу с Вами переговорить об этом и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

70.

П. М. Третьякову

[Лондон?] 15/27 мая [1879]

Милостивый государь Павел Михайлович

Прежде всего дайте сказать Вам то, что вряд ли нужно было бы говорить, а именно, что я Вас искренне уважаю. После этого уверен, что от слов моих у Вас не останется обидного впечатления [1], частичка которого как будто сквозит в ответе Вашем на мое последнее письмо.

Между *праздничными* картинами войны, которых Вы никогда не уважали и не желали, и картинами войны *такой, какая она есть,* разница громадная; и войны, как Вы хорошо знаете, разные: от войн Наполеона I [2] до тактических войн пруссаков. Не место и не время, как Вы понимаете, разбирать и обсуждать, все ли войны таковы, а также «бьются ли войны жертвами народа и отдельных личностей» или бывает иногда наоборот, что жертвы народа и проч[ее] — бьются войнами. Далее: если бы я мог теперь же показать Вам и обществу все мои картины, вместо половины их, уже сделанными, то, разумеется, не предложил бы таких невыгодных для себя условий, как назначение цен картин сообразно их величине. Большие картины у меня все отделаны, обдуманы, можно сказать, выстраданы, почему, думаю, стоят своих цен, но и между ма-

лыми есть полные трудностей исполнения, а между тем цены их по этой мерке просто ничтожны. Я должен Вам 10 000 с процентами, да в другое место до 15 000, да буду принужден еще занять до 10 000 для окончания работ — все это придется уплачивать, да при этом жить и дышать, хоть и скромно, но все-таки тратить деньги, а здоровье не позволяет мне сделать более 4 больших холстов в год. Рассчитайте, чем же я, художник, уже истративший немало сил и здоровья на развитие таланта своего, буду существовать? Совершенно понимаю Ваше желание, очень натуральное, иметь картины мои возможно дешевле, но думаю, что *после* они, вероятно, будут стоить скорее дороже, чем дешевле. Так как представляются большие трудности пользоваться проданными картинами как этюдами и для выставки, то, в случае если не найдется желающего заплатить за все от 50, 70, *может быть,* до 100 000, в 5 лет, я, вероятно, передам их торговцу, который будет продавать желающим по паре и даже по одной, но и по значительно увеличенной цене, приблизительно по 40 000 франков за большой холст, то есть вдвое более назначенного *Вам теперь.* Я думаю, лишнее почти говорить Вам, Павел Михайлович, что эти рассуждения мои между нами; я позволил себе вдаться в них только потому, что Вы писали В. В. Стасову о причинах, заставляющих Вас предлагать сбавить цены; говорили, что Вы не концессионер, не подрядчик, содержите училище[3] и проч[ее]. Со своей стороны и я позволяю себе сделать то же, высказать мои соображения, но именно только *Вам и В. В. Стасову. Еще раз буду жалеть, если картины мои минуют рук такого бескорыстного любителя искусства, как вы,* но что же делать, если мои условия для Вас неподходящи, то будем считать, что между нами не было никаких переговоров о ценах и оставим за собой обоюдно полную свободу на будущее время.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Моя выставка в Лондоне приносит мне очень много чести и комплиментов, но мало денег; картинки также щиплют в разные стороны, но эти положительно нужны мне как этюды.

Я послал картину цесаревичу потому, что милый и вездесущий благодетель Боголюбов уверил меня, что е[го]

в[ысочество] *желает* их иметь, и на неоднократные мои замечания, что е[го] в[ысочеству] многие картины могут просто не понравиться, опять-таки утвердительно говорил, что в[еликий] к[нязь] не таков, как я думаю, что ему все *верное* понравится, и проч[ее].

71.

П. Ф. Исееву

13/25 июня [1879]

Милостивый государь
Петр Федорович

Директора Кенсингтонского музея зовут Sir Cunliffe Owen, тот самый, который был представителем Англии на Парижской выставке.

Напоминаю Вам, что вещи из музея были посланы не одному только цесаревичу, но и г-ну Бутовскому, и с тем же результатом, т. е. без ответа.

По поводу вмешательства Боголюбова скажу Вам, что он хотел пристроить к кампании (русско-турецкой) француза Невиля, но тот, узнавши, что я еду, не поехал. Тогда Боголюбов буквально вцепился в меня, чтобы я согласился *отдать все мои будущие работы цесаревичу*. Еще недавно, возвратившись из Петербурга, уверял меня, что е[го] в[ысочество] желает иметь мои картины и поручает ему, Боголюбову, пересылать их и проч[ее].

Оказывается, что е[го] в[ысочество] ничего этого не говорил.

На Ваш вопрос, много ли места [1] мне нужно, скажу, что, по всей вероятности, *много*, 2 зала, если они не очень велики, и один, если он очень большой. Перед Москвой я хотел бы выставить в Питере, если найду хорошее помещение, и это не далее начала будущего года.

Кроме места, я желаю иметь право самому развесить свои картины, не смешивая их с другими, т. е. отдельною коллекцией, в том порядке, который я им дам.

Думаю, что это желание со стороны человека, так серьезно относящегося к делу, как я, не покажется Вам чрезмерным.

Когда буду в Лондоне и увижу Owen, спрошу его, не желает ли он *именно чего-либо для* музея. Вообще же думаю, что если послать им что-либо, то непременно с русским национальным характером, дубликат чего-либо чисто русского.

Адрес:
Sir Cunliffe Owen, South Kensington museum, London[2].

Прошу Вас принять
уверение в моем уважении.

В. Верещагин

72.

В. В. Стасову

[Париж]. 7/19 июля [1879][1]

Получили ли Вы мое последнее письмо со статьею о моей выставке? Кажется, писал Вам в том же письме о русофобстве газеты «Times»[2]; на всякий случай повторю еще. Художественный критик этой газеты, весьма известный Tom Taylor[3], пишет мне буквально следующее: «Он глубоко уважает мой *характер* и мой *художественный* гений и давно уже написал разбор моих работ в духе самой высокой похвалы их, но редакция отказалась поместить эту статью, несмотря на его неоднократные напоминания и даже просьбы и к главному редактору и к его помощнику».

«Times», по отзыву, напр[имер], Моргана[4], теперь более злой русофоб, чем многие старые русофобские журналы, из котор[ых] только «Daily Telegraph» посетил выставку, остальные, как «Globe», «Pall Mall», «Standard», «Morning Post»[5], разбиравшие все самые ничтожные выставки, *не упомянули даже об открытии моей?* Это просто историческая глупость и нелепость. Интересно признание Taylor, что «внимание, обращаемое их газетою на художественные предметы, не имеет ничего общего с их интересом и достоинством художественным». Это буквально! И это признание старика, трудящегося в газете многие годы.

Уведомьте, получили ли 2 предыдущие статьи. Здесь прилагаю еще 2 или 3. Так как письмо очень тяжело, то страхую его. Присматривались ли Вы к помещению для выставки?

До свидания.

В. Верещагин

73.

В. В. Стасову

[Париж]. 30 октября/11 ноября [1879] [1]

[...] Письмо Ваше получил, сделаю так, как советуете, насчет моего пенсиона [2]. С выставкой здесь только вчера порешил, и то не знаю, окончательно ли, вероятно, открою не надолго первого нашего декабря и первого января отошлю в Питер, куда, надеюсь, картины прибудут в начале февраля. Коли место будет, сейчас же можно будет поставить и открыть для публики. Надеюсь приехать раньше прибытия картин, но на всякий случай адресую их хоть на Ваше имя, если Вас это не стеснит.

Наследник, за бытность здесь, хотел ко мне приехать, но я просил Кумани, известившего меня об этом, не трудиться, ибо я не желаю показывать ему мои работы, точно так же, как он не пожелал видеть мою картину, ему, как помните, представленную. У Влад[имира] Александр[овича] [3] я также не был, и он ко мне не пожаловал; стороною я слышал, что е[го] в[ысочество] крепко ругал меня за *невозможные* сюжеты [...] Ник[олай] Николаевич [4], бывший у меня 2 раза, сомневался, поймут ли в России такие картины, как «Наши победители» и «Наши побежденные» [5], а также «На Шипке все спокойно» [6]. Стороною слышал, что он, хваля мои работы, высмотрел в них *тенденцию* — еще бы! Все это — и злоба Владимира и мнение Николая — похожи, как представителей самого ярого консерватизма, показывают, что я стою на здравой, нелицемерной дороге, которая поймется и оценится в России. Женщин действительно нет у меня, но не преднамеренно, а потому, что не приходилось; после, вероятно, будут [7]. Кстати, недавно по поводу газетных отзывов о книге Илинского [8] я хотел

написать в «Новое время» несколько слов, чтобы со своей стороны засвидетельствовать о женских терпении, настойчивости, выносливости, искусстве, храбрости и проч[ем] за прошедшую войну. Обобщая мысли, я высказывал крайнюю необходимость, после таких *опытов,* неотложно открыть молодым женским силам натуральную дорогу или в противном случае не дивиться, если эти силы пойдут в сторону, может быть, нежелательную.

Хотел, говорю, послать письмо, да и отдумал: во-первых, потому, что все не решаюсь еще говорить иначе, как кистью, во-вторых, думаю устно при другом случае и с большим авторитетом.

До свидания. Кланяйтесь Н[иколаю] П[етровичу] Собко. Книгу о Иванове[9] прочту с интересом.

В. Вер[ещагин]

74.

И. С. Тургеневу

[Париж 17/]29 ноября [1879]

Дорогой Иван Сергеевич!

Если не печатается еще Ваша заметка[1], то не подождать ли? Разные комитеты клуба бросают столько палок под колеса, что я сомневаюсь, чтобы выставка моя состоялась. Не подождать ли? Я извещу, когда дело решится.

Вас уважающий *В. Верещагин*

75.

П. Ф. Исееву

[Париж]. 28 ноября/10 декабря [1879]

Милостивый государь
Петр Федорович

Я полагал, что, кроме книг, были посланы его высочеству еще и некоторые вещи, как, напр[имер], кружева — веро-

ятно, я ошибся. Во всяком случае дело может считаться благополучно оконченным, так как вследствие Ваших справок от наследника получено в Кенсингтонский музей благодарственное письмо, а это только и требовалось.

Когда буду в Петербурге и Москве в начале нынешнего[1] года, то, вероятно, буду иметь случай объяснить, какое именно помещение мне нужно.

Пожелавши Вам, так же как и Вы мне, всякого благополучия, прошу Вас в то же время принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Между нами: меня удивляет, что е[го] в[ысочество] Владимир Александрович за бытность в Париже позволил себе так резко выражаться о моих работах, которых он даже не видел. Это совсем не рекомендует его уменья различать послушных богомазов от независимых художников.

76.

В. В. Стасову

[Париж]. 15/27 декабря [1879] [1]

Успех выставки, оказывается, *огромный*; народу очень много, отзывы самые лестные. Сегодня на железной дороге встретил Мейссонье, который будто бы *собирался ехать ко мне*! Я проводил его по выставке, и его живописное величество осталось в высшей степени довольно, дивилось, восхищалось и проч[ее]. Сегодня же художники говорили мне, что выставка моя сделает эпоху (?). Слова révélation, horizons nouveaux, etc. [2] повторяют все.

Не все журналы писали; я не решился объехать все редакции, зазорно толкаться. Тургенев говорил мне, что послал входные карточки в газеты, но, разумеется, не все откликнулись и пошли смотреть.

Я не мог видеть Яблочкова перед его отъездом, и потому, вероятно, он у Вас не был. Это, однако, дело решенное, что

он устраивает мне свое освещение в том размере, как будет нужно. Ищите, пожалуйста, помещение. Нужно очень большое, со светом сверху, коли можно, т. е. с высокими окнами.

В начале нашего февраля картины, надеюсь, будут в Питере. Я буду раньше.

До свидания.

В. Верещагин

Видел сегодня Антокольского[3], он смотрел мертвецом, говорит, был болен. Предлагают продавать не только картины, но и ковры и проч[ее]. Мне говорили, что в городе толки о выставке и Вашем покорнейшем слуге не переводятся.

77.

П. Ф. Исееву

[Париж]. 18/30 декабря [1879]

Милостивый государь
Петр Федорович

Его высочество[1], вероятно, забыл свой резкий отзыв, который даже был передан е[го] в[ысочеству] Николаю Николаевичу, выразившемуся о нем так: *Ничего они не понимают, картина эта совершенно верная с натурою...*

Как видите, Петр Федорович, дело не в сплетне, а в настоящем резком осуждении, которое, исходя от такого высокопоставленного лица, разумеется, было замечено и повторено — это так натурально!

Относительно места на Московской выставке позвольте сказать Вам, что с величайшим удовольствием приму его, с условием, что дадите мне его много и избавите от подчинения разному начальству мал-мала меньше. Пусть предложат и дозволят относиться, напр[имер], к секретарю Академии, но изба-

вят от послушания разным меценатам вроде Боголюбова и комп[ании], неизбежных, как смерть, во всех художественных советах и жюри.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

78.

Н. В. Верещагину

[Париж. 20 декабря 1879] 1 января [1880]

Стыжусь тебе сказать, что, кажется, понадобится тысяч 8 франков за перевозку ящиков, и это не далее как недели через 3, да, вероятно, рублей 500, коли не тысячу, попозже, на устройство выставки[1]. Вытягивай, брат Николай Васильевич, да, коли можно, вслух не жалуйся и не бранись, чтобы милые покупатели, зная нашу общую крайнюю нужду, не прижали меня. Впрочем, я решился сделать аукцион на мои русско-болгарские картины (т. е. военные) в случае, коли Третьяков и К⁰ стали бы жилить. Сначала пущу разом, коли не пойдут,— вразброд; а индийские работы в этом случае возьму назад в Париж. Это всегда деньги здесь. Вот тебе мои планы. Затем хочется еще поехать в путешествие, чтобы показать немногим лаявшим, что я еще не сказал последнего слова. Кланяйся Татьяне Ивановне[2] и деткам.

Получили ли мой портрет в «Vie Moderne»?[3] Каков старина изображен? Биографии мои теперь так и сыплются, тоже счастье, что называется,— на брюхе *шелк,* а в брюхе щелк!

Что-то недостает от того, что не могу поделиться успехом с милым розовым старичком[4], который ушел от нас. Что мама? Она что-то не отвечает мне! Кабы дотянуть до времени, когда буду в состоянии предложить ей проехаться в теплый климат. *Надеюсь,* недолго до этого, но как бы не свернулась и она раньше этого. Папа-то милый только выслушал обещание. *Дырявые калоши его не идут у меня из ума* — вот истинная нравственная казнюшка, о которой не подозревал прежде. Коли нужно телеграфировать, можешь писать: France, Maisons-Laffitte[5]. Приеду скоро.

В. В.

79.

Л. Н. Толстому

[Петербург. Начало февраля. 1880]

Милостивый государь

В. В. Стасов, передавши мне недавно, что Вы в Питере и желаете со мной познакомиться, просил прийти на другой день в библиотеку для свидания с Вами. Так как он говорил, что Вы не желаете уехать, не повидавшись со мною, то я пришел ровно в назначенный час и битых 2 часа ожидал Вас. Вы не только не явились, но даже не сочли за нужное уведомить меня, что Вы уехали совсем из города, т. е. поступили крайне *невежливо*[1].

Свидетельствую мое уважение таланту Вашему.

В. Верещагин

80.

П. Ф. Исееву

[Петербург]. Четверг, [февраль 1880]

Милостивый государь
Петр Федорович

Я договорю то, что не успел сказать Вам. Мне кажется, Вы поторопились дать моим словам не тот смысл. Не позволяя себе решать, что *нужно* и что *не нужно*, я полагаю, что Академия не может взять на себя с одинаковым авторитетом учить *сочинять* и *рисовать*. Рисование усваивается преимущественно в стенах Академии, т. е. школы, искусство же сочинения, творчество преимущественно вне ее, по окончании школы. Рисование, если оно не задалось в школе, в $\frac{9}{10}$ случае не дается никогда. Творчество же сплошь и рядом проявляется довольно долго спустя по окончании школы. Отсюда, мне кажется, неравенство важности для Академии классов рисования и классов сочинения, т. е. обучения творчеству. Мне

кажутся неосновательными известные мне случаи приговоров профессоров над учениками по поводу рисования («бросьте рисовать, займитесь другим, Вы никогда не выучитесь» и т. д.). Чистым грехом были бы такие решения в деле оценки способности к творчеству.

Что касается лично Якоби [1], то я думаю, что его влияние скорее благотворно в Совете Академии в том смысле, что он, вероятно, будит тех, которые засыпают при всяком удобном случае; ничего против него лично не имею, хотя и называю отпетым царедворцем, молодящимся старичком и т. п.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Надеюсь, Вы не будете на меня в претензии за откровенно высказанное мнение — не стоит говорить иначе, как прямо, без церемонии.

81.

П. Ф. Исееву

[Петербург] 20 февраля [/3 марта 1880]

Милостивый государь
Петр Федорович

По совести, не нахожу возможным исполнить желание е[го в[ысочества] относительно снятия надписей [1] и буду ждать его *приказания*. Что касается показывания картин его величеству [2], то позвольте поблагодарить Вас за доброе желание: не видя возможности переносить мои картины во дворец, я принужден вовсе отказаться от этой чести.

Прошу Вас принять
уверение в моем уважении.

В. Верещагин

82.

П. Ф. Исееву

[Петербург]. 21 февраля [/4 марта 1880]

Снимаю надписи, но пусть на душе е[го] в[ысочества] будет грех того, что люди, протестующие против зол войны, приравниваются к отрицающим государство.

Вас уважающий

В. Верещагин

83.

П. Ф. Исееву

[Петербург]. 26 февраля [/9 марта 1880]

Милостивый государь
Петр Федорович

Передайте, пожалуйста, брату Вашему самую задушевную мою благодарность за его теплый и в то же время беспристрастный отзыв о моих военных картинах; я не говорил ему, но он чутьем угадал, что я буквально плакал, писавши некоторые из моих картин,— спасибо ему.

Читали ли Вы *донос*[1] на меня Суворина в «Нов[ом] времени»?

Если е[го] в[ысочество] интересуется вечерним освещением картин, то будьте добры дать мне знать, в какой день угодно будет ему приехать. Думаю, что лучше было бы приехать часом ранее, к чему заранее уведомленные, мы приготовили бы свет.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Прочтите завтра в «Голосе» мою заметку[2] на *похабное* обвинение газеты «Нов[ое] время».

84.

П. Ф. Исееву

[Петербург] 2[/14] марта 1880

Милостивый государь
Петр Федорович

Я желал бы только, чтобы их высочество не ходили по моей выставке одни и чтобы я мог показать и рассказать им мои картины, так же как услышать их впечатление от освещения картин новым светом. Можно ли будет при этом не опоздать поездкою в Москву (для приискания места для выставки)? Решить это, спрашивая или не спрашивая велик[ого] князя, я предоставляю на Ваше благоусмотрение и «discrétion» [1].

Прошу Вас, Петр Федорович,
принять уверение в моем
уважении.

В. Верещагин

85.

П. Ф. Исееву

[Петербург]. 17[/29] марта [1880]

Милостивый государь
Петр Федорович

Я просто в отчаянии от совершенно белой Николаевской залы Зимнего дворца [1] — поминал недобром *всех* и себя, разумеется, в том числе за то, что пошел туда.

Вас уважающий

В. Верещагин

86.

П. Ф. Исееву

[Петербург]. 19[/31] марта [1880]

Милостивый государь
Петр Федорович

Я поставил мои картины во дворце, но сам не счел возможным показывать их [1] его величеству и в особенности наследнику-цесаревичу, потому что избегал возможности быть в неловком положении, намеки на которые ясно довелось увидеть.

Думаю, что его высочество Владимир Александрович не будет на меня сердиться.

Позвольте поблагодарить Вас, Петр Федорович, за Ваше желание быть мне полезным и попросить Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

87.

В. В. Стасову

[Петербург. 26 марта/7 апреля 1880] [1]

Повидаю Вас после, теперь просто не могу, потому что не совсем здоров. Только бы выйти из нищеты и удрать отсюда [2] — обещаюсь более не только не продавать, но и не показывать здесь мои работы.

В. В.

88.

Д. В. Григоровичу

[Петербург]. 2[/14] апреля 1880

Милостивый государь
Дмитрий Васильевич

Почтительно прошу Вас теперь же удержать на *рисовальные школы* десять тысяч рублей (10 000 руб.) [1]. Следующие

десять тысяч дозвольте мне уплатить или разом или по половине в продолжение двух лет.

Прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин

89.

П. М. Третьякову

[Париж] 5/17 ноября [1880]

Многоуважаемый Павел Михайлович

По возвращении из Болгарии[1] я не нашел дома, против ожидания, маленькой картины «Мечеть в Дели вечером»[2], которую Вы хотели выслать мне,— пожалуйста, не замедлите это сделать, адресуя: Maisons-Laffitte, Seine ef Oise[3].

Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями. Это сплошные массы крестов, памятников, еще крестов и крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе[4] нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато до сих пор там валяются пробки и осколки бутылок шампанского,— без шуток. Вот факт, который должен остановить на себе, кажется, внимание художника, если он не мебельщик модный, а мало-мальски философ. Незачем кого-либо именно винить, но задуматься есть над чем. Так я и собрал на память с «закусочной» горы несколько пробок и осколков бутылок шампанского, а с Гривицкого редута, рядом, забытые череп и кости солдатика да заржавленные куски гранат.

Не взыщите, что высказал мое впечатление,— знаю, что рассуждения этого рода «не Вашего романа», слишком отвлеченны и туманны.

Свидетельствую Вам мое уважение, также и супруге Вашей.

В. Верещагин

90.

В. В. Стасову

Cercle Artistiqu et Littéraire, 7, Rue Volney[1]
[28 октября/9 ноября 1881]

Вы просили, Владимир Васильевич, послать Вам все статьи о моей Венской выставке[2] pro et contra[3], но могу, кажется, послать только первые, так как вторых нет. Послал Вам то, что было с А. М. Матушинским[4], отъезжавшим в Питер. Поверите ли, что в кофейнях и на улицах только и речи что «Ферешагин, Ферешагин!» —дело в том, что я резко выговаривал Комитету Künstlerhaus[5] с Макартом[6] во главе насчет их аристократических замашек, потребовал сбавки цены на вход и громко говорил, что желаю показать свои картины не 10 000 графов и графинь, а 2[00 000] или 300 000 венцев, сколь возможно более бедных и незнаменитых. Эти мои слова подхвачены были газетами и разнесены по всем форштатам, так что думаю, не смеялись надо мною мои знакомые, когда говорили, что я вдруг стал самым популярным человеком в Вене.

Признаюсь, с удовольствием видел, как все более и более ходит бедно одетого люда и солдат; надеюсь, будет выполнена моя просьба, чтобы в последние дни школы с учителями и солдаты имели даровой впуск. После сильнейшей борьбы добился того, что вместо шума сапогов и треска и гула электрических свечей раздается во входном зале тихая мелодия органа, т. е. фисгармонии. Ай, ай, сколько было борьбы с рутиною: и то нельзя, и это нельзя, то — против статута, а то — против обычаев венцев... и т. п. Оказывается, что, должно быть, вкусы и обычаи венцев я знал лучше, чем Макарт и К°, потому что все мною сделанное понравилось буквально всему городу, от знати до бедняков. Вероятно, пришлю еще много статей. Очень, очень зовут в Берлин[7], кажется, придется показаться и там. Радует меня то, что *новые мои картины называют лучшими,*— значит, иду вперед, а не назад. Черкните о Ваших впечатлениях путешествия[8], говорят, Испания очень интересна, давно не соберусь туда.

До свидания.

В. В.

91.

В. В. Стасову

[Берлин]. 3/15 ноября [1881] [1]

Что делается на моей Венской выставке, Владимир Васильевич, того и пересказать Вам нельзя: 2 раза в день набережная перед зданием Künstlerhaus совершенно запружается народом, проезда и почти прохода нет, выдача билетов прекращается, потому что все галереи и огромная vestibule [2] полны народом до того, что двигаться невозможно. Ничего подобного в России даже не было — как верно, что живопись язык всемирный, надобно только хорошо изучить этот язык, чтобы уметь говорить на нем со всеми как следует.

Не забудьте, что обыкновенная воскресная плата за вход *увеличена вдвое,* ничего не помогает — тронулись все венские предместья, так тут уж держись только. Писал Вам, что художники устроили мне банкет [3] в мастерской Макарта?

Так как я немало враждовал, т. е. спорил и торговался вначале (за их рутиннейшие замашки и привычки), то говоривший речь, упомянув об этом, прибавил, что «нам, господа, не стыдно сознаться теперь, что он нас победил». Как неизбежно водится, пили за здоровье мое, здоровье не только «великого художнка», но и «первого апостола мира и братства». Новые мои картины хвалят больше других, что меня очень радует. Одну из них старик Амерлинг [4] называл чистым Рембрандтом,— можете представить, какая это похвала в устах человека, искренно думающего, что живопись совсем упала после старых мастеров.

До свидания, черкните в Maisons-Laffitte. Пишу из Берлина, где ищу место.

92.

В. В. Стасову

Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue St. Arnaud.
10/22 ноября 1881 [1]

Обратите внимание, Владимир Васильевич, на заметку: *Верещагин и крестьяне,* в которой говорится, что крестьяне окрестностей Вены тронулись по железным дорогам для по-

сещения моей выставки и что между ними только и толков, что о «картинах войны Верещагина» — черт побери, ничего более лестного я до сих пор еще не заслужил. Брат мой Александр[2] пишет, что если бы можно было продолжить выставку еще на неделю, то, он уверен, все крестьяне окрестностей тронулись бы со своих мест[3]... Жаль, что не могу продолжить... но в Берлине постараюсь так устроить, чтобы это состоялось. Завтра или послезавтра пошлю Вам еще несколько отрывков[4], между прочим, один, в котором критик, и очень серьезный, сознается, что я оставил *далеко в тени* Пилоти[5], мюнхенского — для немца это сильно сказано.

Неужели Вы думаете, что я почил на лаврах — *я продолжаю считать все это недоразумением* и себя *только слабым учащимся,* — верьте, что это искренно. Суворина не троньте[6], хотя навозные кучи почему не помянуть, да и то надо ли? — лежащего не трогайте. Об его заигрывании, еще одном, недавнем, не поминайте, пожалуйста, прошу Вас.

До свидания.

В. В.

Все ли статьи дал Вам Матушинский? Последние, которых у него нет, несравненно интереснее, как написанные уже тогда, когда общественное мнение высказалось вполне. Мне нравится корреспонденция берлинской «Tribune»[7] (II статья особенно).

Памятникам вообще не сочувствую, но если будут деньги — пошлю, *если найдете нужным*[8].

Сердце у меня пошаливает, иногда до дурноты.

93.

В. В. Стасову

[Париж]. 22 ноября/4 декабря [1881][1]

Подержите это письмо *строго между нами*. Да, я видел седых стариков с бородами по грудь, бродящих по сибирским городкам, вдоль заборов,— словно тени! — видел, как буквально в шею гнали с крыльца станции восьмидесятилетнего *барона* (Розена?) за то, что хотел что-то мне сказать,

может быть, попросить милостыни: ел котлеты, приготовленные ссыльным, а также и копченую ветчину того приготовления, чинил свои сапоги у ссыльного, чинил у него тарантас мой и проч[ее] и проч[ее]. Но этого недостаточно; как первое впечатление это *много* и сильно, но для создания не лживой драмы — мало. Мертвый дом [2] силен тем, что автор пережил его. Моя *война* перечувствована мною. Кабы можно было дышать у нас свободно, конечно, я не поехал бы теперь никуда, кроме России, но судите сами, мыслимо ли это теперь? Георгиевских кавалеров на казенный счет возят через всю Россию для присутствования на празднике 26 ноября [3] (не удивлюсь, если каждому дадут по прянику), а нашего брата, свободно мыслящего художника (хотя вовсе не преступного), пошлют на казенный счет разве на поселение в Сибирь, а уж никак не для наблюдения ее. Разве я стал бы жить в Maisons-Laffitte, если бы не видел абсолютной невозможности свободно работать дома? разве я дурак? разве я враг себе и своему таланту?

Нельзя ли добыть этюды от Демидова [4], хотя для одной из следующих выставок?

94.

В. В. Стасову

[Париж. 15/27 декабря 1881] [1]

Если будут в газетах вздорные толки по поводу моего столкновения с известным доктором Ционом [2], пожалуйста, сами или через кого-либо восстановите истину. Я нанял у этого господина помещение для моей выставки [3] и имел случай по этому поводу ознакомиться с его грубостью. На днях он был крайне резок с одним моим приятелем, мирным и безобидным человеком, а затем просто нахален со мною (послал меня к черту в глаза); тогда я ударил его по роже, 2 раза, шляпою, которую держал в руке; на вытянутый им из кармана револьвер я вынул свой и направил ему в лоб, так что он опустил свое оружие и сказал, что «он сказал мне грубость по-приятельски».

Спасибо за статью [4] Вашу, кроме ошибки в том, что телеграмма была прислана не одна, а свыше *100*, кажется, все

ясно, толково и умно. Начинают и здесь появляться статьи. Выставку смотреть приезжают нарочно из Брюсселя! Кто ругается, а кто и хвалит; больше, впрочем, хвалят. Кланяйтесь Собко, напишу ему на днях. Если Вам не нужны статьи, отдайте ему. Английские пришлю с новыми.

В. В.

95.

А. О. Ковалевскому[1]

[Париж]. 19/31 декабря 1881

Милостивый государь!

Очень рад Вас видеть и говорить по поводу Вашего намерения лично провалить негодяя[2]; многие из здешних литераторов и журналистов скажут Вам за это спасибо. Будьте добры загляните или оставьте пару слов у брата моего: 4, rue Taitbour, Hôtel «D'Espagne et de Portugal»[3].

До свидания.

Свидетельствую Вам мое уважение.

В. Верещагин

96.

В. В. Стасову

[Париж. 20] декабря 1881/1 января [18]82

Я писал Вам, кажется, что газеты или неохотно, или вовсе не пишут о выставке нескольких новых моих картин, а также части туркестанских, боясь делать рекламу «Gaulois». Посылаю несколько статей; «Paris», шовинист (новый журнал, гамбеттистский), ругается, «Presse» хвалит, «Temps» также; остальные больше хвалят, чем бранятся. Есть статья в «Télégraphe»[1], которую пошлю Вам по получении от одного знакомого,— ругается на чем свет стоит (какой-то, кажется, неудавшийся художник), говорит, что я должен поучиться именно у французских художников *азбуке живописи;* ничего[-де] я не знаю, не умею и вряд ли когда что буду уметь — вот тебе и на, а я полагал в простоте, что французы не умеют делать,

как я, что им по временам не мешает присматриваться к тому, что я делаю...

От художников Невиля, Детайля[2] и других я получил самые лестные комплименты, даже такие, как Буланже[3], которые не баловали меня никогда своими отзывами, говорят, что шаг вперед новых картин — *поразительный.* Коли будут еще статьи, пришлю. Я знаю редакции, которые отказали поместить уже доставленные статьи, чтобы не говорить о «Gaulois» [...]

Профессор Ковалевский, бывший здесь проездом, говорит, что непременно нужно провалить скота Циона, подписывающегося de Cyon[4] и носящего [орден] Легиона, полученный за сводничество.

Посылаю Вам статьи «Times» и «Pall Mall», находящиеся под рукою. Первый называет меня «одним из самых сильных художников нашего времени», а последний называет «гениальным человеком», «сильным мыслителем» и т. п. Уж, конечно, английские газеты в Париже не имеют причин быть пристрастными. Брат мой[5] Вам кланяется, он (между нами сказать) выходит в отставку и покамест поможет мне выставить картины в главных центрах Европы, а может быть, и Америки (также между нами).

Кланяйтесь Собко, скажите, пусть оставит статьи, если нужны. Английские статьи целы и придут непременно.

В. В.

Посылаю Григоровичу для продажи публично картинку мою *«Дервиши»* (новую)[6] в пользу погорельцев Вены.

Я так братски был принят в Вене, что необходимо сделать это; помогите ему в этом деле, если можете.

97.

В. В. Стасову

[Париж. 3/15 марта 1882][1]

Вы пишете, Владимир Васильевич, что не следует продавать картины за границею, дабы все они оставались в России. Скажу Вам, что можете судить, насколько я в тех же мыслях

по тому факту, что положительно со всех городов Европы получил от торговцев просьбы прислать картины для продажи и до сей поры никуда ничего не послал. Конечно, ригоризм этот не может вечно продолжаться, и в конце концов придется расторговаться, но помните, что укорять меня тогда в недостатке патриотизма не придется. *Между нами,* я думаю предпринять большое путешествие [2], разумеется, не по России, как бы это ни хотелось. Вы поймете, что при наших порядках теперь писать этюды и покушаться на жизнь разных особ — одно и то же, по крайней мере картинки войны мои были сочтены чуть-чуть не за открытый бунт. От греха подальше поеду туда, где и солнышко греет не хуже, если не лучше нашего, и дышать свободнее.

Знаете ли Вы, что за время моего пребывания в Питере городовой был на посту у ворот моего дома? А М[ихаил] Н[иколаевич] [3] громко говорил, что я стою во главе нигилизма? Запишите это где-нибудь на косяке библиотеки.

В. Верещагин

98.

В. В. Стасову

[Берлин. 20 марта/1 апреля 1882] [1]

Минутка нездоровья, и пишу Вам [2]: сколько себя помню, любил рисовать все: срисовывать начал едва ли не впервые с платка, на котором отпечатана была тройка с волками — волки гонятся за санями, с которых стреляют. Помню, что нянька [3] моя, которую я любил *до безумия,* одобряла меня за этот рисунок. Мне было тогда лет 5—6. Платок этот был куплен няньке от заезжавшего к нам иногда разносчика, на паре возов развозившего по окрестным помещикам *все.* Срисовывал также и висевшие по стенам картинки. Родители и родные мои всегда удивлялись моим рисункам, но об отдаче меня в Академию не могло быть и речи, так как это будто бы срамно. В Александровском корпусе в Царском Селе (куда я сначала поступил) я раз так срисовал портрет Паскевича [4] с книжки, в несколько тонов красок, что старшая надзирательница тут

же представила мой рисунок директору, генералу Хатову[5]. Учитель рисования у нас был Кокорев[6], тупой, требовавший только чистоты, в чем я далеко не мог угнаться за многими, так что на экзамене получил за рисунок с *вазы* (мало меня занимавшей) очень простой 7 или 17 № — не помню. По переводе в Морской корпус [в] 1853 [году] первый мой рисунок у В. К. Каменева[7] была *мельница* с Калама[8]; пока другие пачкали только контуры, я в час времени навалял все. Каменев как подошел ко мне, так удивился, помню, сильно и сказал: «Ого! да мы с Вами скоро познакомимся...»

В Морском корпусе я рисовал, но нельзя сказать, чтобы особенно много, так как погоня за баллами и нежелание дать другим обогнать себя по классу брали у меня все время. В последние 2 года я стал крепко заниматься и ходил в Рисовальную школу, что на Бирже[9], где рисовал запоем (об этой школе осталась у меня несравненно лучшая память, чем об тогдашней Академии, преподавание было менее казенное, более осмысленное). Меня посадили в школе с маленькими, но сейчас же перевели в оригинальный класс, мимо орнаментов. За первую сделанную головку с оригинала все ужасно расхвалили меня, все учителя приходили глазеть. Смотритель школы Гернер[10], чахоточный и добрый человек, говорил мне: «Вспомните меня. Вы будете великим артистом...» Это буквально повторял он несколько раз. Сейчас же затем дали мне рисовать с фигуры — я получил 1-й номер. Львов[11] с Моллером[12] пришли смотреть раз мое рисованье (я был в форме корпуса, унтер-офицером, т. е. с многими галунами). Моллер хвалит («Er macht das aber sehr nett»)[13], а Львов говорит: «Да, да, ведь потом бросите, как будете офицером?..»

«Напротив,— отвечал я,— я хочу быть художником».

«А! Коли так, так посадите его сейчас на гипсы...»

Мы все побаивались крепко Львова, но я его крепко также полюбил. Формализма в нем не было или было меньше, чем у других. По окончании курса, так как выпустили нас не мичманами, а гардемаринами, то многие из моих товарищей думали оставить морскую службу, вышел, однако, я один, потому что имел в виду определенную цель, а они никакой и испугались чина прапорщика гарнизонной (ластовой) команды, которым меня наградили.

Мать моя покойная, разумеется, любя меня, прямо говорила, что считает мое желание выйти в отставку сумасшествием; отец меньше перечил, но помогать деньгами отказался. Тогда я пошел к Ф. Ф. Львову, рассказал дело и спросил совета; сказал, что в крайности хочу поступить, как выйду из корпуса (я был еще фельдфебелем в гардемаринской роте, т. е. некоторым образом самым старшим чиновником в корпусе), в главное общество железных дорог, у директора которого, известного француза Коллиньона [14], я был,— он принял меня любезно и обещал определить по части рисования и раскрашивания железнодорожных рисунков.

Я рассказал, говорю, это Львову — он отвечал: «Уладим дело, дадим Вам пенсию; приходите, как выйдете из корпуса». Новеньким, чистеньким гардемарином с аксельбантами и треугольной шляпой явился я потом к нему. Он представил меня Гагарину и объявил, что я буду получать от Академии по 200 рублей в год в продолжение 2 лет.

Теперь, когда пишу Вам это, у меня слезы на глазах: спасибо Львову, спасибо до конца моей жизни.

Кстати: у директора Морского корпуса Епанчина [15] есть мой портретик в гардемаринской форме, попросите дозволения переснять и пошлите мне несколько экземпляров.

Не знаю, почему говорилось и говорится, кажется, что я что-то имею против Академии. Конечно, больший формализм, чем, напр[имер], в Рисов[альной] школе, что была на Бирже, был неприятен; профессора также, почти все, были плохи. Воинов [16], Виллевальде, Басин [17], Марков [18], Уткин [19], который от старости певал песни в классе, вельможа Бруни — все это были чиновники, а не учителя. Но против самой Академии как школы нелепо что-либо говорить. Против же Академии как заправительницы и направительницы всего искусства в России, против Академии — исповедальницы сердец и помыслов молодых художников — надобно восставать (не знаю, какова она теперь, потому и не говорю о настоящей, а о прошедшей). Поставила на ноги, талантливому помогла, дома ли или для поездки за границу, и баста, более не мешайся.

Вы знаете, что я пожег мой большой картон в 5 аршин *«Избиение женихов Пенелопы»* [20], который был подражанием Флаксмену [21]. Когда мои товарищи и покойный Бейдеман

(которому я много обязан) удивлялись: «Зачем же было жечь-то, бумага-то ведь не виновата...» — я отвечал: «Для того, чтобы уже наверное не возвращаться к этой чепухе...»

Львов просил Бейдемана заняться мною; этот талантливый человек выучил меня не смотреть на чистоту рисунков и №№.

Да не забудьте, что у Гупиля есть снимки с двух новых моих картин — выберите любую.

Если нужен Вам большой портрет, то черкните, снимусь у Брауна [22], пришлите только мерку.

Спросите, пожалуйста, у Фельтена [23], желает ли он моих портретов, покажите ему экземпляр этот.

99.

В. В. Стасову

[Париж. 28 марта/] 9 апреля 1882 [1]

Просто не придумаю, что может значить Ваша страница, исписанная намеками на мои какие-то якобы *пики?* Никаких пик никому я не имел в виду, уверяю Вас в том честным словом, и Вам не худо бы спросить меня, прежде чем говорить о недостойном меня, мелком, бабьем мотиве и т. п. — рацея у Вас вышла такая, что я едва-едва понимаю, о чем, собственно, Вы говорите, на что намекаете.

Постараюсь написать Вам еще несколько заметок о своей персоне, также и о родителях моих, но *«Забытого»* [2] делать не стану. Вы не так меня поняли — я думал и думаю, что эту же тему затрону еще раз, но не эту же самую картину напишу.

Есть ли возможность выручить от Гейнса мои вещи, нужные мне для моих работ? Поговорите, пожалуйста, со Спасовичем [3]; вещи даны были на сохранение ему с обязательством отдать немедленно то, что понадобится.

Если не можете этого сделать, то напишите прямо, я обращусь, не теряя времени, к адвокату. Нахальство этого отставного либерала поразительное, затесался в полицейские и черт ему не брат.

Мольтке [4] ворчал в Берлинском обществе на картину мою [5], представляющую императора Александра II — что они там находят! — говорил, что подумают, будто и наш, т. е. германский

император, так же сиживал; а то как же, смешно императору махать саблею. Солдатам и школам запрещено было ходить гуртом на мою выставку, вот-то дураки и идиоты.

Возвратите мне маленькую заметку американской газеты, говорят, там теперь много пишут обо мне.

Дался Вам мой подарок[6] принцессе; пишет и Третьяков: подарили же картинку, так подарите и мне хоть часть стоимости *«Дервишей»* — нечего делать, пришлось уступить ему.

100.

В. В. Стасову

Maisons-Laffitte. 17/29 апреля 1882[1]

Владимир Васильевич

Я вылез из гроба и снова дышу. Черкните мне письмецо о всем и про все. Наблюдите, чтобы большие гравюры[2] изданы были только в количестве экземпляров журнала, *никак не более.* Я делаю это не для Сомова[3], а для Вас.

Больше батальных картин писать не буду — баста! Я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого. К тому же не только в России, но и в Австрии и в Пруссии признали революционное направление моих военных сцен. Ладно же, пусть пишут не революционеры, а я, нигилист, посмотрю, а может, и посмеюсь в кулак. Нигилистом, Вы знаете, признала меня вся наша императорская фамилия с нынешним императором во главе. Я найду себе другие сюжеты. Картины мои будут путешествовать с братом Александром сначала по Европе, а потом, вероятно, и в Америке (это между нами). До свидания. Кланяйтесь Собко. На днях пришлю Вам мою книжку[4] с просьбою перевести ее и издать на русском языке.

В. В.

Портреты мои спросите у брата Александра, он же даст сведения об отце моем и матери — я не в состоянии. Еще очень слаб, с туманом в голове.

101.

В. В. Стасову

[Париж. 25 мая/6 июня 1882] [1]

За последнюю болезнь я слишком много съел хинина, доктор говорит, что едва не отравился. Должно быть, на голову подействовало чуточку — ко всему, что делаю, примешивается вопрос: *зачем?* — скоро в червивую каморку отправляться. Хочу проехаться, авось повеселее будет. Затрудняюсь, что сказать Вам о прошлом моем. Бейдеман, которого Львов просил мною заняться и который тогда еще был свеж, был мне очень полезен: он выучил меня не смотреть за чистотою рисунка, не давать цены №№ классным, не благоговеть перед Марковым (моим профессором), к которому сводил при поступлении в Академию и представил Ф. Ф. Львов. Бейдеман поехал писать в Русской церкви в Париж, пригласил ехать и меня, разумеется на мой счет. Я сколотил гроши (дядя [2] прислал 100 рублей да отец дал столько же) и через Штеттин — Берлин поехал в Париж; оттуда за болезнью пробрался до Пиренеев. Думаю, что виденное *за границею* было мне полезно; понятна сделалась рутина Марковых и др[угих] профессоров в долг. Германская мысль и французская *техника* отняли у меня охоту слушать Шамшиных [3] и после еще одного опыта применения классицизма (в котором наставлял и Моллер), т. е. эскиза, или картона, *«Избиение женихов Пенелопы»*, я удрал на Кавказ, бросивши предварительно эту классическую чепуху на 5 аршинах — в печку.

Пожалуйста, поговорите о деле Гейнса со Спасовичем — другого исхода не может быть; я с ним, т. е. с адвокатом, после спишусь обо всем.

О колокольном звоне при Кауфмане ничего не слышал?!

Дядя мой был весьма богат, отставной лейб-гусар, большой кутила.

102.

И. Н. Крамскому

[Дрезден]. 17/29 августа 1882

Иван Николаевич!

Неужели закроются женские врачебные курсы? Ведь это срам и позор. Похлопочите между художниками, соберите денег, сколько возможно. Я послал 100 франков в «Голос», на имя Краевского.

Чего только не придумают бездельники! [1]

До свидания.

В. Верещагин.

Кланяйтесь, пожалуйста, жене Вашей.

103.

В. В. Стасову

Воды Бурбуль, близ Clermont [1]. *5/17 сентября 1882* [2]

На Кавказ я приехал летом 1863 года. Чтобы сделать эту поездку, немало времени я питался одним молоком и хлебом и все-таки, приехавши в Тифлис, оказался с сотнею рублей в кармане только. По дороге, в Тифлисе и в Белом Ключе, где жил наместник [3] и состоявший при нем Лагорио [4], я, разумеется, много рисовал. Лагорио, очень обязательный и добрый человек, рекомендовал меня в семью бывшего тогда начальником штаба армии А. П. Карцова [5], как преподавателя рисования. С женою и потом вдовою Карцова, умною Екатер[иной] Николаевной Карцовою, и потом постоянно был большим приятелем. Затем получил по 2 часа в неделю в межевой школе, в одном частном пансионе, училище св. Нины и еще в одном военном училище. Вся эта история вместе взятая дала мне в год около 1500 рублей. Как я ни был занят, но урывался еще между уроками ходить на *пески* рисовать верблюдов, коров, лошадей, баранов и проч[их] животных, пригоняемых

туда на продажу, рисовал по лавкам, за городом и т. п. Конечно, только молодость и свобода моя были причиною того, что эта масса уроков не задавила меня. Трудно передать, как я был живуч и как пользовался всяким получасом времени для наполнения моих альбомов. От этого времени, помню, у меня было 3 толстые книжки, совершенно полные рисунками и отчасти акварелями, часто карандашом и акварелью вместе; все эти альбомы потеряны или украдены у меня. Через год отец мой прислал мне 1000 рублей, с которыми я поехал в Париж, отчасти с намерением издать нечто вроде кавказского художественного листка, отчасти для того, чтобы самому учиться. Листок я хотел издавать с начальником фотографии штаба Гудимой[6]. Несколько, как кажется небезынтересных, листов было напечатано у Лемерсье[7], но за отказом от дела Гудима брошены, как и вся эта затея. Я поступил в мастерскую Жерома, который спросил меня: «Кто Вас рекомендовал ко мне?» — «Никто,— отвечал я. — Мне нравится то, что Вы делаете». Когда я показал Жерому то, что имел, он очень похвалил и обещал, что я «буду иметь талант». Забыл я сказать, что до отъезда в Париж я ездил по Закавказскому краю, рисовал для Общества сельского хозяйства типы животных. Мне дали открытый лист и 400 руб[лей] денег, которых, разумеется, не хватило и на прогоны, но зато я много видел и слышал. Пробывши зиму в Париже, где, несмотря на советы Жерома, настойчиво отказался копировать старые пожелтевшие и почерневшие полотна Лувра, я снова поехал на Кавказ. Отец снова помог мне деньгами. Я вырвался из Парижа, точно из темницы, и принялся рисовать на свободе с каким-то остервенением. Альбом мой, наполненный самыми тонкими и характерными рисунками, какие я когда-либо делал, тому свидетельство. Альбом этот наполнен за один переезд от Вены до Поти. В Закавказье на этот раз я сделал массу рисунков, изумивших потом Жерома и Бида[8]. (По выезде из Парижа заезжал к брату Николаю, изучавшему тогда в Женеве артельное сыроваренье.)

Краски все еще казались мне так трудны, что я гораздо охотнее работал карандашом и было совсем краски забросил.

Посылайте же скорее пробные листы книжки: ведь я уеду скоро...

104.

В. В. Стасову

[Ла Бурбуль. 20 сентября/2 октября 1882] [1]

1) Уже писал Вам, Владимир Васильевич, что и в школе и в начале Академии я шел впереди, первыми №№. Бейдеман первый, рядом примеров признанных тупиц, удостоенных в свое время всевозможных академических наград, поколебал мою веру в необходимость *штриха*, чистоты и опрятности рисунка. Я стал рисовать грязнее и стал получать более далекие №№. Однако последние 2 рисунка в гипсовых фигурах опять имели № 1, первым же я перешел в натурный класс. Эскизы мои всегда были первые; и у товарищей и у профессоров я слыл за большой талант — M[ada]me Бем [2] врет. Я получил медаль за эскиз, что был единственный, кажется, пример. Бросил все это и уехал на Кавказ потому, что довольно много читал и слышал, голова развилась, и глупость условных форм и рамок стала ясна. Со времени знакомства с Бейдеманом я очень много рисовал на улице и прямо с натуры и еще более *на память* все виденное и замеченное; как было тут не опошлеть в моих глазах академическому псевдоклассицизму.

2) Самарканд был уже взят [3]. Кауфман, не укрепивши достаточно цитадель, ушел вперед. Я остался с намерением поехать в путешествие, так как пыль и крики мало знакомили с настоящею войною. В это время массы неприятеля обложили крепость и через день пошли на штурм. Я, как услышал выстрелы и крики «ура!» на стенах, так бросил недопитый чай (который улучился допить только через 3 дня), схватил револьвер и побежал в самое опасное место, где пробыл 9 дней; разумеется, ни один солдат, ни один офицер не работал столько. Я поспевал всюду, на всех вылазках был впереди, несколько раз схватывался в рукопашную, и только вовремя подоспевшие солдаты выручали из верной смерти, так как накидывалось на меня иногда по нескольку человек. Когда уставшие солдаты не двигались с места, я нагружал трупы на арбы. Когда трупы убитых людей и лошадей, гнившие под самыми стенами, грозили нам болезнями и буквально отравляли воздух, почти никто даже из солдат не хотел притронуться к

этим трупам, представлявшим какой-то кисель,— я втыкал штык в [...] и проталкивал мертвечину от стен. [...] Около меня было убито (второй день штурма) 40 человек, из которых некоторые залили кровью мое пальто. Я получил страшный удар камнем, которых сыпался на нас град из-за сакль, в ногу; крови вытекло немало, но я стыдился показать себя раненным камнем, как это сделали некоторые офицеры. Я же отвязал знамя, несмотря на то что по рукам моим, пока я отвязывал, много стреляли, и принес полковнику Назарову[4]. [...] Увы! когда Кауфман воротился, его палатка была окружена значками несравненно более плохими, чем мой трофей, но эти значки пошли в Питер, где, вероятно, украшают какую-нибудь святыню [...] Кажется, мне приписали спасение нашей пушки, по крайней мере офицеры тут же после битвы поздравляли меня с *первым крестом,* что мне было дико, *так как все это я делал для забавы.* Долго рассказывать все отдельные случаи отбития штурмов днем и ночью. Вестникам, посланным нами, т. е. комендантом, к Кауфману, всем поотрезали головы, наконец один на 7-й день добрался до него и принес ему на немецком языке записочку коменданта, извещавшую, что гарнизон в крайности, нет соли, нет воды, половина перебита и перерезана. Кауфман воротился [...] и благодарил меня перед всеми офицерами. Разумеется, мне гадко было видеть, как те же самые люди, которые за день перед тем ругали его на чем свет стоит, расстилались перед ним, и я счел своею обязанностью сказать ему, что общий голос солдат был тот, что он, *крепость не устроивши, ушел.* Говорили, будто генерал Пистолькорс[5] советовал ему расстрелять меня за это. Кроме того, после я просил Кауфмана *не награждать* меня, за что он страшно озлился и спросил: «Если государь пришлет Вам крест, что же Вы сделаете?» — «Отошлю назад»,— был мой ответ. «Вы оскорбляете государя тррр!!!» и т. д. Однако мы после помирились. Кауфман был человек высокой честности, умен, храбр, но болтлив. Я с *большою благодарностью* поминаю его — редкий человек (колокольного звона никакого не было, я уже писал Вам). Кауфман имел слабость рассердиться на некоторые из моих туркестанских картин и некоторым образом шельмовал меня перед всем своим штабом на приеме, доказывая мне, что я налгал. Отряд-де его никогда не оставлял убитых и т. п. Стремоухов[6] окончательно

вывел меня из терпения, рассказывая о его впечатлении перед моей *клеветою* на солдат — я пожег те картины, что им кололи глаза. Я был еще в очень опасных свалках [...]. Когда-нибудь занесу всю эту чепуху на бумагу, покамест Вам довольно. Я много обязан истинно просвещенному вниманию Кауфмана. Гейнс, тогда еще не исподличавшийся, также помогал мне. Генерал Гомзин[7] также был добр. Главная помощь пришла от моего доброго отца, который сказал, что не хочет, чтобы дети дожидались его смерти, и разделил нам свое имение, оставшись благодаря глупости нашего приятеля Александра Васильевича почти ни с чем. На эти деньги (проданный лес) я окончил картины, привез их в Питер и выставил. Получивши деньги за картины, я уже встал на ноги. Дни питания хлебом с молоком, торчания на скамейках мальчиков или девочек, за поправкою кубиков, также и зависимости от военного начальства прошли. В конце концов не могу сказать, чтобы бабушка очень мне ворожила, чуть ли я не надорвался в 40 лет. Посмотрим.

В. В.

Перед штурмом, ездя по городу и за городом, я видел, как муллы перед домами и на базарах волновали народ, я предупреждал Кауфмана, но он не обратил внимания на это.

Помощник коменданта, известный в Туркестане майор Серов[8], умолял меня не ездить по окрестностям рисовать — зарежут.

Одною пулею мне перебило ружье около самой груди, другою сбило шляпу с головы; я был в рубашке и штанишках — только при этом поярковая шляпа, а после чехол от офицерской фуражки, сумы и ружье со штыком. Когда сшибло шляпу, то я надел чехол от офицерской шапки Назарова — бравого, гулящего человека — и в ней бушевал все время. Чехол этот до сих пор у меня.

Весь гарнизон звал меня *Василий Васильевич* — честь.

Мы спали у ворот, между солдатами, среди массы блох и вшей. Купцы, бывшие в цитадели, все время молились богу и в антрактах между штурмами угощали меня и Назарова борщом и чаем.

105.

В. В. Стасову

[Париж. 27 сентября/9 октября 1882][1]

Я писал Вам, что вряд ли не надорвался в 40 лет,— это не фраза, а правда и отчасти урок для тех, кто слишком рвется. Не думайте, чтобы все пройденное было лишь как с гуся вода: *все, все* оставило следы. Солнечные удары, которых я имел бессчетное число раз — со рвотою, бредом и проч[им],— сделали то, что даже под зонтиком я не могу ходить по солнцу, не рискуя получить головную боль. На всем скаку курьерской тройки я выпрыгивал из тарантаса и ушибался, более или менее, но не до смерти. Бешеные курьерские же лошади на всем скаку летали со мной и экипажем под гору в воду — я мочился, ушибался, но не убивался, экипаж кривился, но не ломался.

Раз[2] в Сибири, пустивши тройку таких зверей, которую держали во время запряжки несколько человек, *забыли завозжать коренную,* дело было глухою ночью, когда ни зги не было видно, на гористой станции. Трудно передать Вам впечатления мои, когда я летел как сумасшедший, закупоренный в тарантас, пока буквально кувырком не полетел куда-то...

В поездках верхом лошадь моя, случалось, переваливаясь через голову, катилась с крутой горы, а я успевал соскочить, уцепиться за травинку и — смеялся людям, стоявшим внизу.

Лихорадки трясут меня с необыкновенной силой при всяком удобном случае, и думаю, что организм мой крепок, если еще не совсем расшатался. Маленький шрам от самаркандской раны не болит, но большой от дунайской побаливает иногда и, главное, отдается онемением в левой ноге. Правая рука моя была сломана 6[-ти] лет; указательный палец со шрамом — от *борьбы* в корпусе; средний укушен *свирепою лошадью;* кость ладони около мизинца сломана в войне с большою *собакою.* На левой руке шрам от когтей молодого *барса.* Глаза немного слабеют, голова лысеет.

Силенки в 40 лет сильно опустились, цель жизни утерялась.

Множество раз чуть-чуть не был убит, не убивался, не был растерзан собаками; всегда со всеми воевал за то, что считал справедливым, хотя, вероятно, часто ошибался; Христа уважаю, но правилам его мало следую [3].

Раз лошади вместо дороги хватили на высокую гору, донесли до половины и потом, *через экипаж,* колесом полетели вниз.

106.

В. В. Стасову

Агра. 15/27 ноября 1882 [1]

О каких *сюжетах* пишете Вы, Владимир Васильевич? Уже, конечно, сюжетов не найду здесь, а только сделаю несколько этюдов. Не дикая ли это вещь, что до сих пор к *писанию* относятся так враждебно и подозрительно. В Индии меня считают (большинство) за агента русского правительства, а русское правительство, в особенности *сам* [2], считают меня за агента революционеров и поджигателей, недостает только, чтобы заподозрили во мне английского агента, несмотря на мою национальность. Кабы не наш белый террор, с каким бы удовольствием покатил я по России, сколько планов составил, но вижу, что теперь это немыслимо. Передали ли Вы Николаю Петровичу [3] статью мою об Обер-Аммергау? [4] Он не упоминает о ней, перечисляя имеющиеся для *сборника* материалы.

Думаю еще кое-что выслать по приезде в Париж и главное справить несколько рисунков, хоть по одному к каждой статье.

Что за скука писать бессодержательные вещи, как ни красиво, а все *чуждо.*

Коли черкнете, то адресуйте в Agra, Indes Anglaises [5]. Я уже уполномочил Вас взять фотогравюру (что получше) от Гупиля, спишитесь прямо с ним. Статей теперь прислать не могу, но они целы и вышлются. Кланяйтесь Николаю Петровичу, черкну ему, как воротится из Самары. Надеюсь быть назад весною с несколькими хорошими этюдами, работаю немного — отдыхаю, боюсь лихорадки.

В. В.

107.

А. А. Краевскому

Дарджиллинг. 14/26 декабря 1882

Милостивый государь

Поместите, пожалуйста, эти несколько строк в Вашей уважаемой газете.

Кажется, профессор Минаев [1], разбирая в «Новом времени» мою маленькую книжку «Поездка в Гималаи», делает крупную ошибку: он уверяет, что владения независимого Сиккима простираются с севера на юг *всего на 6 верст*, тогда как они простираются приблизительно на 50 английских миль, т. е. на *80* верст или около того.

С востока на запад — миль на 30 с небольшим.

Прошу Вас принять уверение в
моем уважении.

В. Верещагин

108.

В. В. Стасову

Агра. 6/18 января [1883] [1]

[...] Конечно, сюжеты индийские не интересуют меня, хотя, впрочем, есть *один* [2], для которого я главным образом и поехал сюда; этот, впрочем, проберет не одну только английскую шкуру.

Как теперь поедешь по России, ведь заедят становые да урядники: зачем это пишешь, зачем то говоришь или думаешь, почему не был у исповеди и причастия и т. п. Фармазон, студент, нигилист.

Беда моих картин, и в особенности последних, та, что писанные в моей огромной мастерской, они рассчитаны на большое расстояние, и смотреть их нельзя ближе, как с 5—6 аршин [...]

109.

П. М. Третьякову

Петербург. 31 марта//12 апреля 1883]

Советую Вам, многоуважаемый Павел Михайлович, поставить *углом* и *Гробницу Тамерлана* на место *Трофеев* [1], которые следует перенести в комнату рисунков. Только я поставил бы не посередине, а ближе к дверям.

Покамест *Болгарская война* еще в моих руках, я предлагаю Вам взять ее всю, то есть 25 картин и 50 этюдов, за 150 000 руб[лей], как раз за ту цену, которую возьмет Мейссонье за одну картину. Уплату рассрочу на 3, даже 4 года.

Если завтра, 1 апреля, после полудня не получу от Вас телеграммы, то буду считать себя и Вас свободными от всяких обязательств.

Очень буду сожалеть, если Вы и на этот раз ошибетесь и лучшие картины минуют Ваших рук. Если некоторые картины и останутся на моих руках, то с течением времени они не понизятся, а повысятся в цене, ручаюсь за это.

Ваши большие туркестанские полотна стоят теперь по 20 000 руб[лей] каждая.

Подумайте — душевно буду рад, если надумаете взять, и искренне буду горевать, если не осилите.

До свидания.

Вас искренне уважающий

В. Верещагин

Европейская гостиница

110.

В. В. Стасову

[Москва] 12//24] апреля 1883 [1]

Кажется, здесь озлились на мою цену — 5 коп[еек] [2]. Долгоруков [3] хотел приехать, назначил время и не приехал, когда стала известна эта обидная цена; конечно, его уверили,

что тут кроется пропаганда и проч[ее] — черт бы побрал всех идиотов и мудрецов. Собко[4] тоже обижен тем, что я предлагал ему на чай. Это он называет так мое предложение денег за потраченное время, а между тем он же просил у меня право воспроизвести некоторые из моих рисунков, и я дал ему это право, и он принял его — как будто это не те же деньги. Мало того, ослышавшись, он утверждает, что я обещал ему сам рисовать для его изданий, что уже чистый вздор, и прибавляет предположение, что, может быть, я сказал это только для того, чтобы что-нибудь сказать — что глупо и тупо [...]

В. В.

111.

Д. В. Григоровичу

[Москва. Апрель 1883]

Вот мое средство от всех болезней: как только почувствуете себя дурно, сейчас в постель, хоть на полдня, но не менее.

Павел Михайлович все продолжает торговаться, а тем временем у него купили из-под носа буквально «Победителей», «Шпиона», «Башибузуков», «Дунай»[1] — все те вещи, что он хотел приобресть — он неисправим.

Выставка[2] идет покамест недурно. На святой было почти 34 000, каталогов покупают от 700 до 1000 экземпляров в день. Покупают на сто рублей фотографий и книжек, так что в конце концов, вероятно, выставка окупится. Народ, бывший на святой, преимущественно мастеровой, на выставки обыкновенно не ходящий, что мне лестно. Теперь, с сегодняшнего дня, начинают появляться и завсегдатаи выставок. Знаю, что Вы выговорите мне за дешевую цену, но прошу вспомнить ту упрямую животинку с длинными ушами и проч[ее] и проч[ее]...

Из журналов «Совр[еменные] известия» и «М[осковский] листок» облили меня помоями, не хуже «Нов[ого] времени»[3]. «Русские ведомости», Гатцук[4], еще кое-кто крепко похвалили.

До свидания, Дмитрий Васильевич, прощайте.

В. Верещагин

Покамест Тоньолати[5] доволен — что будет дальше, не знаю. Одна беда с Тоньолати: все рыскает, ищет разных вещей. Боюсь, что скоро я сделаюсь ему немил, за разными часами, табакерка[ми] и проч[им]. Впрочем, *не говорите ему ни слова.*

112.

Д. В. Григоровичу

[Москва]. 20 мая [/1 июня] 1883

Многоуважаемый
Дмитрий Васильевич

Я согласился с Иваном Петровичем Балашевым[1] насчет того, что имеющиеся у Вас 10 000 руб[лей] (десять тысяч)[2] могут быть всецело употреблены на Петербургскую рисовальную школу. Тогда другие десять тысяч, которые я по мере сил буду доставлять Вам частями, будут предназначены на одну или две провинциальные школы.

Вас уважающий

В. Верещагин

113.

И. Н. Терещенко

Москва. 30 мая[/11 июня] 1883

Многоуважаемый Иван Николович

Посылаю Вам запись маленьких этюдов[1], в свободную минуту пришлю кое-какие подробности. №№ поставлены на обороте рамок.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Если найду еще какой-либо набросок,— пришлю Вам.

1) «Марковы столбы» на Балканах.
2) Памятник л[ейб]-егерей под Телишем.
3) Место битвы 18 июля под Плевной.
4) На месте битвы под Гривицею.
5) Переход колонны Скобелева через Балканы.
6) Памятник лейб-гренадер под Горн[ым] Дубняком.
7) Холмик, с которого смотрел бомбардировку Плевны гос[ударь] император.
8) Угол редута Скобелева.
9) Близ деревни Радищево под Плевной.
10) Дорога на перевал через Балканы.
11) Переход колонны Скобелева через Балканы.
12) Памятники московцев, финляндцев и гренадер под Горн[ым] Дубняком.
13) Повозка для раненых.
14) Редут.
15) Под Плевной.
16) После битвы Османа с гренадерами.
17) Балканы.
18) Телега для раненых.
19) Мертвецкая в Систове.
20) Наши батареи под Плевной.
21) Г. Силиври на Мраморн[ом] море.
22) Батарея под Плевной.
23) Место ночлега Скобелева на Балканах.
24) Под Гривицею.
25) Турецк[ий] редут, под которым убит С. В. Верещагин.
26) На месте битвы под Телишем.
27) В Балканах.
28) Долина под Гривицею.
29) Лагерь казаков.
30) Солдатский лагерь.
31) Госпитальная палатка.
32) Госпитальная повозка.
33) Центральная и круглая батарея на Шипке.
34) Гора св. Николая.
35) Холмик императора под Плевной.
36) Казаки, вступающие в Румынию (Скобелев-отец).
37) Верх горы св. Николая.
38) Дорога на Шипке.

39) Место битвы гренадер с Османом под Плевной.
40) Под Плевной.
41) Близ деревни Тученицы.
42) Повозка для сухарей.
43) Мерзлые турки.
44) Дорога около Плевны.
45) На перевале.
46) Д. — Д. — Д.
47) Батарея Мещерского на Шипке.
48) Редут Гривица.
49) Вечером на перевале Балкан.
50) Домик на дворе Скобелева.
51) Зимою по дороге.
52) Место ночлега Скобелева на Балканах.
53) На перевале Балкан.
54) По дороге в Ловчу.
55) На болгарском кладбище.
56) Землянка на Шипке.
57) Зимою, по дороге в Ловчу.
58) Землянки в отряде Скобелева.
59) Офицерск[ая] палатка.

114.

П. М. Третьякову

[Петербург] 11[/23] ноября 1883

Многоуважаемый Павел Михайлович

Отсутствие принадлежащей Вам картины моей «Перед атакою»[1] составит проруху на предстоящей выставке[2] картин моих в Питере, поэтому я решаюсь просить Вас прислать ее сюда на время выставки, *без рамы*.

Свидетельствую Вам мое уважение и прошу Вас передать мой поклон Вере Николаевне[3] и почтенному семейству Вашему.

В. Верещагин

115.

П. М. Третьякову

[Петербург] 14[/26] ноября 1883

Мы с Вами более не знакомы [1].

Верещагин

116.

И. Н. Крамскому

[Петербург]. 17[/29] ноября 1883

Нездоров, в лихорадке, в постели. Значит, никак не могу прийти [1]. Постараюсь быть еще раз перед отъездом.

До свидания.

В. Верещагин

117.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Петербург]. Суббота [28 декабря 1884/]9 января 1885

Пятое письмо.

Хотел, дорогая Лиля, написать тебе вчера, но совсем зачитался *письмами Тургенева* [1], которые только что купил. Насилу оторвался от них теперь, чтобы черкнуть тебе это письмецо. На днях, как кончу, пошлю тебе эту книгу. Хотя он пишет об самых обыкновенных вещах, но читать эти письма истинное наслаждение — непременно прочитай всю книгу, непременно. Между прочим, в письме к Полонскому [2] он повторяет ту глупость, что передавал мне в свое время Леман: будто русские художники сердятся на меня за то, что я никого не пускаю к себе, кроме фельетонистов, которые пишут обо мне рекламы. А ты знаешь, что Кларети письмом, и самым настойчивым, просил позволить видеть мои работы и написать

об них! Впрочем, далее он поминает обо мне и картинах моих [3] не так опрометчиво, хотя с тою же претензиею на остроумие. Вчера *вечером*, почти ночью пошел небольшой снег [4], но я не мог высмотреть его эффекта в воздухе. Шишкин [5], которого я видел, поддерживает то, что, помнишь, я тебе говорил, что в воздухе *крупные снежины делятся тенью*, а не *светом*. Впрочем, увидим, думаю, скоро дождусь снега. Вчера было около 20° холода, а сегодня тепло.

До свидания, старушка.

В. В.

Вчера на Неве я увидел у молодого человека, несшего книгу, руки *побелевшими*. Насилу оттер ему снегом, привел в аптеку, спросил гусиного жиру и успокоил его — он страшно перепугался. Одно ухо у него было тоже отморожено, и он не замечал!

118.

И. Н. Терещенко

[Вена?]. 1/13 ноября 1885

Многоуважаемый
Иван Николович

Мне понадобится картина *«Победители»* (Переодевающиеся) и *«Шпион»* [1]. Из малых этюдов покамест ничего не нужно. Как я уже сказал, воротятся картины в новых рамах и без малейшей порчи.

Свидетельствую Вам мое уважение.

В. Верещагин

119.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Вена. Ноябрь 1885]

Архиепископ Вены кардинал Ganglbauer [1] потребовал закрытия моей выставки. Он имел свидание по этому поводу с эрцгерцогом Карлом [2], покровителем искусств вообще и Künstlerhaus в особенности.

Эрцгерцог был на выставке, когда, к сожалению, меня не было там, обошел картины с президентом общества (кажется, втихомолку не очень мне благоприятствующим) и ничего покамест не ответил. Что дальше будет,— увидим. Закрытие, если бы таковое случилось, временно повредит мне, но в то же время сделает мне рекламу в других, более свободных странах.

До свидания. Бегаю целый день. Еще беготни на 2—3 дня, что пробуду здесь, пропасть.

120.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Вена. Ноябрь 1885]

Венский кардинал разослал против меня протесты [1]. Я буду, конечно, отвечать.

В. В.

121.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Вена. Ноябрь 1885]

Покамест ничего худого нет. Напротив, публики повалило множество смотреть именно «Святое семейство» [1], которое кардинал хотел снять. Представь себе, говорят: «Мы знать не хотим, что стоит в Евангелии, мы знаем традицию нашей церкви и больше ничего» — вот так святые! Надеюсь скоро вырваться. Николай Иванович [2] убирает мои вещи сейчас.

В. В.

122.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Вена. Ноябрь 1885]

Сказать тебе, до чего город перебудоражен, трудно.

Все газеты заняты этим. Вальца [1] рвут во все стороны вопросами, *что нового?* Есть приказ снять картины или нет? Меня спрашивают, сниму я, если попросят, или нет? Отвечаю,

что я слишком много работал над картиною, чтобы добровольно спрятать ее, но если полиция хочет снять, то пусть снимает. У нее есть для этого и власть и руки. Народ повалил в Кунстлерхауз толпами. Покамест еще ничего мне не сказали, но, говорят, архиепископ хвастал, что картины будут сняты. Будто бы ему обещал эрцгерцог. Приготовь к отправке сюда *3* буддийские маски —одну красную [2], другую черную и третью *оленя* с маленькими рожками, которые должны быть там же. Значит, всего 3 маски. Если же рожки не найдешь, то пошли птицу — большой нос.

Как только я пошлю тебе телеграмму, посылай мне их, т. е. посылай Хловис [3] с этими масками к Pottier, 14, rue Gaillon [4] с приказанием уложить и немедленно отправить мне по адресу: Vienne, Künstlerhaus, 9, Lothinger-Strasse [5], *как можно скорее.*

В. В.

Сегодня я пришел домой в $\frac{1}{2}$ 8, разделся и пью чай, а то репортеры разорвут меня на части.

123.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Лондон. 8//20 декабря 1885

Как видишь по вырезке из «Фигаро», ничего серьезного нет, но все-таки «les légères brûlures» [1], должны быть просто-напросто *дыры* в картине [2] — витриоль ведь, конечно, прожег насквозь. Ответить должно Общество художников, но, разумеется, я с ними не буду ссориться, если порча невелика и если они ее исправят.

Прощай, душа моя, до свидания. Напишу из Вены.

124.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Вена. 22 декабря 1885//3 января 1886

[...] Я здоров, картины укладывают. Какой-то сумасшедший, проповедовавший перед моими картинами, все спраши-

вал мой адрес. Другой, как ты знаешь, бросил витриоль, и хотя не столько испортил, сколько хотел, но все-таки несколько рам надобно перезолотить, одну маленькую картинку переписать, 5 других поправить и в «Воскресенье» [1] всю правую половину переписать, *если только полотно не лопнет*, так как местами кислота прошла через краску.

До свидания. Я переложил револьвер из заднего кармана в боковой — будь покойна.

Они мне делают дешевые объявления.

В. В.

125.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

[Берлин. 5//17 апреля 1886

Старушка милая, здравствуй

Сегодня я немного веселее, так как выставка [1] начинает посещаться. Первый день было 800 человек, вчера 1100, сегодня, кажется, будет еще более, значит, дела недурны. Не могу тебе и сказать, сколько было работы, и думал, неужели все даром!

Наследник, т. е. кронпринц [2], не был, но он действительно заболел рожею, так что действительно не мог быть. Признаться, это не важно, так как приглашал я его чисто из вежливости. Еще не был у нескольких знакомых художников, как объеду, так и уеду. На беду молодой скульптор [3] просит позволения сделать бюст мой. Другие просят, говорят, он очень талантлив и возможность сделать Ваш бюст положительно выдвинет его. Просто не знаю, как быть. С *Амстердамом* окончил, так же, вероятно, и с Бреслау, но в Гамбург, вероятно, придется съездить, т. е. поеду в Париж через Гамбург. Здесь все очень любезны, все зовут направо и налево. Никакой возможности нет принять все приглашения, пришлось бы остаться целый месяц. Николай Иванович уехал и если не приехал в Maisons, то приедет сегодня, вероятно, впрочем, он уже у тебя.

Александру кланяйся. Я покамест здоров, хотя страшно устал. До свидания, милая, целую тебя крепко.

В. В.

126.

И. Н. Терещенко

Maisons-Laffitte. 3/15 июня 1886

Многоуважаемый Иван Николович

Вы просили меня в Москве непременно составить для Вашей галереи альбом, подобный тому, который находится у Третьякова. Ваш будет лучше, интереснее, так как будет заключать в себе все фазисы развития моего художественного таланта от первых ученических опытов до последних эскизов, картин и набросков масляными красками. Всех наберется, вероятно, около 100 листов, из которых приготовлены 60—70.

Посылаю Вам 18 и понемногу буду посылать следующие. Если же Вы хотите, чтобы я заказал для них хорошенький ящик или 2—3, чтобы альбом был в нескольких частях, то напишите?

Я думаю, что *100* рублей за лист недорого ввиду массы рисунков на каждом. Деньги пошлите, когда можете, или мне сюда или брату моему Николаю Васильевичу Верещагину, на Завидовскую станцию Николаевской железной дороги. — Как сами увидите по образчикам, альбом этот капитальная вещь, и мне не столько важны деньги, сколько уверенность, что Вы его не разрозните и сохраните в целости, при себе.

Наброски местностей войны, что еще имеются у меня, могут быть помещены на такой же лист, чтобы не делать рамок к ним, такой лист Вам, конечно, будет стоить только цену passe-partout [1], т. е. около 20—25 фр[анков] — не правда ли?

Напишите, согласны ли Вы на цену. Пришли ли рисунки в добром здоровье?

Вас уважающий *В. Верещагин*

Листы очень большие, и ящик довольно тяжелый — посланы малой скоростью.

127.

И. А. Шлякову[1]

[Ростов]. 31 января[/12 февраля] 1888

Многоуважаемый
Иван Александрович!

Мне надобен будет завтра или послезавтра, не надолго, армяк крестьянский[2] или прикащичий желтого цвета. Не поможете ли достать его?

Вас уважающий

В. Верещагин

128.

О. А. Новиковой[1]

Paris. [25 марта/]6 апреля 1888

Письмо Ваше, Ольга Алексеевна, после многих мытарств, поймало меня в Вологде! Что же Вы думаете,— забыл № дома в Dover Street[2], не то 22, не то 24, 28, и пока разыскал одно из Ваших писем, не решился посылать мою цидулу.

Спасибо Вам большое за вырезку[3], тем более, что в ней не бранились.

У меня теперь небольшая выставка здесь, в Париже, и, представьте себе, приходят представители журналов, хвалят, восхищаются и... предлагают заплатить за хвалебную статью. Я собираю все мое присутствие духа, чтобы не обругаться, а только вежливо ответить, что не приходилось, а потому и теперь не приходится этого делать. Думаю скоро поехать в Россию, пописать родные места.

Желаю Вам понабраться новых шиллингов на зимнюю квартиру, где надеюсь Вас повидать.

Бывайте здоровы, пишите, работайте больше, не скучайте.

Вас уважающий *В. Верещагин*

129.

И. А. Шлякову

[Москва]. 27 апреля [/9 мая] 1889

Многоуважаемый Иван Александрович!

Коли приехал архиерей или какой-нибудь чиновник — к Вам не подступайся! Вы дивитесь, что А[ндрей] А[лександрович Титов] [1] кланяется этому вороватому монаху в ноги, но ведь Вы ухаживаете за ним и расстилаетесь перед ним более еще, аж вчуже жалко! Он поручил Вам работу только по самому настойчивому ходатайству моему и, если заметит Ваше ухаживание, сделает пакость. Образ Спаса, не знаю для чего мне присланный, послан даже не завернутым, так что краска кусочками отвалилась с расколотого места. Возвращаю Вам «Путевые заметки» [2], в которых много интересного, но так как хвалить в глаза, а хихикать за глаза не в моих привычках, то и скажу Вам то, что думаю, хотя бы это и показалось вам неприятно. Как в Ваших художественных вкусах и практике советовал Вам держаться простоты и избегать пестроты крикливой и кудреватости, так и в письме и в речи, особенно когда дело касается серьезного или научного дела, посоветую Вам избегать напыщенности и витиеватости. В заметках Ваших Вы как встали вначале на ходули, так и не сходите с них все время; в результате, если не погублено, то испорчено много добросовестного труда. Я просто удивлен тем трудом, который Вы положили на составление этих заметок, особенно рисунков,— честь Вам и хвала за этот труд, но в то же время и порицаю [...] за весь хлам, там и сям набранных напыщенных, высокопарных фраз и оборотов, в которых совершенно теряются и искреннее чувство и талант, которые у Вас, я знаю, есть.

В Ваших архитектурных мыслях, набросках и проектах Вы сделали громадный успех,— наверное, Вы не поставили бы теперь на крышу теремка беседку, вздраенную туда несколько лет тому назад; не расписали бы так витрины, двери, рамы портретов и проч[ее] — хотя поползновение пустить золотце по ярко-голубому полю на проектируемом иконостасе и кричит еще — также и в письме и в речи научной набирайтесь простоты, простоты, простоты.

Заметьте, что простота не исключает красок, колорита,— она только не допускает вычурности, преувеличивания, пересаливания. Бросьте все трудновыговариваемые и только поэтому интересующие Вас слова, так же как и долгие напыщенные обороты речи, с которыми Вы насилу, и то не всегда, приходите к благополучному концу. Речь выиграет простотою, удобоваримостью и понятностью; верьте мне, что если малограмотные люди сочтут Вас за ученого человека за Вашу речь, то людям с развитым вкусом она претит немного. Знаю, что Вам никто этого не говорит и не скажет, но думаю, что окажу приятельскую услугу моим замечанием и делаю это с охотою, потому что Вы не перестаете работать над собой, двигаться вперед, а не назад. Не носите постоянно белых галстуков, не ухаживайте за духовными и светскими чиновниками — ухаживаний они не ценят, и главное, забудьте вычурность в речи и художественных вкусах. Простоты, простоты, простоты! Аминь!

До свидания покамест; еду в Вологду и подалее, но надолго ли — не знаю.

Елизавета Кондратьевна останется, так что если бы Вы вздумали прислать и сундучки — она примет их. Сахтин[3] дал мне знать, что портнихи не идут за дальностью, поэтому я уже сговорил кое-кого здесь.

Пожалуйста, прикажите резчикам, как кончат начатые рамы, приниматься за большой размер; могут делать 3—4 штуки вдруг. Одну церковочку, как мало интересную, возвращаю; большое спасибо за другие.

Вас уважающий В. Верещагин. Николаю Александровичу[4] поклон. Одеколону нет у Петра Александровича?[5]

130.

Е. К. Верещагиной (Фишер)

Москва. 10/22 января 1890

Кажется, мы толчем воду: доверие мое к тому, что ты можешь не поддаваться соблазну, утратилось и не воротится; держать тебя взаперти в деревне я не могу и не хочу, а следить, присматривать за тобой мне просто противно — ввиду

этого жить с тобою вместе я не буду больше никогда. Я предложил тебе разгестись для того, чтобы предоставить тебе свободу располагать собою, как ты хочешь, но ты увидела в этом намерение «топтать тебя в грязь», что я и в уме не имел. Конечно, тебе пришлось бы исполнить некоторые неприятные формальности, но зато ты могла бы быть вполне свободною и при этом пользоваться по смерть моею помощью. Впрочем, и теперь я буду посылать тебе денег ежегодно, по мере возможности, а относительно свободы твоей предлагаю пользоваться ею, лишь не нанося позора имени моему, которое ты носишь. Так как это и твое намерение, то тем лучше.

У тебя как будто сквозит еще намерение поймать меня на словах, указывая на письма, которые ты писала к матери, но ты сама понимаешь, что не надобно было пугать мать и что письмо твое было только благоразумно.

Позволь мне сказать тебе, что я не хочу продолжать эти пререкательства и предваряю тебя, что если ты имеешь намерение заставить меня изменить мое решение, то ты не успеешь в этом... Решение мое покончить со всеми дрязгами и ссорами нашего совместного житья бесповоротно, и мы более не сойдемся [1]. От тебя зависит —быть нам в добрых или дурных отношениях письменно.

Будь здорова. *В. В.*

Если ты думаешь писать еще, то, пожалуйста, не рекомендую письма — это беспокоит меня.

131.

Л. В. Верещагиной (Андреевской) [1]

[Аахен] [2]. *15/27 июля 1890*

Дуду!

Только 2 слова сказать тебе, что я приехал в Аахен, т. е. на границу Германии и Бельгии, где возьму несколько серных ванн. Доктор предлагает взять полный курс, т. е. трехнедельный, чему, вероятно, и придется покориться. Хотелось бы хоть на денек тебя повидать, поболтать с тобою. — Кстати, поболтать

есть о чем,— да и поцеловать тебя было бы не лишнее, очень не лишнее! Как ты живешь-можешь, что мама[3]? Кланяйся ей от меня. Думаю и скажу тебе после об этом подробнее, что выехать из Парижа надобно 30 августа — 1 сентября, как ни грустно тебе будет покинуть уроки по тому простому резону, что ездить за несколько дней до родов неразумно. Правда, можно пожертвовать полумесяцем платы за квартиру и уехать в половине сентября, но, право, ты можешь пожертвовать несколькими уроками и начать готовиться серьезно к произведению твоего chef-d'œuvre[4] и ходить гулять, развлекаться, мало заниматься и не трудною работою и т. п. Целую и еще целую тебя. В следующем письме наболтаю пропасть.

Пишу из той самой гостиницы, где мы были.

В. В.

А в Москве я жил в той самой комнатке № 31 «Континенталя».

132.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[25 июля]/[6 августа [1890]

Дуду! В стихотворении — «Евангельский рассказ»[1] припиши сбоку, перед замечанием о воскрешенье следующее:

Что девушку от летаргии
Он к жизни снова возвратил,
Понятно мне: ведь не впервые
Врач магнетизм употребил.

А совсем внизу исправь так:

Смущал меня всегда немало
Об этом фокусе рассказ.
Его б похерить не мешало
Как людям набожным соблазн.

Что ты, что ты, мать моя, побойся бога! Можно ли вычитать из жалованья за вещи, неизвестно как и когда пропавшие. Во-первых, я взял это зеркальце, ведь для того я и купил складное глухое, чтобы таскать его в дорогу. Во-вторых,

имей в виду, что во Франции, как и в Швейцарии, если ты обвинишь кого-нибудь в краже и наверное не докажешь, то в лучшем случае заплатишь денежный штраф, а в худшем — поплатишься и днем кутузки. Первое движение мое было телеграфировать тебе, чтобы не делала этой глупости, не задержала бы деньги, но,— прочитавши в конце, что ты ждешь моего ответа, я успокоился и решил денег не бросать на депешу [...]

Вот я и хорошо сделал, что заплатил тебе за зло добром. Ты меня наказала, не приславши вчера весточки о себе, а я все-таки так тебе дал знать о своем бытье. Мысленно слежу за всеми твоими покупками, мысленно перебираю и целую все рубашечки, пеленочки и проч[ее]. Какая жалость, что нет штанишек! Как капиталы твои, много ли денег еще осталось?

Посылаю еще стишки. Завтра пришлю новый «Евангельский рассказ» — переложение на ясный и понятный язык чуда воскресенья. Тоже прочитай маме, когда хорошо разберешь.

Чмок, чмок, чмок. *В. В.*

Целую, целую и еще целую. У меня болит немного живот, впрочем, принял капли и, кажется, лучше. Это от воды!

ЧЕРТ И ВАНЬКА

«Я старику служил ведь честно и примерно,
Не слышал от него ни брани, ни хулы,
Зато, как смерть пришла, узнал он,
Промолвил сыну: «Федора на волю отпусти».
Ну, вижу, барин молодой в таком-то горе!
От слез не видит и не слышит ничего.
Уж думаю, его не стану беспокоить боле,
Не надо мне покамест ничего.

Служу я год и два, а вольной все мне нету.
Что, думаю, за притча — аль сказать?
Спросил тут у знакомого у одного совету,
Он говорит: «Пожалуй, лучше подождать».
Прошло еще, не знаю, много ль, мало ль время,
Женился барин, что-то придираться стал.
Ведь устарел я, думаю, теперь ему уж в бремя,
Да тут об вольной к слову и сказал.

«Зачем? Чего ты там на старости не видел?
На воле, говорит, чего ты захотел?» —
«Меня любил покойник, мол, при смерти не обидел,
Известно вам: ваш батюшка так повелел!» —
«Что батюшка мне повелел, то я все знаю,—
Он говорит: — И ты мне в этом не указ;
Не можешь ты меня заставить, если не желаю;
Внеси за волю деньги — вот тебе мой сказ!»

Тут скоро эдак написал он отпускную,
Мне подает: «Ступай вот с этим ты листом
К директору О...скому, он спишет начистую,
Ты денежки внесешь — я подпишу потом».

Постой же, думаю, черт Ваньку не обидит,
Ведь Ванька и до губернатора дойдет!
Надует черта он, тогда тот хорошо увидит,
Что плутней с Ванькой ничего он не возьмет!

К директору сходил и лист ему оставил.
«Покамест, говорит, я справки наведу.
Недели через две зайди,— он тут прибавил: —
К тому уж времени я вольную перепишу.

Снесешь ты к барину, и он ее подпишет,
Сюда, смотри, обратно принесешь.
Здесь вот чиновник этот в шнуровую книгу впишет,
И ты ее себе потом в карман возьмешь».

Как только что в деревню барин мой уехал,
Сейчас к директору за вольной я пошел
И к брату баринову — он в Москву тогда приехал —
Так, без доклада, прямо в кабинет прошел.

«А! Федор! — говорит. — Аль есть какое дело?» —
«Пожалуйте вот отпускную подмахнуть!»
А сам в глаза ему смотрю так прямо, смело,
Чтоб скрыть намеренье его надуть.

«Вам, говорю, давно доподлинно известно,
Что батюшка ваш вольную мне дать велел». —
«Да, Федор,— говорит,— служил покойнику ты честно.
И если в чем грешил, так, видно, лучше не умел». —

«Вот, говорю, давно уж братец ваш просил
О...ского бумагу эту написать,
Вам к подписи снести ее мне поручил,
Директор ждет, скорей велел он вам сказать».

«Хоть брат об этом деле не давал приказа,—
Он говорит,— но верю я во всем тебе;
Мне памятны слова покойного отца наказа
(Недавно он еще приснился мне во сне)».

И подписал! Я тем же мигом в департамент,
Свидетелей заставил прежде подмахнуть,
Схватил я в обе руки этот дорогой пергамент,
И, верите ли... даже ведь всплакнул!

Бранился барин, как в Москву назад приехал,
Да уж меня и след-то в городе простыл,
Опять скажу; что, видно, черт-то Ваньку не объехал,
А Ванька черта тут порядком угостил.

Нет слова — барин мой хитер, он плут известный.
Кто знал его, не может это не сказать.
Но и меня умом не обошел отец небесный,
Таких, как я, мошенников в Москве ведь поискать.

Вот, батюшка, у нас дела какие были,
Давно изволили просить вы рассказать,
Как в старину мы господам служили — не тужили
И как они умели нас за службу награждать».

133.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Аахен]. [9]/21 августа 1890

Скажи теперь хозяйке! [1]

Очень рад я, голубка моя, что «Машка и Тимошка» [2] Вас тронули и Вам понравились. Мне интересно было знать, что ты скажешь? Но беря в руки твое письмо, я сам себе сказал: даже если и не понравилось, то все-таки в рассказе есть достоинства, я сам это знаю. А знаешь, почему я так был уверен? Потому что, когда я писал и после каждый раз что перечитывал, на глаза набегали мне слезы! И тут, как в живописи и, вероятно, в музыке,— искренность много значит. Важно также знать, что ты приблизительно хочешь сказать. Разумеется, в частностях бывает много неожиданного! Я думаю и ты уже теперь не воюешь против того, что все искусства между собою сходны, сродны? Материальные средства другие, но дух, мысль, излияние чувств, если можно так выразиться, одинаковы. Даже когда ты бьешься очень, то будь уверена, во всяком искусстве — что выйдет, и выйдет недурно.

Вдохновение на манер св. духа не всегда нужно и даже полезно. Кстати: читала ли ты переписку Пушкина с женою и друзьями? Не знаю, говорил тебе об этом или нет? До чего легки, милы, игривы, непринужденны эти письма. Кажется, вот-вот вылились неудержимо. Ан нет же! Он переписывал по 2 и по 3 раза все! Улика налицо: у всех по 2 и по 3 черновика осталось.

В стихах у Пушкина, тоже по черновикам судя, слова переменялись не по смыслу, а так себе, напр[имер], вместо черный — вздорный, вместо свирепый — нелепый, вместо бедный — средний и т. д.

Так и видно, что и его одолевали технические трудности рифмы, созвучие слов и т. п. и что, если были минуты или часы, дни, когда легко писалось, то бывало, что он и «клещами таскал» фразы и слова.

1) Знай приблизительно, что ты хочешь выразить.

2) Добивайся и не унывай.

3) Проверяй, отделывай не торопясь. Это последнее — самое приятное, за ним забываешь 2 другие.

Прощай, малютка. Не пиши больше. Маме поклонись и сама себя поцелуй — то же самое сделай и с маленьким, нагнись!

В. В.

134.

И. А. Шлякову

[Париж]. 26 октября/7 ноября 1890

[...] Не найдется ли где в Ваших местах треух[1], т. е. меховая шапка, какую носили еще в начале столетия? Не поможет ли Н[иколай] А[лександрович]?

[...] Желательно было бы еще теплый *поповский черный подрясник* простой, подходящий деревенскому попу, непременно теплый, и *камилавку* — все это старое, грязное и теплое — поратуйте, дорогой, очень нужно!!

В. В.

135.

П. М. Третьякову

[Париж]. 21 ноября/3 декабря 1890

Многоуважаемый Павел Михайлович

Я совсем не хозяин выставок моих в Америке. В противность формальному условию картины переданы American Art Association[1] для выставок на целый год дольше, чем следовало, и с этими разбойниками — и истинными разбойниками — я ничего не могу поделать.

Теперь, повторяю, надеюсь скоро послать их Вам — месяца через 2 или 3, вероятно. Сказать наверное и не исполнить — было бы еще хуже.

Я, который имею репутацию дельца, каждый раз попадаюсь, и теперь попался во всех отношениях — довольно Вам сказать, что в настоящую минуту картины мои заработали в Бостоне свыше 35 000 рубл[ей] и к концу декабря заработают, по громадному успеху, который там имеют, все 50 000 руб[лей], а я, по всей вероятности, ничего из этого не получу — вот какой я делец.

Так попался я со сроком картин: в *мое отсутствие, в противность форменно мною данному полномочию,* прикинули целый год к назначенному сроку, да и баста — не процесс же мне с ними начинать, смешить публику. Я очень, очень сожалею о задержке картин, и Вам лишнее торопить меня — совсем уж я измучился, требуя их!

Откровенно говоря, я не из любезности предлагаю Вам, не захотите ли оставить за собою кое-какие из военных картин.

Уже и теперь некоторые наивные лица предостерегали меня никак не продавать свои работы за границею, а непременно на родине,— непатриотично!

После же этих упреков будет, вероятно, еще больше. Так как свыше[2] у меня не покупают ничего и не будут покупать, то, оказывается, благодаря Вашему ответу, так же как и ответу Солдатенкова[3], которому я тоже писал, что решение продавать мои картины дома, в России, было бы равносильно для

меня решению, взявши в руки шапку, начать собирать на улице пятаки.

Вас уважающий

В. Верещагин

Поклон мой Вере Николаевне.

136.

И. Н. Терещенко

Maisons-Laffitte. 1/13 мая 1891

Многоуважаемый Иван Николович

Я отправил Вам те листы рисунков, что Вы давали мне, вместе с шестью листами новых, в которых наброски *Москвы, Палестины* (эскиз картины «Распятие»[1], между прочим — один из немногих эскизов, сделанных мною перед исполнением картины). Также несколько набросков, сделанных на *озере Маджиоре, в Северной Италии,* и в Венеции.

Словом, думаю, что посланное дополняет прежде доставленное. Уведомьте, хотите ли иметь что-нибудь за следующие года, на случай, если буду что иметь, что, впрочем, наверно.

Из должных мне за эти новые листы 600 рублей прошу Вас вычесть стоимость пересылки и остальные деньги выслать или мне сюда переводом или в учетный банк в Москву, что в Рыбном переулке, на мой текущий счет.

Черкните мне что-либо о себе. Я был порядочно болен, но теперь поправился и понемногу занимаюсь моими новыми картинами.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

137.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

Maisons-Laffitte. 1/13 мая 1891

Лида милая, что же это значит, что от тебя нет письма мне? Если ты написала на другой день моего отъезда, то сегодня письмо твое должно было бы быть здесь. Пошли мне сейчас на 300 рублей русских (триста). [...]

Нежданно-негаданно приехал Николай Иванович[1] из Нью-Йорка, где ничего нового нет, кроме того, что мой внезапный отъезд вызвал переполох и газеты объявили меня сумасшедшим, ни более, ни менее. Нашлись даже «люди из знавших меня», уверявшие репортеров, что давно уже подозревали, что я должен скоро сойти с ума и проч[ее]. Даже Грибоедов[2], к которому бросились за отсутствием из города Макдона, сказал что-то недалекое от этого...

Ты понимаешь, чьи это штуки,— Суттон и Макдон[3] имели возможность под этот шумок объяснить, что продажа отложена до осени по случаю моей внезапной болезни и отъезда. Впрочем, они имели любезность прибавить, что я не сходил с ума, а только подаю надежду на это, раздражителен, мрачен и т. п. Почему же ты не писала-то? Или не хотела очень баловать меня? Но это на тебя, кажется, не похоже!

Получил 3 твои письма, адресованные в Америку.

Прощай. Целую крепко, крепко.

В. В.

Целую и малютку[4] и тебя, золотая моя. 300 руб[лей] отдам Николаю Ивановичу.

138.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Париж. 9]/21 июня 1891

Дудушочек, милый

Сегодня запоздал с письмом тебе — набрасывал Наполеона на Поклонной горе[1]: мимо [н]его проходит бесконечный строй солдат, которые орут — «Vive l'Empereur!»[2], машут киверами и проч[ее], но ему, битюмке, не до того,— не шелохнется, смотрит на Москву!

Я тебе писал вчера, что, вероятно, у малютки не простуда, а расстройство желудка. [...] Прощай, голубка милая, хорошая, будь здорова.

В. Верещагин

Если можно, все-таки сама бросай письмо [...].

139.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Париж]. 5/17 июля 1891

До слез жалко расставаться с домом [1], с садом, собаками и проч[им]!

Вчера вечером я несколько незаметно от дворника попрощался с собаками, еще раз поласкал их, и они-то меня как ласкали!

Одна выла от ревности, пока я шутил с другою. А аллейки-то мои разрослись, так что неба не видно, как идешь! Когда-то еще будет такая тень в Москве?

Правду тебе сказать, никогда еще неизвестность так не тяготила меня, как теперь. Что-то будет? Как-то я буду работать? А главное, самое главное — будем ли мы дружно жить? Что в Борисовке у тебя было твердое намерение — не спорить, уступить, это я хорошо помню. Что оно опять у тебя есть, тоже верю. Но заставишь ли ты себя так поступать, ведь это не легко, особенно в минуты болезненности? [2]

При малейшей ссоре, малейшей неприятности с тобою, у меня все застилается в глазах, все делается немило, начиная с тебя самой, работы делаются противны, просто хочется какую-нибудь пакость сделать, хоть бы это стоило боли, страдания. Знаю, что это все татарщина, да что поделаешь! От Макдона — ничего. Просит, дурак, новых картин для Суттона, в чем я, конечно, отказал сейчас же — не только свету в окошке, что Суттон с его продажею.

Будь здорова, малютка милая, хорошая и пригожая. Завтра начну перевозить вещи.

В. В.

140.

М. М. Ледерле [1]

Ростов. 21 июля[/2 августа] 1891

Милостивый государь

В ранней молодости выбор книг для чтения был у меня ограничен, но помню, что наибольшее впечатление произвели на меня рассказы Чистякова [2] из времени татарского владыче-

ства, которые вместе с картинками, рисованными Бейдеманом, на всю жизнь врезались в мою память. Позже сильно понравились мне «Записки» С. Т. Аксакова [3], «Герой нашего времени» Лермонтова, «Записки охотника» Тургенева, так же как «Вешние воды» и «Отцы и дети» того же автора. Из Толстого — «2 гусара», «Казаки», «Война и мир», «Холстомер» и др. «Мертвый дом» Достоевского показался мне одним из самых сильных произведений всех литератур. Из иностранных авторов более всего произвел на меня впечатление роман Флобера «Madame Bovary» [4]. Затем в Дарвине, Бюхнере [5], Льюисе [6], Лайеле [7] и др[угих] я почерпнул много полезных для развития моего сведений.

Забыл упомянуть о романе «Что делать?» Чернышевского, также и трактате его об «Эстетических отношениях искусства к действительности» [8].

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

141.

В. Д. Поленову [1]

[Москва]. 14[/26] февраля 1892

Дорогой Василий Дмитриевич, на случай, если мы не увидимся больше в этой жизни, скажу Вам, что забыл сказать вчера: расположение группы Христа с учениками около прохода в храм мне нравится. Поза Христа, занятого черчением по земле или думаю[щего] и *лишь повернувшего голову,* нравится. Сутуловатость Христа и его плотность, короткая шея — не нравится. Затем в некоторых евреях, влекущих женщину, как будто слишком много движенья и гримас [...]. Женщина нравится. Храм и кипарисы, безусловно, нравятся. О живописи не могу судить, так как картину [2] не видел,— чуется, что есть солнце, не подставное, рыжее, отсебятинное, а настоящее, впрочем, не знаю! Вот Вам честное и откровенное изложение, хотя и отрывочное, моего впечатления от фотографии, виноват,

не от фотографии, а от Вашего же, кажется, рисунка, сделанного двумя красками.

Бывайте здоровы.
Вас уважающий *В. Верещагин*

142.

И. А. Всеволожскому [1]

[Петербург]. 12[/24] мая 1892

Mon général [2]

Имейте терпенье пробежать эти строки, вызванные только искреннею любовью к искусству.

Пример: Ваня в «Жизни за царя» [3] у ворот монастыря шумит, стучит, будит... естественно выбежать из ворот женщинам, не помнящим себя от страха, простоволосым, одетым не по праздничному и т. д.

Вместо этого выходят попарно, мерно, меланхолично, становятся в кружок и, сложивши руки на желудке, начинают петь — не ужасно ли это!

Мне сдается, что одно внимание без крайней строгости может подтянуть такую распущенность?

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Если я попаду в пятницу, буду иметь удовольствие видеть Вас еще раз, коли это Вам не неприятно.

143.

В. В. Стасову

[Москва] 27 июня[/9 июля] 1892 [1]

Напротив, как видите, я отвечаю Вам, но отвечаю то же самое, что и семь лет тому назад, на письмо Ваше в Вену. Вы писали мне, что *я Вам надоел* [2], и пока это выраже-

ние не взято назад, я остерегусь входить с Вами в сношения из боязни снова расстроить себя таким же вздором. На Ваше выражение уважения ко мне я могу совершенно искренно ответить тем же уважением относительно Вас, потому что не переставал считать Вас вполне порядочным человеком.

В. Верещагин

144.

В. В. Стасову

[Москва] 5[/17] ноября 1892[1]

Выбираю большой зал[2], с большим числом слушателей — судите, стоит ли ехать из Москвы, чтобы сообщать свои впечатления сотне народа. Так как буду рассказывать, а не читать, то подлинного текста я не могу сообщить цензуре и дам лишь содержание, перечень параграфов речи. Кроме этих заметок из путешествий и войн, намерен прочитать маленькую поэзию с выставкою картины[3], изображающей субъекта, о котором идет речь. Если это не совсем обычно, то, во всяком случае, разумно и стоит того, чтобы это устроить,— правда?

Предупреждаю, что мои рассуждения с несколько философским характером займут не менее, если не более, часа времени — уместно ли это будет рядом с Фигнером[4] и К[0]? Не надоесть бы? Картинку можно будет вынести для обозрения публики в антракте. Объявить об этом пораньше, чтобы не говорить стенам. Что вы скажете? C'est à prendre ou à laisser[5].

Пишу Вам в постели, только что немного очухался от жестокой лихорадки, которая трясла меня вчера целых 2 часа,— думал, душу вытрясет, ан нет, отошло.

Черкните обо всем, чтобы я мог приготовиться.

Если будут затруднения,— отложим, пожалуй. Бывайте здоровы!

В. В.

145.

И. Я. Гинцбургу

[Петербург]. 11[/23] декабря 1892

Многоуважаемый
Илья Яковлевич!

Я спрашивал Владимира Васильевича, сколько стоит статуэтка?[1] Он ответил: 20—25 рублей.

Принявши от Вас одну, якобы за труд стойки[2], я не могу принять и другую по уменьшенной цене, почему и прошу Вас принять при сем прилагаемые добавочные 10 рублей (десять).

Уважающий Вас *В. Верещагин*

146.

Ф. И. Булгакову[1]

[Конец 1892]

Удовлетворение[2], как Вы выражаетесь, должно явиться прямым результатом Вашего посредничества, так любезно Вами предложенного и мною принятого. Поэтому, если вместо 2-х слов *честного* и *прямого* объяснения того, что газета берет назад свой укор мне во лжи, явится столбец известного суворинского паясничества, приправленного гнусною руганью и годными лишь для печи нравоучениями, то, конечно, часть нравственной ответственности ляжет на Ваше посредничество, несмотря на то, что оно было мило и, очевидно, совершенно искренно предложено. Сознайтесь, что это только логично.

Знаете, что я Вам предложу, многоуважаемый Федор Ильич? Я пришлю все, что может облегчить и улучшить интересный труд Ваш, даже, если желаете, массу статей и отзывов.

Затем, хотя за наше короткое знакомство я ничего, кроме симпатии лично к Вам, не возымел,— прекратим наши личные сношения на то время, что Вы сотрудничаете в «Новом времени», так как...

глубокая и всесторонняя недобросовестность Вашего редактора Суворина этому препятствует.

147.

И. Я. Гинцбургу

[Москва]. 28 марта[/9 апреля] 1893

О Стасове не желаю говорить [1].

148.

Ф. И. Булгакову

31 мая[/12 июня] 1893

[...] Жалею, что нет фотографии с большой картины «Гималаев» [1], очень большой и всем нравившейся. Также нет снимка и с «Привала пленных» [2] в бурю (под Плевною), оставшейся в Америке,— там большая карти[на].

Вообще, я не имею на совести необходимости (в которой очутился) продать картины в Америке: вина скорее на тех, кто держится крыловской поговорки — хоть и дерет, да в рот хмельного не берет. Мне пришлось бы взять шапку в руки и обходить с просьбой на бедность...

«Сам» [3], так любящий и поощряющий бездарности, ничего у меня не купит — от него мне «как от козла — ни шерсти, ни молока».

Стасовскую статью поправлю и пришлю, не задержу.

Уважающий Вас

В. Верещагин

149.

В. А. Киркору [1]

Нижний Новгород. 26 августа [/7 сентября] 1893

Не взыщите, многоуважаемый Василий Антонович, на то, что поздно даю Вам весть об оговоренном между нами предмете: *29*[-го], в три часа пополудни буду у Вас и попрошу Вас поехать на Бородинское поле [2] — не стесняйтесь, если придется поехать на телеге или приткнуться без комфорта на ночь — и 30-го вернемся в Москву. Извещаю так поздно потому, что

ранее не знал, буду ли в состоянии урваться для нашей интересной экскурсии, за которую заранее благодарю Вас.

Само собою разумеется, что если я или Вы будем больны или польет безнадежный дождь, то поездка отложится.

Уважающий Вас

В. Верещагин

150.

О. К. Нотовичу [1]

24 октября//5 ноября/ 1893

Милостивый государь

Потрудитесь исправить ошибки, вкравшиеся в напечатанную у Вас заметку [2] мою. Я сказал и говорю, что в одной Владимирской губернии расследование открыло несколько сот тысяч десятин зараженного «монашкою» [3] леса.

Далее я сказал и говорю, что убытки будут миллиардные, а не миллионные, как у Вас напечатано.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Неужели Вы не понимаете, Осип Константинович, важности сообщаемого мною факта: *в одной губернии* несколько сот тысяч десятин заражено, т. е. пропало. Что же будет во всей России, если не примут мер! А что делать? Гусеница заложила яички глубоко под корою или у корней, и распознать это до погибели дерева трудно, почти невозможно. Напрасно вымарали Вы мое замечание о том, что главные виновные, до последнего времени утверждавшие, что все обстоит благополучно, теперь сознаются, что гибель громадных лесных богатств неизбежна.

Если будут говорить, что это неправда, что цифра, приведенная мною, преувеличена,— не верьте! Я утверждаю, что это так. Великое бедствие надвижется благодаря нерадению и беззаботности чиновников.

151.

Ф. И. Булгакову

[Москва]. 13[/25] октября 1894

Не то, не то, Федор Ильич! Мне просто нужны некоторые из посланных Вам вещей, нужны для моего дела [1]. Не ждите меня с изданием [2], я не знаю еще, когда и где начну выставку, может быть, за границей, так как вечно подлый Суворин, например, не задумается объявить меня, идущего вперед, утерявшим талант и технику. Из-за того, что я не отдал его жене визита и к нему сел задом, он способен всячески навредить и напакостить художнику [3].

Уважающий Вас *В. Верещагин*

152.

Ф. И. Булгакову

[Конец 1894]

Вы дурно освещаете дело и из-за неверной посылки извращаете написанное мною. Не мое дело серьезно вмешиваться в то, когда явится Ваш труд. Вы помните, с каким вниманием и предупредительностью я отнесся к Вашему предложению. Я думал: вот человек трудолюбивый, не без средств, который возьмет на себя развернуть перед обществом громадный, гигантский труд мой за 24 лет [1], в продолжение которых я работал над историей, жанром, пейзажем, архитектурою и баталиями, ловя солнце с игрою света и тени зимою и летом, не на маленьких картинах только, как Мейссонье, а сплошь и рядом на больших сложных композициях и полотнах, будя мыслью всю Европу и с нею весь мир. Я полагаю, что Вы проникнитесь важностью предпринятого труда, поймете, что явление такого художника — незаурядное, что Вам предстоит за труд и честь выяснение достоинств и недостатков одного из людей, составляющих гордость своей земли — таковым я

считаю себя, как бы это ни казалось Вам кичливо, хвастливо, покровительственно и т. д.

И что же, после огромного промежутка времени получаю от Вас предложение выпустить для исправления Ваших обстоятельств альбом копий с моих работ лишь с коротеньким текстом — а после видно будет...

Кабы это предложил иностранец Мутер[2], называющий меня «черненьким, маленьким человечком», я бы не удивился ничуть — в своем всезнании эти господа имели наивность спрашивать меня, почему я никогда не выставляю в Париже? — когда величайший художественный успех мой был в Париже — в трудное время, когда самые требовательные специальные французские журналы, как «L'Artiste», «La Vie artistique»[3] и другие приравнивают меня к Реньо[4] и Фортуни[5], т. е., по понятиям их, оказывают мне, как живописцу, величайшую честь.

От Вас такое банальное, заинтересованное предложение показалось мне невниманием, чтобы не сказать оскорблением, и Ваши последующие разъяснения, что Вы, затративши до 2000, не ожидали этого, что я могу обратиться к другим, так как Вы конкуренции не боитесь и проч[ее], и проч[ее],— только утвердили мои мысли. Я прав был, написавши Вам, что взявши[сь] за гуж, не говори, что не дюж. Еще в гостинице в Петербурге Вы ведь высказывали сознание трудности предпринимаемого. Издавайте, что хотите и как хотите, я не буду читать Вашего труда. Прошу Вас верить, что тут нет желания сказать Вам что-нибудь неприятное...

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

153.

П. М. Третьякову

[Москва]. 3[/15] января 1895

Благодарю Вас за поздравление[1], Павел Михайлович,— не взыщите, что со своей стороны не поздравляю; каждый год так явственно и неизменно уносит у меня силы и здоровье,

что если у других происходит то же хоть в малой мере,— поздравлять с Новым годом не стоит.

Печатаю и скоро пришлю Вам новую книжку, мое «Детство и отрочество» [2]. В следующих томах, которые надеюсь еще осилить, расскажу юность и зрелый возраст со всеми мыслями, надеждами, поступками, и вполне уверен, что доставлю духовное наслаждение Вам, современникам, и назидание потомкам — без фраз.

Уважающий Вас

В. Верещагин

Каково мое новое недомогание — между другими: всякое усилие мысли вызывает мучительное, тоскливое чувство, временами прямо боль в кишках; приходится все бросать и лежать пластом — вот она, расплата-то когда настает!

Привет мой милой и хорошей Вере Николаевне, где бы она ни была.

154.

В. А. Романову

13/25/ января /18/96
11/23/ января 1896 [1]

Ваше высочество

Посылаю Вам 2 выписки [2] — могу представить еще 10, если нужно.

...L'on remarque que Napoléon avait pris pour la première fois un costume polonais, qui consistait en un bonnet de peau de martre, une pelisse verte, bordée en martre et garnis de brandebourgs en or et des bottes fourrées. Il portait ce costume pendant toute la retraite.

(Chambray)

...Napoléon était alors à pied sur la route entre Krasnoïé et Katowo; il portait le costume polonais que nous avons décrit et tenait à la main un bâton de bouleau; Berthier l'accompagnait, mis de la même manière, portant également un bâton de bouleau...

(Chambray) [3]

Le lendemain on marcha avec hésitation. Les traineurs impatiants prient le devant; tous dépassèrent Napoléon: ils le virent à pied, un bâton à la main s'avançant péniblement ...

(Ségur)[4]

Все свидетельства согласны в том, что, одетый в длинную шубу, меховую шапку и теплые сапоги, он шел большую часть пути между Смоленском и Березиною пешком,— вероятно, для того, чтобы физической усталостью заглушить нравственную.

Прилагаю с рисунка очевидца кальку шапки Наполеона и прошу Ваше высочество принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

155.

К. К. Романову[1]

14[/26] января 1896

Ваше императорское высочество

Дорожа Вашим мнением, я позволяю себе беспокоить Вас маленькою заметкою.

Его высочество президент Академии художеств высказал мне самым решительным образом, что картины мои,— которые Вы видели,— неверные, что Наполеон I никогда не носил длинной шубы и меховой шапки, а также за время отступления из Москвы не шел пешком, да еще с палочкой в руках.

Его высочество допускает, что Наполеон носил или серое пальто, как у Мейссонье, или короткую шубку, как у Гро[2], но я позволю себе заметить, что великий завоеватель, как человек прежде всего, непременно схватил бы горячку в первом случае и поморозил бы свои ноги, а может быть, и другую часть тела,— во втором, на стоявших тогда морозах.

Вот выписки из свидетельств очевидцев, немногие из множества, разбросанных по воспоминаниям и мемуарам современников:

Chambray
III. 117

L'on remarqua que Napoléon avait voyagé en voiture la première fois depuis son départ de Moscou et qu'il avait pris,

également pour la première fois, un costume polonais, qui consistait en un bonnet de peau de martre, une pelisse verte bordée en martre et garnie de brandebourgs en or et de bottes fourrées. Il portait ce costume pendant toute la retraite. . . . .
. . . .

. . . .
Napoléon était alors à pied sur la route entre Krasnoïé et Katowo, il portait le costume polonais que nous avons décrit et tenait à la main un bâton de bouleau; Berthier l'accompagnait mis de la même manière, portant également un bâton de bouleau...[3]

Officier de la jeune garde.

Nous pouvions être à environ six lieux de Borisow. Bonaparte marchant comme nous, le bâton à la main, couvert d'une pelisse et d'un bonnet de fourrure, n'était qu'à quelques pas de moi...[4]

Constant

Dans la retraite, l'Empereur marchait à pied, enveloppé de sa pelisse et la tête couverte d'un bonnet russe, qui nouait sous le menton...

L'Empereur à pied au milieu de sa maison un bâton à la main marcha avec peine...[5]

Прошу ваше высочество извинить меня за беспокойство и принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

156.

Ф. И. Булгакову

Севастополь. 7/19/ мая 1896

Статья[1], кажется, «Исторического вестника», сильно рекламирующая Ваше издание, уверяет, что, по имеющимся у автора сведениям, я не признаю никаких заслуг, кроме своих, высочайшего мнения о себе и т. д.

Так как в этой статье есть сведения, которые я сообщил только Вам, Федор Ильич, то я и полагал, что Вы сообщили

содержание писем, давших повод заключить о моем самомнении.

В сущности, мне часто совестно смотреть на свои работы, а чужие кажутся мне несравненно лучшими. Нет работы даже маленького художника, в которой я не старался бы, рассматривая ее, найти какую-нибудь прелесть и, только найдя хоть отрывочек этой прелести, отхожу... Исключения редки. Ужасно сожалею, что Вы так дурно воспроизвели,— вернее, такою плохою фототипиею,— мои работы[2]. Как ужасно большинство портретов! Как я мог бы развести Ваше издание по России и по Европе! Время еще не ушло, раньше, чем через год, я вряд ли буду за границей с картинами. Если бы Вы решились сделать издание, подобное гупилевским, я мог бы быть очень полезен распространению его.

Впрочем, я, кажется, уже писал Вам об этом.

Уважающий Вас *В. Верещагин*

157.

В. А. Киркору

[Ялта] 31 июля//12 августа 18[96

Многоуважаемый
Василий Антонович

Пожалуйста, поимейте в виду, что я еще не отказался от мысли приобрести землю около деревни Котлов для переноса туда моего дома. Так что прошу Вас не располагать этим куском, не предупредивши меня. Коли будете иметь сообщить мне что-либо по тому поводу, черкните по адресу: Таврической губернии, гор. Ялта, Магарачеcкое имение Журавлева.

В. В. Верещагин

В Крыму я и жил, понемногу работал, когда стряслась надо мною большая, непоправимая беда, приведшая, между прочим, сюда в самой середине лета: моя старшая девочка[1], умная, острая, бойкая, заболела туберкулезом головного мозга и умерла, зара[зи]вшись от своей чахоточной няни.

Тяжко, дорогой Василий Антонович, так тяжко, что даже Вам — папаше многих деток — трудно поверить!

Уважающий Вас

В. Верещагин

158.

В. А. Киркору

Ялта. 7 [/19] августа 1896

Многоуважаемый
Василий Антонович

По случаю близкой отсылки картин за границу, пожалуй, могут и не случиться под рукою те 2000, о которых Вы пишете. Так что, в случае крайности, нельзя ли отделаться каким-нибудь безденежным заверением или денежным — на 500 руб[лей] [1].

Подумайте, что это второй ребенок [2] за один год, и не подивитесь, когда меня увидите, что я опустился и поседел как за несколько лет.

Уважающий Вас

В. Верещагин

Передайте, пожалуйста, мой привет всему Вашему милому семейству.

159.

В. А. Киркору

Ст[анция] Казбек. 17 [/29] июня [18]97

Многоуважаемый
Василий Антонович

Не забудьте же поратовать за то, чтобы не давали больше осыпаться берегу Серебряного бора. Как Вы говорили, Вам сделать это пустяк в виду порчи всего именья [1], а мне сделать это тяжело. Лишь бы Вы не забыли!

Я в горах, в палатке и чувствовал бы себя недурно, если бы погода не так хмурилась и мочило дождем. Впрочем, надобно потерпеть. Вчера был в монастыре, под Казбеком, и на вопрос, как стар монастырь, получил ответ: 2000 лет!

Кланяйтесь Вашим и будьте здоровеньки.

Уважающий Вас

В. Верещагин

160.

Ф. И. Булгакову

2[/14] октября 1897

Пожалуйста, Федор Ильич, проведите маленькую мораль: художник грамотный, мыслящий, после долгого усидчивого труда дал тип исторического лица, отличный от представлявшегося до него, и показал его не за границею, а дома — что же вышло? Публика с недоумением спросила кругом себя: так ли это, не слишком ли это смело, что скажут за границей, что там известно по этой части, почему там ничего подобного не было сказано???...

В[еликий] к[нязь] Владимир так-таки и сказал мне: *почему же Мейссонье никогда не изображал так Наполеона?* — Как Вам это нравится? Только после того, что за границею одобрили, начинают и у нас думать, что я не ошибся и не пересолил. Коли Вы этого не скажете,— кто скажет?

Уважающий Вас *В. Верещагин*

161.

Ф. И. Булгакову

Вена. 11/23 октября 1897

Посылаю Вам, Федор Ильич, несколько сведений о моих выставках; может быть, интересных для публики. В Берлине у меня было до 80 000 ч[еловек] народа. В Париже[1] не считано, так как выставки картин были в артистическом кружке,

но толпа была так велика, что в известные часы не было возможности войти в залы. *Нигде так не хвалили картины, как в Париже.* Arsène Alexandre в «Figaro»[2] (которого я не знаю) писал: «Его кампания 1812 — произведение художника открытого и увлекательного, настоящего мыслителя. Редко с такою краткостью и силою показывали шаткость славы и завлекательное безобразие войны. Его «Отступление»[3] в высшей степени интересно, как настоящее откровение. Ни малейшей деланной драмы — отступление при чудном солнце, безжалостно холодном, золотистом, покрывающем пурпуром снег на земле и деревьях. Император и главный штаб — расшитые, великолепные — по-восточному!..»

Интересно, что картину «Наполеон перед Москвою»[4] желал приобрести внук великого императора Napoleon-Weiss[5].

В Дрездене[6] — небывалая цифра посетителей, до 20 000 в один месяц, это в то время, как огромная международная выставка, превосходно устроенная, едва дала 75 000 в 6 месяцев.

Как видите, наша публика напрасно не решилась высказаться *до заграницы,*— на это[т] раз, хоть по памяти прежде бывшего, можно было решиться «сметь свое суждение иметь».

Пошлите мне, Федор Ильич, номер газеты[7], в которой черкнете об этих цифрах. Теперь готовлю выставку в Вене[8], где будет представлено несколько новых картин.

Уважающий Вас

В. Верещагин

162.

Ф. И. Булгакову

Вена. 27 октября/8 ноября [18]97

Сообщаю Вам, Федор Ильич, что выставка моя здесь, в Вене, имеет громадный успех. Она только началась, и уже вчера было в один день свыше 5000 челоеек. С тех пор как Künstlerhaus стоит, не запомнят, чтобы публика так набросилась на картины не только одного художника, но и на целую международную выставку. Парламентское столкновение, при котором я присутствовал, газеты предлагают назвать в честь мою «битвою под кариатидами» — в подражание битве

под пирамидами — и ведь это без насмешки, всерьез! Отзывы критиков очень лестные...

Уважающий Вас

В. Верещагин

Публика стоит на стульях! Повернуться негде.

163.

Ф. И. Булгакову

Вена. 3/15 ноября [18]97

За два дня, вчера и сегодня, у меня было, Федор Ильич, на выставке более 10 000 (десяти тысяч) человек.

Как русский, Вы, верно, порадуетесь и не преминете сообщить об этом в газете?

Уважающий Вас

Верещагин

Ваш здешний корреспондент сообщил бы, конечно, об таком успехе француза, но об русском, конечно, не стоит.

164.

И. Я. Гинцбургу

[До 1898]

В. В. Стасов сказал мне раз в библиотеке: «Л. Толстой здесь и желает со мною познакомиться». «Хорошо,— ответил я,— буду очень рад — когда?» Назначен был день и час — я прихожу и жду. Явился Страхов[1] и говорит, что Л. Толстой не будет, потому что уехал в деревню.

Я крепко выговаривал Стасову, *зачем он сводничает!* На что он по обыкновению резко отвечал, что не думал усердствовать, что Л. Т[олстой] действительно выразил желание видеться со мною.

Хорошо помню одну фразу Стасова, сказанную при сообщении того, что Т[олстой] хочет меня видеть: «Интересно будет посмотреть, как Вы вместе будете...»

Я познакомился со Стасовым не совсем так, как он рассказывает: г-жа Бейдеман (еще живая) писала мне, что Стасов в восторге от виденных снимков с моих работ, вырезал из моего письма мой портрет и непременно желает со мною свести знакомство. Вот причина, почему я, знавший и уважавший С[тасова] по его критическим статьям, пошел к нему.

В. В.

165.

Ф. И. Булгакову

Москва. 20. 2[/4 марта] 1898

[...] Был в Будапеште, где успех моей выставки[1] небывалый по месту.

Кабы я мог отдавать теперь мои работы, они разошлись бы все по рукам — такой был спрос на них в Дрездене, Вене, Праге [...].

Подумайте, что только музей петербургский[2] считает возможным обойтись без моих работ — это музей современного русского искусства! Толстой[3] писал мне, что, видя эту проруху, они просят меня назначить, какие мои работы я желал бы иметь в этом музее.

Я назначил большую картину «Отступление Наполеона I» и еще 2 небольшие картинки,— что же, Вы думали, ответили? — одной маленькой достаточно! Так как это не из-за места и не из-за цены, то, очевидно, что они считают самую картину неприличной для русского музея, картину, признанную везде за chef-d'œuvre. За все три картины я назначил 23 000 рублей. Не забудьте, что Алма-Тадема[4], который не лучше, а только филиграннее меня, получил от царя 33 000 руб[лей]. Вот Вам и судьи. Хлопните же Вы их по лбу за это! Вопрос не обо мне, а об русском искусстве, самого известного представителя которого за границей нет вовсе, а чиновникам и горя мало. Наверное, что-нибудь сбрехнут, но Вы, знающий теперь правду, не преминете, надеюсь, *поправить их*.

Уважающий Вас

Верещагин

К тому, что болтал Вам вчера или третьего дня, прибавлю, что мне непонятны сетования художников на импрессионизм, иллюзионизм и проч[ее] —с обеих сторон сердится лавочка. Там хотят сбыть сотню полотен плодовитых новаторов и объявляют их chef-d'œuvre'ами; здесь недовольны тем, что увлеченный новинкою и рекламою, покупатель не покупает более старого. Все это — *средство,* и лишь по указанной причине, т. е. из-за лавочки, признается целью. Конечно, нужно дать в картине impression и illusion [5], хоть жары, например. Нелепо сцену сицилийскую трактовать в тех серых тонах, в той же мастерской, что происшедшее в Стокгольме или Христиании. Самая суть остается невыраженною. Но, с другой стороны, дать лишь одно пятно, одно впечатление красок можно только в виде этюда, приготовлений — истинный художник [не] удовольствуется этим.

Считайте, коли хотите, бахвальством мои слова, но когда я делал индийские сцены в Париже, то выбирал лишь самые жаркие дни, чтобы не нарушить impression и illusion индийской жары. Только французы, и то интеллигенты, не торговцы, оценили это — в «Gazette des Beaux Arts» [6], если не ошибаюсь, сказано было, что «Фортуни и Реньо в одно и то же время, да кроме того «свое собственное я». Как бы ни ругали меня за мою трилогию— всю строго исполненную на воздухе,— *«Расстрел из пушек», «Повешение в России» и «Распятие»* [7] — она опередила буржуазное понимание на 100 лет, и со времен[ем] принесет мне немного чести и похвал; теперь же, по словам «Standart», «обесчестила стену, на которой висела».

Напрасно думаю, что такая художественная *добросовестность* (к этому я свожу все новые методы) легка: громадные полотна валились мне на нос, прорывались, заносились песком, прыгали под кистью и т. п., чем просто приводили меня в отчаяние, но я не покидал раз принятой манеры.

Скажут: все это пустяки. Врете, господа, обманываетесь рутиною. Я лично всю жизнь буквально вырываю у себя куски мяса, горстями ем хинин от постоянной лихорадки, а она, т. е. эта самая лихорадка [8], как я хорошо в этом убедился,— плод невероятных усилий над собой, производимых для добывания правды в красках, силы и натуральности в сюжетах. Четверти того, что видел, я не выразил — где же искание ужасов?

Или бросить все впечатления и зачать петь соловьем — и песня-то выйдет невеселая. Не моя вина, что я много видел, *совал нос, куда не следует,*— скорее это заслуга.

Однако очень заболтался.

Преданный *В. Верещагин*

166.

И. Я. Гинцбургу

[Москва]. 20 октября[/1 ноября] 1898

Здесь продается, Илья Яковлевич, моя статуэтка[1], но по дорогой цене — 30 руб[лей]. Почему бы Вам не пустить маленькую — бюстик —охотников на него нашлось бы теперь же? Матэ[2] точно воды в рот набрал — ни слова о том, работает или нет.

Пару картин все-таки думаю выставить в Питере на несколько дней, забросить свою визитную карточку.

Смелее окунывайтесь в жизнь и историю, лепите Скобелева[3], Суворова и др[угих], Глинку, Белинского[4], Лермонтова и проч[их], да бывайте здоровы.

В. Верещагин

167.

И. Я. Гинцбургу

[Москва]. 30 октября[/11 ноября] 1898

Только что послал Вам книжку[1] мою, которая, надеюсь, заинтересует Вас. Сейчас получил Ваше письмо, доказывающее, что Вы или не поняли меня или слишком поторопились ответить мне.

Я советовал Вам изобразить Суворова не потому, что он полководец, а потому, что он очень типичный русский человек — воин, небольшая тщедушная фигурка которого преобразилась в официальном представлении в Марса с торсом Аполлона. Нелепое утверждение французов, что «так нужно для воспитания», заставившее даже и Руже де Лиля[2] представить

Адонисом, способное и Эзопа[3] представить красавцем, нигде так не применились, как на фигуре Суворова, поставленной на Царицыном лугу[4]. Это не Суворов, русский чудак-воин, а какой-то греческий или римский недоносок. Снять с ходуль человека, поставленного на них после смерти и не могущего от этого защититься,— доброе дело, а в данном случае и материальная сторона его была бы, думаю, поддержана, так как, несмотря на все усилия юных реформаторов, сошедшихся во вкусах со старыми колпаками, мистицизм еще не выбил из нашего общества симпатии к реальному...

Однако довольно маленькая нетерпимость, проявляемая Вами в ответ на дружеский совет, побуждает меня больше Вам советов не давать — непрошенных. Спасибо за сообщение о Матэ. Мне сдается, что он чудит — ну как не сказать 2-х слов о том, делал что или нет! Скажите ему, пожалуйста, что до начала января денег не могу дать, так как немногое, что имею, должно употребиться на устройство выставки в Лондоне[5]. Из получки же сейчас пришлю — не задержу.

Ну, будьте здоровы, лихом не поминайте.

Уважающий Вас

В. Верещагин

Если увидите Александра Петровича Соколова[6], будьте добры сказать ему, что латы, о которых я хлопотал,— нашел. Кое-какие же вещи из военного старья еще держу, как нужные. В туркестанских халатах не разбирался еще, да, кажется, у них они есть? Покойный Гейнс,— не тем будь помянут,— со своими вещами спустил и то, что у меня было собрано по части туркестанского вооружения.

168.

П. М. Третьякову

[Москва]. 17[/29] ноября 1898

Моя полная отчужденность, бирючество, если хотите, причина того, что я так-таки и не знал о Вашем горе![1]

Не могу помириться с мыслью о том, что милая, светлая Вера Николаевна в таком беспомощном состоянии.

Не взыщите на совете — знаю, что советчиков много,— при первой возможности увезите ее в более мягкий климат, где она могла бы часами сидеть на воздухе. Невольно приходит на ум Магарач, где я нанимал за 100 руб[лей] в месяц нижний этаж дома Журавлева[2] (континентального). Место высокое, не жаркое в средине лета и восхитительное весной и осенью. В доме обыкновенно никого не живет, а воздух!!!.. Не взыщите за совет и примите уверения в моем уважении.

В. Верещагин

Тяжел наш климат для больных, тяжел, особенно теперь!

169.

В. А. Киркору

[Москва]. 23 ноября[/5 декабря] 1898

Многоуважаемый Василий Антонович

Если еще, обдумавши на свободе мою композицию, Вы придете к какому-нибудь заключению, дружески прошу Вас не стесняться сделать его, так как Вы окажете мне истинную услугу — она еще строится!

Ваше мнение, как исходящее от интеллигентного человека и художественного темперамента, дорого мне. Но, признаюсь, я ни малейшей цены не даю советам худосочных декадентов наших, цепляющихся за хвост этого дурацкого направления, в то время как парижская голова его уже упала в яму, из которой ей не подняться.

Я получил от брата моего Н[иколая] В[асильевича] статью одного большого лондонского журнала, очень большую и очень интересную. Вот ее заключение: если слух о том, что Grafton Gallery[1] выставит картины Верещагина, оправдается, то, нет сомнения, польза от этой выставки отзовется на всем нашем государстве.

Как видите, сильно сказано.

Смотрите же, черкните, что придет на ум.

Уважающий Вас

В. Верещагин

170.

И. И. Толстому[1]

Москва. 10[/22] сентября [18]99

Многоуважаемый граф

В Варшаве есть коллекция картин, переданных городу университетом. Президент города генерал Бибиков[2], будучи вполне русским человеком, нашел все-таки возможным нанять помещение за 5000 руб[лей] для выставки этих картин, но министр внутренних дел решил иначе, сказавши, что «Варшаве довольно выставок — зачем еще картинную галерею» — это для города с 700 000 жителей! Картины, о которых я говорю, не знаменитые, кроме нескольких оригинальных полотен старой итальянской школы, все копии. Но дело не в этом, а в том, можно ли огромному, весьма культурному городу дозволить роскошь и картинной галереи, когда таковая со стороны театра, концертов, выставок и проч[его] удовлетворена? Что же будет с нашим искусством, если министр внутренних дел (Горемыкин)[3] по дурным отношениям с властью края (Имеретинским) будет говорить: не надобно Вам галерею, займитесь чем-нибудь подельнее.

Город собрал 300 [тысяч] рублей для постройки специального здания, план его составлен и у правительства не просят никакой помощи — «Нельзя, не нужно, это будут брошенные деньги?»

Не можете ли Вы помочь делу? Не может ли вел[икий] князь[4] обуздать Горем[ыкин]-а? Пример Варшавы, желающей построить большое роскошное здание для галереи, был бы поучителен для других городов, теперь всего ждущих от правительства. Весьма вероятно, что за нею потянулись бы Одесса и др[угие] большие города, пробирающиеся в дамки. И эту инициативу обрезать!

Черкните мне, многоуважаемый граф, что Вы по этому сделаете. «Интриги» не может быть потому, что и покупка картин и заправление делом должно быть в руках президента, а если нужно, то и губернатора — за чем же дело?

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

171.

О. А. Новиковой

Москва. 2/14 января 1900

Дорогая Ольга Алексеевна!

У меня есть картина [1], которую Вы знаете, так как она была уже на выставке в Гровенор-Гэлери [2],— представляющая «Забытого» английского солдата в его красной «униформе», меж кустов в горах, с дерущимися над ним, из-за него, птицами. Не думаете ли Вы, что это полотно можно было бы выставить? Непременно *одно,* в небольшой высокой комнате (5 метров вышины при 2—3 ширины). Других картин рядом не должно быть. Сверху свет, небольшой, но, пожалуй, не с потолка, если такового не отыщется, а от завешанного снизу окна.

Если бы нашелся желающий выставить эту картину на бойком месте, я приехал бы на пару дней поставить ее и согласился бы получить 20 % с валового дохода.

Не взыщите, что беспокоил Вас, и верьте в искреннюю дружбу.

В. Верещагин

На нет и суда нет.

172.

А. Н. Куропаткину [1]

[Петербург]. 24 января[/5 февраля] 1900

Многоуважаемый
Алексей Николаевич

Как умному человеку и хорошему патриоту показываю Вам прилагаемое письмо [2], 2-м пунктом которого мне предлагают 30 000 рублей (15 000 долларов) за 6-месячную выставку моих картин в Америке, а также предлагают правила для продажи там картин.

Боюсь, до слез боюсь, что потом ни за какие деньги нельзя будет выцарапать оттуда назад мои полотна.

Будьте добры возвратить мне американскую цидулу либо сейчас, либо по адресу: в Москву, за Серпуховскую заставу, свой дом — куда я завтра хочу ехать.

Привет мой Вашей прелестной супруге и выражение самого искреннего уважения Вам.

В. Верещагин

173.

В. В. Стасову

[Петербург]. 31 января [/12 февраля] 1900[1]

Посылаю Вам, Владимир Васильевич, книжку[2] — просмотрите, кое-что там есть.

Утекаю в Москву. Академическая комиссия из художников, в[еликий] к[нязь] Георгий Михайлович[3] [...] были за приобретение моих картин из 1812 года для музея, но Толстой[4] подбил Владимира[5] воспротивиться[6].

Пусть после не укоряют меня в отсутствии патриотизма. Это между нами. Прощайте.

В. Верещагин

174.

А. Н. Куропаткину

[Петербург]. 31 января [/12 февраля] 1900

Многоуважаемый
Алексей Николаевич

Посылаю фотографии, которые мог подобрать — некоторых теперь уже нельзя достать,— картины уничтожены, как, вероятно, *запалятся* и Ваши новые знакомые полотна[1], относящиеся к 12-му году. Не знаю, имеете ли Вы мою книжку «Война в Азии и Европе»[2]. На всякий случай посылаю так же, как и некоторые другие. Если Вам не будет времени читать, просмотрит супруга Ваша с деткой.

Пожалуйста, поклон им мой!

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

175.

А. Н. Куропаткину

2[/14] февраля 1900

Многоуважаемый
Алексей Николаевич

Между нами: кроме в[еликого] к[нязя] Владимира, французский посол[1] очень против моих картин из 12-го года — я имею письменное доказательство его, «гада», против них и, конечно, против сохранения их в музее. Мы, однако, русские, а не французы, и история останется историей?

Теперь я начисто отказываюсь от писания второй части серии, русской, с Кутузовым и др[угими] лицами эпохи[2]. Пусть пишут protégé[3] г-на Монтебелло.

Примите выражение моего уважения.

В. Верещагин

176.

В. А. Киркору

Москва. 23 марта[/5 апреля] 1900

Многоуважаемый
Василий Антонович

Нет ли в удельном здании столовых часов времени Империи[1], хоть не особенно хороших, но стильных — мне бы не надолго, написать в картину? Конечно, возьму на себя принести их сюда и заплатить часовому мастеру.

Есть у меня написанная фигура Наполеона I[2], которую очень хотелось бы проверить снятием фотографии в другую сторону. Не соберетесь ли как-нибудь — я вышлю лошадку к заставе?

Уважающий Вас

В. Верещагин

А Олив-то[3] остался? Или только, думаете, для введения в ход дела нового начальника?

177.

А. Н. Куропаткину

Москва. 24 сентября /7 октября/ 1900

Многоуважаемый
Алексей Николаевич

У меня крепко засели в голове несколько сюжетов для картин из времени войны 1812 года. Я прошу Вас переговорить с министром двора[1] о предоставлении мне возможности исполнения этих картин для государя. Картины эти, как написанные на чисто родные сюжеты, будут мало интересны в Европе, и можно будет рассчитывать на помещение их только в России.

Скоро минет, как Вам известно, столетие нашей великой обороне — неужели барон Фредерикс поручит воспроизвести память этих событий французу или русскому, но не знакомому с войною и с историею времени?

Об самых сюжетах задуманных картин я мог бы сговориться с Вами.

Посылаю несколько каталогов моих,— может быть, Вы предложите один барону Фредериксу.

Думаю и надеюсь, что Вы, многоуважаемый Алексей Николаевич, обратите серьезное внимание на мои предложения.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

178.

А. В. Жиркевичу[1]

[Одесса]. 2[/15]октября 1900

Сейчас только получил Ваше последнее заказное письмо и спешу еще и еще поблагодарить за высказываемое участие[2]. Меня просто трогает такое внимание — спасибо! Очень испугался Вашего категорического заявления, что в январе нельзя держать выставки — это беда! Нельзя ли попросить Троицкого[3] изменить это? Ввиду того, что отправлю Вам и одесские картины, открытие задержится, наверное, до половины декабря — коли не до 20 декабря. Жаль будет закрыть ее после

стольких трудов и хлопот, не давши посмотреть всем желающим — поратуйте! Зато ведь выставка будет большая и Вам не стыдно будет заступиться за нее — труда вложено много. Открою, коли Вы того желаете, сам, но уж Вы поможете, я тюлень. Относительно детей сделаем, если желаете, так: учащиеся 15 коп[еек], а школы целыми классами с учителем 10 и даже 5 коп[еек]. Последнее, пожалуй, уж слишком мало, ввиду налога на каждый билет в пользу учрежд[ений] импер[атрицы] Марии[4] в 2 коп[ейки]? Если находите 10 коп[еек] не дорогою ценою, то примите ее — это поддержит меня в небольшом городе, где народа мало, а расходов все-таки много. Надобно будет достать обойщика *честного,* которому можно дружески сказать, чтобы не позволял своим людям прикарманивать мою материю (что всегда у них практикуется). Важный для материального успеха выставки вопрос впуска по вечерам — обдумайте его, коли возможно? Так как картины будут стоять только в одну сторону, то может быть, хоть и не важно, с блеском можно будет осветить их? Очень уж жаль терять целую половину дня, и такую, когда все более свободны, чем днем. Относительно продажи картин, скажу Вам, что я дам Вам право сделаться с желающими иметь их как Вы захотите,— назначайте цену, спускайте — доверие полное, абсолютное. *Спорить и прекословить наверное не буду!*

Между нами: нельзя ли избежать налога на посещение детей, заплативших гуртом? Тогда можно было бы смело назначить цену в 5 коп[еек]? Это совершенно на Ваше усмотрение — коли неловко и n'en parlons plus![5]

Уважающий Вас

В. Верещагин

Без посылаемых отсюда картин можно было бы открыть выставку раньше, но ведь это жалко — половина!

179.

В. В. Стасову

Москва. 9[/22] октября 1900

[...] Напрасно Вы так сокрушаетесь о параличе некоторых давно уже очень больных[1]. Вы светлее смотрели бы на дело, если бы знали, напр[имер], о том буквально восторженном

отношении к моим работам, которое я имею удовольствие и честь встретить в провинции — по 20 и 25 000 человек в провинциальных городах, где даже передвижники собирают по 5—7 тысяч только. Разве это не награда за труд и талант?

Уважающий Вас *В. Верещагин*

180.

В. Б. Фредериксу

[Москва]. 18[/31] октября 1900

Ваше превосходительство

Вследствие разговора с Вами позволю себе обратиться к Вам с почтительною просьбою доложить монарху о моем желании исполнить прежде всего картину, представляющую канун Бородинской битвы: «Коленопреклоненная русская армия, готовясь к обороне, встречает икону Смоленской Богоматери, сопровождаемую главнокомандующим кн. Кутузовым-Смоленским со штабом и свитою» [1]. Если решение его величества будет утвердительное, я немедленно приступлю к собиранию материалов и примерно года через три надеюсь представить вашему высокопревосходительству самую картину.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Василий Васильевич Верещагин в Москве, за Серпуховской заставой, свой дом.

181.

И. Антоновичу [1]

[Октябрь. 1900]

Крамской захлебывался мною и моим талантом: везде называл прямо гением, но лишь до тех пор, пока не случилось, что я не дал ему возможности окончить начатый с меня для Третьяковской галереи портрет, после чего страшно озлился и объявил меня таким-сяким и проч. ...

Не дал же я окончить портрет,— так и оставшийся при неоконченном лице,— по простой причине, что после первого же, очень затянувшегося сеанса, я продрог в его мастерской и схватил один из сильнейших приступов лихорадки, какой когда-либо бывал у меня. Вообще же говоря,— Крамской глубоко ошибается, полагая что я работаю лишь умом,— меня всего захватывает до потери сна и аппетита, до болезни...

182.

И. Антоновичу

[1900]

Не могу понять возможности называть болезненно отзывчивую чувствительность — рассудочностью, готовность художника замерзнуть на ледниках, при наблюдении эффектов горного освещения,— расчетом. Готовность дать убить себя 20 раз в день из-за желания наблюдать чувства, страсти людей, психологию битв — отсутствием этих самых чувств и страсти,— неутомимостью!

Наконец, отказ в продолжение 30 лет от самых выгодных «заказов» из-за того, что сюжет не проникает художника, не вдохновляет его на работу — недостатком участия сердца в работе?!

Ах, кабы мне рассудочности, то хоть к зрелым годам я был бы обеспечен, богат, а то я гол, как сокол. Всю свою жизнь делал глупости, стремительности, на всяком «условии», которое заключал, проваливался из-за недостатка предусмотрительности и расчета, а люди говорят, что это — рассудочный человек, тонкий, политичный человек. Караул! Караул!

183.

И. Антоновичу

[1900]

Сердечность, увлечения, к несчастью, не нитью, а целой веревкою проходят через всю мою жизнь, и рассудочности, хладнокровного раскидыванья умом было слишком мало — на беду! Какая объективность творчества, когда палитра валится

из рук, если не прохвачен насквозь сюжетом,— приходится отказываться от выгодной работы! Несколько пустяков на выдержку: с самых юных лет, т. е. со времени, когда о расстроенных нервах не могло быть и речи, я не мог слышать рассказов о чьих-либо возвышенных поступках — захватывало горло, душили слезы. Не мог слышать хорошей музыки, хорошего пения — подгибались колена...

Рассудочность ли это, холодный ли это ум? Еще глупее: в то время, когда рассердился на меня Крамской, я послал милого Павла Михайловича Третьякова к черту — по телеграфу.

Перед открытием большой моей выставки[1] в Вене разругался с венскими критиками из-за Леонардо да Винчи, которому предлагали всем художникам подражать,— назвал их старыми колпаками — и они отомстили мне. Как видите, увлечения все более и более глупые, невоздержанность и отсутствие рассудочности, расчета, ума...

Всегда, когда писал условия для устройства моих выставок в Европе и Америке, недосматривал, попадался, проваливался, обворовывался, хоть и считался дельцом (между художниками). Вся жизнь полна вздора, недосмотров, глупостей, увлечений всякого рода, везде — нерассудочность, недостаток выдержки, ума.

Словом, вот мое мнение; трудно найти художника, который больше бы увлекался, больше жил сердцем, впечатлениями и меньше хладнокровным умом, которым бог его, однако, не обидел.

Амин! Будьте здоровы! Уважающий Вас

В. Верещагин

184.

А. В. Жиркевичу

Москва. 20 дек[абря] 1900 [/2 января 1901]

Пишу Вам из Москвы, дорогой приятель, уже отославши ответ на Вашу телеграмму о Харкевиче[1]. Надобно Вам сказать, что заказов вообще я не принимаю и, худо ли, хорошо ли, делаю лишь то, что бог на душу положит. Посмотрю, какой такой заказ хочет сделать наш приятель?

Жена моя очень просит Вас не выдавать денег людям без получения счета в прежде данных. Она страшно бьется со счетами Василья[2], врущими до неприличия. Петр[3], сменивший Василья, по части отчетности прежде всего покрывает этого последнего, а затем и сам не торопится с отчетом.

Уеду из Москвы 26—27 декабря и эти дни очень занят приготовлениями. Жена моя, вероятно, не будет жить одна в доме и переменит адрес, но своевременно сообщит Вам об этом.

Картины пойдут в Ревель[4] — припадаем до ног! — присмотрите за отправкой и за молодцами-контролерами, тоже требующими контроля.

Самый добрый поклон всем Вашим; покрепче поцелуйте Марфушу[5]. Увы! Куколки были в чемодане, который бесследно пропал,— ужасно жалко их. Черкну Вам с дороги. Не теряйте терпения читать и отвечать.

Первый этап[6] Порт Саид; затем Манила, Филиппинские острова, почта, до востребования или губернатору для передачи. Еще и еще поклон, поклоны.

Уважающий Вас

В. Верещагин

Весенний этап: Пекин, посольство.

185.

В. В. Стасову

Москва. 26 декабря 1900 [8 января 1901]

Я уезжаю, Владимир Васильевич, и прошу Вас позаботиться о том, чтобы в случае если умру, утону, буду застрелен и т. п., в возможно скором времени после моей смерти была устроена в Обществе поощрения художеств аукционная продажа моих картин и выручена возможно большая сумма денег моим «детишкам на молочишко».

Уважающий Вас

В. Верещагин

186.

В. А. Киркору

Близ Сингапура. [17]/30 января 1901 года

Милый, дорогой
Василий Антонович

Думаю воротиться из поездки раньше, чем предполагал вначале,— так, примерно, в конце апреля.

Так что, вероятно, захвачу еще предложение, которое сделают уделы насчет земли?

Если бы, паче чаяния, надобно было сделать это раньше, то Лидия Васильевна снабжена полномочием на покупку для меня, и с Вашим добрым советом все сделается, вероятно, похорошему?

Не откажите, дорогой приятель, пожертвовать немного Вашего времени на посещение моего семейства. Вероятно, и оно будет к Вам наведываться. Сказать Вам не могу, до чего мне горька моя разлука с милыми — свет не мил, работа не мила!

Поклонитесь от меня Марье Григорьевне [1] и деткам и верьте искреннему уважению моему

В. Верещагин

Поклон Григорию Николаевичу [2].

187.

А. В. Жиркевичу

Москва. 6/[19] апреля 1901

Милый, прелестный приятель мой, Александр Владимирович,— здравствуйте.

Пишу Вам только для того, чтобы сказать, что я хоть и устал, но здоров. Также хочу еще раз высказать Вам и супруге Вашей все чувство благодарности за Ваши внимание и услугу по моему делу. Не будем снова говорить о картинах и выставках. — И воротившись, все... [1] опишу! Поцелуйте за меня Ваших деток, а Манюсеньку [2] расцелуйте — попомните

ей и о винограде, и о корабле, «шумящем по волнам». Верьте, что отдыхаю душою, когда вспоминаю, что у меня есть такой добрый, честный, талантливый и преданный друг. Вполне отвечаю на Вашу дружбу. Жена моя шлет Вам поклон — она не нахвалится Вашей любезностью и предупредительностью. Передайте, пожалуйста, мой поклон Виталию Николаевичу.

Я воротился из Манилы, сделавши там путевые этюды из малой войны guérilla[3] — между американцами и филиппинцами.

Ехать в Китай, значило употребить еще месяца 3 времени, которых у меня не было. Впрочем, Китай не ушел и не скоро еще уйдет. Уж и жарко же в тропиках — когда был молод, меньше чувствовал муку от этой убийственной температуры — что-то трудно передаваемое!

Дайте еще и еще раз сказать Вам спасибо и еще раз попросить: если захотите сказать что-нибудь о деле,— напишите жене моей, потому что я просто нервно болен от своих картин и выставок — правда!

Чмок, чмок, чмок всех Вас.
Уважающий Вас

В. Верещагин

188.

Б. И. Ханенко[1]

Москва. 14/|27| апреля 1901

Многоуважаемый
Богдан Иванович

Представьте себе, что большую обстоятельную статью мою о Киевском музее и Вашей по устройству его деятельности — затеряла негодная, безалаберная редакция «России»[2]. Ужасно были довольны получить ее, собирались вот-вот напечатать и затеряли!

Пожалуйста, сообщите мне еще раз те материалы, которые я записал за Вами лично — чернового у меня не осталось. Много раз я бывал уже проучен потерями рукописей и все еще не исправился, не сохраняю черновиков.

Вместе с моими личными впечатлениями, хорошо сохранившимися, статейка, я уверен, будет интересна для общества, ничего о Вашем музее не знающего.

Та моя статья была горячая, с сильной симпатией и к учреждению, и к учредителю.

Поклон Варваре Николовне [3].

Уважающий Вас *В. Верещагин*

Москва, за Серпуховской заставой, свой дом.

Не для Вас, а для дела вышлите мне просимые материалы — ведь Ваш музей вышел и как пример для других городов!

189.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Чикаго [1]. Январь 1902]

[...] Как удивила меня американская писательница извещением, что между художниками здешними зависти выросло в три вороха, что ее, хорошо обо мне написавшую, просто на улице хватают художники и спрашивают в упор: действительно ли она так думает, как она написала, и смеются, когда она ответила, что не отступается ни от одного слова. Она будто бы сказала им: «Чем тащить его вниз, постарайтесь сами подняться на ту высоту, на которой он стоит».

190.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Чикаго. Январь 1902]

[...] Завтра какой-то проповедник будет говорить в церкви о моих картинах [...]. Надобно тебе сказать, что я объявил барыням (говоря о женском вопросе и о женщинах, которых поставил выше мужчин), что коли они найдут мой английский язык слишком ломаным, пусть скажут,— я сейчас же начну говорить по-русски. Как можешь себе представить, смеха было немало. При входе моем хлопали так долго, что я

должен был долго раскланиваться во все стороны. Также и после того, что я кончил и сел, приходилось вставать и благодарить на все стороны за любезность.

Беда то, что предстоит еще несколько таких бесед, где приходится совсем наизнанку выворачивать язык [...].

191.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Чикаго. Январь 1902]

[...] Живу в клубе (самом шикарном в Чикаго, в «Chicago Club» [1] и немного пишу. Написал с маленького этюда Военно-Грузинскую дорогу, также по памяти Венецию днем и ночью. Когда съезжу в Вашингтон, напишу еще картину Филиппинской войны.

192.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Чикаго? Январь 1902]

Пришло ко мне сейчас известие, что президент (Рузвельт) [1] будет рад помочь мне в писании картин, и если дело сделается, как я думаю и надеюсь, по-хорошему, то я съезжу в Вашингтон, потом в те места, где живут люди, бывшие с Рузвельтом на войне, потом на Кубу, где напишу этюды, и потом приеду к тебе писать картину [2], которую к осени надобно будет кончить и прислать сюда... Сегодня воскресенье,— сижу дома, отсиживаюсь, боюсь, напор на выставке будет слишком силен,— не поломали бы чего!

193.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[США. Январь 1902]

Сейчас пришел домой после того, что держал речь в церкви. Конечно, я извинялся за английский язык, но говорят, что он был не очень дурен и впечатление, говорят, я произвел

очень большое. Говорил о том, что в одном госпитале раны на ноге солдата открывались одна за другой несколько раз до тех пор, пока доктора, понявши, что обыкновенные средства не помогут, не сделали операции.

Теперь, говорю, слушайте дальше.

Убили императора — успокоились.

Убили короля — успокоились.

Убили императрицу — успокоились.

Наконец, убили президента — и опять успокаиваются, будто не замечая, что всех их убил один и тот же револьвер бедности и отчаяния! Разумеется, все это я развивал подробнее.

Перейдя к вопросу о том, чем и как лечить такую болезнь, такую рану, я рекомендовал[1]: деньги, идущие теперь на войну, употреблять на искоренение бедности, а главное, рекомендовал мужчинам не полагаться только на себя, а приобщать к совместной работе женщину. Я указал на то, что женщина (нынче) может быть королевой, но не может быть министром!! Может быть императрицей и свободно располагает всеми почетными местами по произволу, но не имеет права занять ни одного из этих мест!!

Что сказали бы Вы, говорил я, о владельце фабрики, который устранил бы от работы одного из лучших работников только из-за того, что он блондин? Всем хорош, но волосы светлы.

Не в том ли же положении женщины: мы знаем, что многие из них умны, сметливы, очень образованны, даже учены, но они — женщины, и этого довольно, чтобы их устранить от общественной деятельности. Я развил мысль о том, как совместными силами действовать на искоренение бедности, и пожелал скорого успеха женщинам, потому что уверен в их отказе давать деньги на войну.

Мне скажут: «Зачем Вам денег, деньги нужны дома, мы видим слишком много бедности и горя, и желаем, чтобы эти миллионы пошли на лечение общественной язвы — бедности».

Тогда, боюсь, что только тогда, а не раньше, револьвер бедности и отчаяния окончит свою ужасную работу!

В церкви не хлопают, но я видел, что пошел одобрительный шепот, а по окончании службы прошли мимо меня, чтобы пожать руки.

На этой неделе должен много говорить перед дамскими клубами; они приходят в числе 500—600 человек сразу и только желают слышать от меня несколько слов.

Сегодня, в воскресенье, было на выставке до 10 000 человек: вся лестница «Art Institute» [2] и даже перед лестницей все было занято народом, а что будет в последующее воскресенье (последнее) — уже и не знаю. Василий говорит, что все снесли сегодня, поломали барьеры.

Теперь я решил не нищенствовать перед галереями, а искать своего помещения. Стану нанимать хорошие помещения, освещать электричеством, буду каждый день говорить перед картинами. Нет, господа, довольно мне кокетничать с галереями и академиями! Как в Берлине мне отказали в академическом помещении и я принужден был взять театр, так и здесь стану приискивать частные помещения, только бы найти! Еще из Сан-Франциско и Мианополя [3] ответа нет, если у них нет места, пущусь на поиски лавки, банкирской конторы или хоть старой церкви — все годно, лишь бы было чисто и на чистой улице.

Вчера в клубе «Женского пера» говорил тот Лойд Джонс [4], который говорил в церкви во время твоего пребывания здесь: он проповедовал теперь. Этот просто громил всех за меня и за войну — и боюсь даже, уж не очень ли? Топал, стучал, кричал, и правда, ему хлопали, но все-таки, мне думается, он пересолил. [...]

194.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[США. Январь 1902]

[...] Представь себе, что случилось: надобно было снять со стены большую картину «Битва при реке Запоте» [1] для снятия с нее гравюры в красках одному здешнему журналу «Tribune». Я стоял совсем рядом, поправлял кое-что в «Шпионе» [2] (неверность в военной форме, которую заметил знакомый офицер). Василий [3], вместо того чтобы призвать другого служащего, Казимира, или хотя меня, поддержать раму, распоряжался, развязывая веревку, один — рама вырвала гвозди

из стены; раздался крик Василия, полетевшего с лестницы вниз; и вслед за тем картина с рамой грохнулась об пол. Рама вдребезги, а лестница прорвала картину в середине больше чем на пол-аршина, это на мосту клякса будет! Как только это стало известно, так сейчас явился фотограф: снимать «разорванное место»! «Я Вам не дам снимать»,— говорю. «Наша публика будет очень интересоваться знать, насколько картина испорчена,— я должен снять ее!» — «Я Вам не дам! Мне нет дела до того, чего хочет Ваша публика! Я делаю то, что хочу!» — «Вы должны дать нам снять!» — «Не дам! — говорю фотографу: Если я разобью свой нос, Вы станете его снимать для Вашей публики?» — «Непременно». — «Но я не допущу этого, сначала залечусь, потом снимайте!» Картину взял чинить здешний мастер. Что же ты думаешь? Только я ушел, как карпентер (секретарь) дал снять, и разорванная картина появилась в газетах. Вот народец! Все газеты прислали репортеров, чтобы узнать обстоятельства, сопровождавшие и предшествовавшие «разрыву». [...]

195.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[США. Февраль 1902]

Сегодня на предложение мое водить на выставку по дешевой цене детей, я получил ответ, что картины мои способны отвратить молодежь от войны, а это, по словам этих господ,— нежелательно[...]

196.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Вашингтон. Апрель 1902]

Я только что воротился в Вашингтон с Кубы и иду завтракать к президенту Рузвельту [...].

Не смех ли, мама милая, то, что случилось! Приехавши с Кубы, я перевел часы, да неверно,— на целый час назад про-

тив того, что следует,— и пришел к президенту завтракать целым часом позже, чем он звал. Все, и он, и его гости, смеялись. Рузвельт хотел состряпать что-нибудь вроде скороспелого завтрака, но я отказался и поел в ресторане [...].

Завтра пойду устраивать себе временное помещение для работы — высокий забор и навес. Надеюсь, осилю картину и еще несколько, хотя можешь представить, каково работать на людях,— кругом офицеры и даже семьи их. Зато думаю, что будет больше характера, чем в картине, сделанной в Москве [...].

197.

А. Ф. Фельтену[1]

Москва. 28 декабря 1902 [10 января 1903]

Многоуважаемый
Альфонс Францевич

Жаль, что Вы не сообщаете мне адрес Вашего клиента. Я мог бы с ним лучше сговориться относительно того, что ему желательно иметь. А что касается Вас, то, как уже сказано, будет соблюдена полная корректность — Вы, наверное, получите тот %, который пожелаете и который сами назначите.

Теперь предлагаю следующее: возьмите для Вашего клиента ту картину[2], которая у меня на мольберте теперь и фотографию с которой, хотя не хорошую, черную, жена моя, кажется, послала Вам.

Палестинская коллекция моя была, если не больше, то никак не меньше других и только вовсе не известна в России из-за запрета.

Значит, обойти ее человеку, желающему иметь образцы всех серий моих работ, нельзя!

Для образца индийских работ исполню знаменитый *Тадж*[3], отражающийся в воде, напишу его приблизительно в величину предлагаемой *Гробницы королей*[4], за 5000 руб[лей], включая Ваши 20 %. Относительно наполеоновской коллекции, т. е. серии картин из похода 1812 года, могу дать Вам измененный против известного Вам «Пожар Москвы»[5] — ладно или нет?

Из туркестанской серии дам *2 дервишей,* вроде тех, что в Гретьяковской галерее. Для последней и предпоследней картин дайте размеры.

Поторопитесь окончательным ответом, пока я не принялся за новые работы мои.

Уважающий Вас

В. Верещагин

198.

В. Б. Фредериксу

[Москва]. 26 января[/8 февраля] 1903

Ваше превосходительство

Только что получил Ваше предложение представить эскизы предположенных к исполнению картин из эпохи 1812 г[ода], и спешу уведомить Вас в том, что никогда не пишу эскизов для моих картин, а вырабатываю их в голове, обыкновенно в продолжение многих лет, после чего переношу их прямо на полотно. Не сочтите это за каприз — я искренне думаю, что предварительное исполнение картины в малом виде отнимает у художника часть энергии и вдохновения для исполнения самой картины, которая из-за этого часто выходит более вялою, менее интересною, чем эскиз ее.

Некоторое обобщение исторических фактов в известных Вам двадцати полотнах, конечно, есть — на то, как Ваше превосходительство понимаете, разум и историческая подготовка художника, но тенденции никакой нет, как не будет ее и в следующих работах.

Что касается указаний на материальные ошибки, то я всегда приму их с величайшей готовностью. Только, с другой стороны, позволю себе обратить внимание Вашего превосходительства на то, что указания людей, недостаточно осведомленных, могут вконец погубить историческое художественное произведение. Мне, напр[имер], лицом [1], занимающим высокое положение в художественном мире, было сделано резкое замечание за то, что я якобы произвольно представил Наполео-

на I, при его отступлении из России, в меховых шапке и шубе. Оные предметы одежды, скопированные с подлинных рисунков времени, были обозваны «дурацкими», а мне, всесветно известному художнику, сделан был серьезный укор за извращение исторического факта, за изображение бегущего из России французского повелителя, при 20° морозе, не в сером пальто и треугольной шляпе, а закутанным в мех!

Ваше превосходительство согласитесь со мною, что я хорошо сделал, не послушав авторитетного, но хуже меня осведомленного голоса.

Прошу, Ваше превосходительство, принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Получено извещение о том, что картины [2] уже посланы из Нью-Йорка и, следовательно, скоро прибудут в Петербург.

199.

А. Н. Куропаткину

[Москва]. 26 января[/8 февраля] 1903

Ваше превосходительство

Вы больше всех приняли участие в моих работах из эпохи 1812 года и влияли на приобретение их. Поэтому я позволяю себе сообщить Вам копию с моего письма [1] к г-ну министру двора, в ответ на его предложение сообщить эскизы предположенных мною к исполнению картин, в дополнение к написанным уже.

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин,

художник, жительствующий в Москве, за Серпуховской заставою, в своем доме.

200.

В. Б. Фредериксу

Москва. 3[/16] марта 1903

Ваше превосходительство

В ответ на Ваше любезное извещение о дозволении представить мои будущие работы на благоусмотрение государя, я почтительно прошу Вас доложить его величеству о следующем: я работаю над картинами из времени пребывания в России Наполеона I в полной уверенности, что при всемирной известности и популярности личности французского завоевателя, полотна мои, даже при значительном размере их, не только в России, но и в других государствах найдут себе место и труд мой будет оплачен.

Не то с сюжетами из деятельности предводителей России, как Барклая-де-Толли, Кутузова и др[угих] — лица эти, будучи несравненно менее популярны в цивилизованном мире, их представление не даст такого захватывающего интереса для Европы и Америки и картины мои, особенно при больших размерах, по всей вероятности, можно будет поместить только в России. Я рискую тем, что много полотен больших размеров, из которых каждое займет не менее года времени, останутся у меня на руках, почему и отказываюсь от мысли заниматься далее эпохою 12-го года. — Она очень интересна, и я хорошо изучил ее, но боязнь провести остаток моей жизни в работе «pour le Roi de Prusse» [1] серьезно останавливает мою руку.

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин,

художник, жительствующий в Москве, за Серпуховской заставою, в своем доме.

201.

В. Б. Фредериксу

Москва. 7 [/20] мая 1903

Ваше превосходительство

Я не был бы в состоянии представить ни одного полотна ранее как через 3—4 года, так что исполнение тех немногих картин, которыми следовало бы пополнить [1] мою историю похода Наполеона I в Россию, только-только поспело бы ко времени столетия Отечественной войны.

Полагаю, что следующие сюжеты, историческую верность воспроизведения которых мне можно доверить, могут быть исполнены первыми:

Занятие Смоленска. Французы врываются в собор Смоленской Богоматери, в котором укрылось слабое население города. Нет никакой резни — сцена немая...

Совет в Филях. Генералы под председательством Кутузова решают вопрос оставления Москвы. Сцена происходит ночью, при свечах. — Картина [2], представляющая ее днем, при солнечном свете, исторически не верна.

Конец Бородинской битвы. Кутузов со штабом следуют по Бородинскому полю за образом Смоленской Богоматери, обносимой по рядам войск...

Все это, как Вы изволите видеть, мирные сцены.

В Тарутине, Березине уже больше движения и потому немножко крови...

Что касается платы за мой труд, то я полагаю, что более подготовленный к исполнению военных картин истории, чем покойный А. Е. Коцебу, я мог бы рассчитывать по меньшей мере на то, что получал он, хотя вопрос этот, уверяю Ваше превосходительство совершенно искренно, я желал бы представить благоусмотрению Вашему и решению его величества.

В. Верещагин

Позволю себе прибавить, что следовало бы обратить внимание на реликвии злой обороны при Бородине — угловые редуты Семеновских укреплений, замечательно хорошо сохранившиеся до последнего времени, только 2—3 года тому назад

изуродованы монастырским батюшкой, взрывшим, с благословения игуменьи, верхи флешей под свой огород. Кусты смородины и малины совершенно испортили профиль места Багратионовых подвигов.

Гора в деревне Горки, с которой Кутузов целый день наблюдал за ходом битвы, почти вся срыта дорожным ведомством для добычи земли.

Это и многое другое следовало бы восстановить для памяти 12-го года.

Если Вам угодно, я помечу то, что можно бы сделать, не прибегая к расходам, к тем экстравагантностям, которые приводятся теперь в исполнение в Севастополе и которые представляют дорого стоящую безвкусицу, ни мало не помогающую делу ознакомления будущих поколений с историею обороны.

Я писал генералу Куропаткину, приводя мнение известного Реводия[3] о том, что «офицеры генерального штаба всех стран могли бы ездить на Бородинское поле, чтобы поучиться тому, какую пользу Толь[4] и Кутузов сумели извлечь из местности поля для обороны его», о том, что воспитанники высших классов военно-учебных заведений непременно должны бы привозиться на замечательно хорошо сохранившее свой облик поле Бородинской битвы.

Восстановление некоторых профилей очень помогло бы делу увеличения интереса этого исторического места, точно так же, как и отметка возвышенностей, с которых наблюдали величайшую в истории битву Наполеон и Кутузов — хоть колонну с крестом на последнем месте.

В. В.

202.

И. С. Остроухову[1]

[Москва]. 23 мая/[5 июня] 1903

Многоуважаемый Илья Семенович

Посылаю несколько писем Павла Михайловича и одно Веры Николаевны [Третьяковых]. Коли найду еще, то пришлю.

Перечитывая теперь письма П[авла] М[ихайловича], вижу, что покойный приятель часто раздражался на мои по-

стоянные требования картин для выставок. Когда однажды на его чистый отказ дать некоторые полотна я послал ему телеграмму: «Больше с Вами не знаком»,— он серьезно рассердился и, конечно, поделом, так как глупо было с моей стороны отнестись так грубо к такому чудесному человеку.

До сих пор стыжусь и казнюсь.

С деньгами мой человек ошибся [2], сколько помню, Вы говорили о 300?

Думал искренно, что отдал все рисунки П[авлу] М[ихайловичу] и Терещенко, а оказалось, с Вашей легкой руки, еще немало карандашных набросков. Не хотите ли взглянуть — они обнимают период времени с 1863 по 1893. На то, что захотите взять в свою коллекцию, назначьте сами цену.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

203.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Владивосток] 21 августа [/3 сентября] 1903

Я все еще не уехал, но завтра уезжаю [1], наконец, и с нехорошим чувством, так как еду в страну, очень враждебно к нам настроенную [...].

По газетам судя, в Японии часты собрания врагов России, требующих войны с нами, считая теперешний момент для открытия военных действий за наиболее удобный и подходящий. Теперь стоит во Владивостоке половина нашего флота,— остальное осталось в Порт-Артуре. Там никого из иностранцев не пускали смотреть наши корабли, и теперь, когда они стоят на владивостокском рейде, все бросились разведывать, что у нас за флот. Пришел француз, пришли 3 итальянца и один англичанин [2],— целый день идет пальба салютов и отдачи этих салютов. Во всем городе дрожат от этой пальбы окна. Сегодня меня звали на английский корабль, но я не поеду. По всем отзывам, у Японии и флот, и сухопутные войска очень хороши, так что она, в том нет сомнения, причинит нам много зла. Первое время они натворят чудес, потому что

обозлены и поведут войну беспощадно, на это последнее наша добродушная нация не способна, и, конечно, будет стараться «не очень вредить». У них все готово для войны, тогда как у нас ничего готового, все надобно везти из Петербурга...

204.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

Никко. [7]/20 октября 1903

[...] Я начал уже немножко работать (здешние храмы очень интересны), и думаю, что кое-что напишу. Живу в самой романтической обстановке, в маленьком домике не то лесника, не то садовода, близ самих храмов. Кругом водопады, потоки и лес. Криптомерии, те самые, что не принялись в Сухуме у моря, здесь достигают 20 сажен в высоту и полторы сажени в диаметре. Не думай, что я прибавляю. Японец и его жена, у которых живу, премилые. [...]

Жаль, дожди не дают заниматься, придется потерять много времени.

205

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

Никко. 16/29 сентября 1903

[...] Один этюд я чересчур переделал, заполнил подробностями и даже зачертил,— первый,— из-за излишнего усердия, вроде того, как ты переигрывала на фортепьяно. Должно быть, это совершенно то же самое, и как я не мог взять в толк, как это можно переиграть, так тебе, вероятно, трудно понять, как это я чересчур записываю, а вот так оно случилось теперь. Рад буду главным образом и тому, что ты похвалишь: «Молодец, Васька, не осрамил мою надежду!» Только скажи это не по заказу, а искренно [...].

Было проглянуло на 2 дня солнышко, но потом опять пропало, опять пошел дождь. Сердись, не сердись, а приходится, стиснувши зубы, терпеть, ждать!

Так как везде и всюду здесь ходит, шляется и молится много народа, то я работаю главным образом утром, пока еще не открыли храмы для публики, и вечером, когда их закрыли. Теперь, впрочем, устроился так, что работаю и днем в одном отдаленном буддийском храме, где народа почти не бывает, так что работишка двигается понемногу. И любопытный же народ — толпа стоит везде, где запоздаешь.

Что тебе еще сказать: тут столько выработанности во всем, как ни в одной стране, кроме Индии,— части, детали замечательно хороши, пожалуй, и общее хорошо, но не по-нашему, и меня оно не поражает.

Зато природа здесь поразительна: криптомерии колоссальные, и из них аллеи в несколько десятков верст.

Громадные камни, потоки, водопады, всюду зеленый мох, все пахнет столетней жизнью.

Женщины здесь совсем как куколки.

Большинство бедных девушек идет в публичные дома, чтобы помочь своим родителям, и это не считается предосудительным. Отец получает, скажем, 200 руб[лей], и дочь лет 17 идет в публичный дом отрабатывать эти деньги: хорошенькая отработает скоро, а нехорошенькая высидит и долго, лет, может быть, 6—7, а так как у нее еще что-нибудь останется, то по выходе из милого места она, пожалуй, сейчас же и замуж выйдет. Да и вообще эти «рабыни веселья» выходят замуж за рабочих, так как проституция не считается грехом,— помощь и уважение к родителям — святое дело.

В Токио есть целая большая улица с домами с обеих сторон, нижние этажи которых сплошные клетки: за ними сотни, тысячи девушек, все хорошеньких, молоденьких, около 20 лет, старающихся заманить прохожих. Правительство поощряет это, так как получает с девчонок хороший доход. Мой спутник [1] от Москвы, новозеландец, англичанин, был на этой улице и говорит, что нечто невероятное: нигде, говорит, ничего подобного, кажется, не видел.

Никакой роли женщина в жизни и в истории Японии не играет, но мать она хорошая. С детьми обходится хорошо. Ссор нет, брани также, жизнь уравновешенна. [...]

206.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

Никко. 7[/20] сентября 1903

Боюсь, чтобы бабушка не стала снова преподавать детям свои учения, не жалея детских головок: я ведь все переломаю снова, чтобы не развращать разум детский учением о поклонах пониже, о просьбах понастойчивее и послезливее, о лицемерии помолчаливее [...]. Умоляю тебя, голубок мой, читай больше с детками и объясняй, что это развивает их, а о том, что правила всякие они узнают позже, не горюй, верь, что все это уладится [...]. Верь мне, что чтение с тобой будет иметь громадное влияние, и делай это не урывками, а ежедневно.

От учения тупеют, а от чтения развиваются, особенно в эти годы.

207.

И. Я. Гинцбургу

[Москва]. 2[/15] января 1904

Так не подойдет, Илья Яковлевич. Если бы гр. И. И. Толстой устроил литературно-музыкально-вокальный вечер[1], то я мог бы участвовать 2-мя №№: *этюдом* из моей книжки и *кое-чем* из поездки по Японии, включая и заметками об искусстве ее.

Так должен был бы устроить Стасов, если бы поддержал свое предложение, так должен сделать и Толстой, а иначе мне не вынести, не хватит интереса на целый вечер, ведь многие придут как в театр и будут браниться за свои деньги. Устроивши же все по-хорошему, можно будет заработать немного в пользу учеников.

В Одессе устроенный мною такой вокально-фортепьянный, с моим чтением, вечер дал 1200 руб[лей], в пользу бедных учеников тамошнего рисовального училища. Толстой мог бы утроить эту цифру.

Только сейчас, т. е. вечером 2 января, получил извещение Ваше о 80-летии В[ладимира] В[асильевича] [2]. Вы понимаете, что посылать телеграмму поздно, но передайте ему самый радушный привет. Он переживет всех нас [...], и ладно это будет, потому что таких бойцов мало, назовешь одного-двух, да и обочтешься.

Бывайте здоровы.

Преданный Вам *В. Верещагин*

208.

В. Б. Фредериксу

[Москва] 21 января[/3 февраля] 1904

Ваше превосходительство

Я хотел бы приступить к изготовлению двух картин в прибавление к моей истории похода Наполеона в Россию:

1) император Александр I [1] в своем кабинете и 2) генерал Кутузов, обносящий образ Смоленской богоматери накануне Бородинского боя.

Года через 3 я мог бы представить государю императору эти два полотна, а к столетию 1812 г[ода] и остальные 4 [2].

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

209.

А. Н. Куропаткину

[Петербург?] 25 января[/7 февраля] 1904

Многоуважаемый
Алексей Николаевич

Барклай-де-Толли, истинный спаситель России, в годину 1812 г[ода] был, будучи военным министром, командирован

начальствовать армиею. Почему и Вам не предложить государю ту же меру относительно Вас[1].

Без лести говорю Вам, что не знаю никого, кто мог бы лучше Вас разделаться с забывшими меру в своих притязаниях японцами, которых удовлетворить нельзя. Замирясь сегодня, они полезут все равно завтра. — Пожалуйста, устройте мое пребывание[2] при главной квартире Вашей ли или другого генерала, если дело дойдет до драки. Напоминаю Вам, что Скобелев сделал бы это, когда он дал честное слово в[еликому] к[нязю] Михаилу Николаевичу не брать никого из Петербурга, а только с Кавказа, он уступил мне в просьбе взять брата[3] моего.

На всякий случай я предлагаю честное слово не писать и не печатать ничего о военных действиях или, если и рассказать о каком-нибудь выдающемся деле, то с ведома высшего начальства.

Примите уверение
в моем уважении.

В. Верещагин

210.

А. М. Куропаткиной[1]

[Петербург]. 30 января[/12 февраля] 1904

Многоуважаемая
Александра Михайловна

Знаю, что Алексей Николаевич страшно занят, но все-таки прошу Вас уведомить меня, когда можно ему представиться.

Если он пойдет — ведь был же командирован командовать армией военный министр Барклай-де-Толли,— то я готов зачислиться к нему в ординарцы, в уверенности, что он меня побережет.

Примите уверение в моем
уважении

В. Верещагин

Большая Северная гостиница,
против Николаевского вокзала.

211.

В. А. Киркору

[Москва] 26 февраля[/10 марта] 1904

Многоуважаемый, милый и хороший Василий Антонович. Прощайте! Надеюсь, до свидания!

Не оставьте советом и помощью жену мою в случае, если она обратится к Вам. Марье Григорьевне с детками хороший поклон.

Будьте здоровы.
Уважающий Вас

В. Верещагин

Привет Григорию Николаевичу Вельяминову.
28 февраля с ужасом вижу, что не отправил
Вам письмо. Еще раз: до свиданья!

В. В.

212.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

Под Омском. Среда, [начало марта 1904]

Поезд идет тихо, но без приключений. Везут много солдат и снарядов. Говорят, на месте есть уже 100 000 войска, а если японцы дадут передохнуть еще, то скоро будет и 200 000. Боюсь, что потом будет перерыв из-за весенней воды и размыва от дождей. Но авось к тому времени соберется внушительная сила, которая сможет дать отпор, это — главное. Отступление дало бы возможность сказать японцам, что они победили, и поднять Маньчжурию. И вероятно, что с наступлением теплого времени хунхузы зашевелятся.

213.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

[Лаоян] 19 марта[/1 апреля 1904]

Только что возвратился из Порт-Артура и, захвативши в Мукдене свои вещи, опять туда уеду, потому что здесь, в Лао-

яне, действия будут еще не скоро. Мне дали целый вагон — микст, с которым могу прицепляться к какому хочу поезду и останавливаться, где мне нужно. Там мои вещи, там я живу.

Денщика, конечно, дадут, лошадь купят. Принимают везде прямо не по заслугам и любезно. Я, впрочем, плачу, чем могу: увидевши, что бравый командир «Ретвизана» [1] без Георгиевского креста, потому что не получил еще его (по почте), я снял с себя и повесил ему, чем морячки очень были довольны. Артиллеристы, стрелки — все принимают с распростертыми объятиями, повторяя, что «на Шипке все спокойно».

214.

Л. В. Верещагиной (Андреевской)

Порт-Артур. 28 марта[/10 апреля] 1904

[...] Сижу в своем вагоне: у меня отдельный вагон, который стоит на запасном пути; в нем, кроме проводника, еще денщик из стражи, даже варящий мне борщ; про чай и говорить нечего,— пью свой, уставши платить за всякий стакан.

Теперь 9 часов по здешнему времени, т. е. около 2-х ночи по вашему, значит, вы еще не ели ветчины и кулича с пасхой, но скоро, злодеи, будете кушать. Впрочем, я только что от стола, богато убранного всякими снадобьями, к которым я не притронулся, лишь съел немного пасхи...

Встретил в Порт-Артуре адмирала Макарова [1]. «Что же вы не заходите?» — «Зайду». — «Где вы сегодня завтракаете?» — «Нигде особенно». — «Так приходите сегодня (ко мне), потом поедем топить судно на рейде,— загораживать японцам ход». После завтрака отправились на паровом катере. Гигант-пароход, смотревший пятиэтажным домом, только что купленный для затопления, стоял уже накренившись на тот бок, на который он должен был лечь; было жалко смотреть на молодца, обреченного на смерть, еще не знавшего о своей участи,— знаешь, как это бывает с больным, доверчиво смотрящим тебе

в глаза, стараясь высмотреть в них, скоро ли будет ему облегчение. Вспомнилась мне наша девочка, наш несравненный Лидушок[2], до последней минуты не подозревавший о своей близкой участи.

Когда пробили все переборки, все снесли, в последнюю минуту матросы заторопились, засуетились и сбросили... чайник, который, впрочем, ловко подхватили внизу на барже... «Скорее, скорей! Все долой! — кричал, горячась, Макаров. — Сейчас переменится ветер и судно поставит прямо» (а прямо судно было бы ниже, чем боком, потому что оно очень широко). «Можно взрывать!» Одна за другой две мины в носу и в корме взвили громадные столбы воды и грязи, и судно, вздрогнувши, сначала, действительно, выпрямилось, а потом стало валиться. Корма скоро заполнилась водой и села на дно, но нос сильно поднялся кверху, показывая страшную язву, нанесенную ему миной. Адмирал очень горячился: «Значит, переборки не перерубили!» — и ходит по-скобелевски, как тигр в клетке, на заваленной всякой дрянью барже, делает три шага вперед и три назад, и так снует, что твой тигр или белый медведь... Наконец, все залилось водой, и судно легло под воду, как раз на намеченном месте, так, что остался над водой только небольшой знак от одного бока — точно длинная рыба... Теперь уже отчасти за одним из их брандеров, отчасти за затопленным нами судном миноносцы наши могут, не боясь неприятельских мин, выжидать.

[...] Еще затопят «Шилку».

Потом я поехал на сторожевую лодку «Гиляк», которая одна выдавалась впереди всех судов; но за адмиралом я немного опоздал. Он говорил мне, что отстоит заутреню, которую, в ожидании японцев, служили в 10 час[ов] по нашему времени, т. е. в 3 ч[аса] дня по вашему,— а потом, немного закусивши, выедет. Оказалось, когда я отстоял заутреню, адмирал уже уехал на канонерку, и мне было хотели подать дежурный катер, когда в[еликий] к[нязь][3] сказал, что торопиться некуда, а предложил поехать вместе, хотя, как говорю, ничего не ел.

На «Гиляке» все было спокойно, темно, только прожектор далеко освещал море. Мне предоставили диван, на котором я весьма тяжело и тревожно заснул, представилось, что я у Льва Толстого, комнаты, которые совсем похожи на наши, и

их почему-то нужно разорить; я глухо заплакал, но, кажется, никто этого не слышал. Скоро адъютант великого князя разбудил меня... Вышел и адмирал, выспавшийся, веселый; все что-то рассказывал. «Что вы не отвечаете,— спрашивает меня в темноте,— дремлется?» — «Нет, слушаю». Хотел идти домой, в вагон, но Макаров не пустил. «Вас будут везде останавливать с пропуском,— пароль был «тесак»,— лучше доспите у нас на броненосце». Мы перешли на «Петропавловск», где оказалась около кают-компании кровать. Макаров дал свои пледы, и я недурно заснул, а потом утром, в 8 час[ов], ушел к себе в вагон, где теперь сижу и пишу тебе...

Так мое ожидание бомбардировки и боя не выгорело, авось будет еще впереди.

215.

Л. В. Верещагиной (Андреевской) [1]

Порт-Артур. 30 марта[/12 апреля 1904]

Лидушенчик мой милый. Пошли заказным это письмо [2]. Тороплюсь отправить с оказиею. Сейчас еду на адмиральский корабль «Петропавловск», с которого вот уже 3 ночи ездил на сторожевое судно встречать брандер, но без успеха. Хочу поехать и сегодня. Вчера выходили в море, но неприятеля не видели. Я подбиваю Макарова пойти подальше, но не знаю, согласится ли. Сила выходила большая: 5 броненосцев, крейсера, миноносцы. Скоро, т. е. через 1 ½ месяца, поспеют и попорченные броненосцы — «Ретвизан», «Цесаревич». Повидай Соболевского [3] и передай ему, что в кают-компании адмиральского корабля «Петропавловск» публично читалась под общий хохот всех офицеров его корреспонденция от 6 марта с описанием бомбардировки, в которой по-видимому, нет слова правды — все сочинено! Молодежь была очень недовольна тем, что японцы и в самом деле вообразят, будто действие их стрельбы так губительно. Скажи ему, что, по общему голосу, все наврано и писал заведомый прохвост!

Поцелуй деток покрепче и всем поклонись. На сторожевом судне мы валяемся на диванах и отсыпаемся на другой день. На «Баяне» страшное разрушение внутреннее — перебита масса стен, палубы, перегородок. Одна сафьяновая подушка имеет десятка 2 дыр.

Под некоторыми кроватями по дюжине пробоин, к счастью, в отсутствие хозяев. Из некоторых железных шкафов выброшено все платье, которое к тому же и разорвано.

Прощай, голубок, будьте здоровы, не забывайте Вашего любящего Вас душою папы.

В. Верещагин

Приложи печать к письму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

[1] Черкасов Павел Алексеевич (1834—1900) — художник-пейзажист. Заведовал костюмным классом петербургской Академии художеств, устраивал в ее залах выставки. С 1869—1892 — инспектор, надзиратель академических классов.

[2] В письме Верещагин ошибочно называет отчество Черкасова: Александрович вместо Алексеевич.

[3] В. В. Верещагин после организации в Петербурге туркестанской выставки, где экспонировал, в частности, и свои произведения, собирался во вторичную поездку в Среднюю Азию. Там, до поздней осени 1870 г., он путешествовал, участвовал в военных столкновениях и работал как художник.

[4] Бейдеман Елизавета Федоровна (1833—1897) — вдова художника А. Е. Бейдемана. Верещагин ошибочно называет ее отчество.

[5] Бейдеман Александр Егорович (1826—1869) — академик исторической живописи, адъюнкт-профессор Академии художеств, учитель и друг Верещагина. Художник сложных творческих исканий, часто проявлявший себя как сторонник реализма, был близок художникам-демократам. Воспитанный в кругу почитателей Федотова, сыграл большую роль в формировании реалистических убеждений у Верещагина. Погиб в результате несчастного случая. Коллеги и ученики Бейдемана устроили в 1869 г. посмертную выставку его работ, лотерею из своих работ, пожертвованных в пользу семьи художника.

[6] Беггров А. И. — владелец магазина художественных произведений и принадлежностей в Петербурге.

[7] Верещагин жертвовал в пользу семьи Бейдемана свой рисунок «Духоборы на молитве» (1865, ныне — в ГТГ).

[8] Клодт Михаил Петрович (1835—1914) — живописец-реалист, передвижник, автор картин на бытовые темы, полных симпатии к обездоленным людям («Последняя весна», 1861, и др.), а также — на исторические темы. В пользу семьи Бейдемана передал картину «Капуцин-портной».

[9] Шарлемань Адольф Иосифович (1826—1901) — художник-баталист и исторический живописец академического направления (картина — «Торжественный прием Суворова в Милане», между 1856 и 1861 гг., и др.). Известен также как график, иллюстратор.

2

[1] Краевский Андрей Александрович (1810—1889) —журналист, издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1867), газет «С.-Петербургские ведомости» (1852—1862), «Голос» (1863—1884). От либеральных взглядов эволюционировал после 1848 г. к консервативным убеждениям.

[2] Имеется в виду статья В. В. Стасова «Картина Репина «Бурлаки на Волге» («С.-Петербургские ведомости», 1873, 18 марта, № 76).

[3] Этюды к картине Верещагина «Бурлаки» ныне находятся в ГТГ, ГРМ и других музеях. В ГКМРИ — эскиз картины.

Стасов в своей статье был не точен, утверждая, что до И. Е. Репина русские художники не изображали бурлаков (О. А. Кипренский, А. И. Морозов и др.). Однако ни один из них не создал на эту тему, подобно Репину, выдающегося произведения. О картине же Верещагина — «Бурлаки» Стасов не мог говорить, так как она не была написана. Поэтому претензии Верещагина к статье Стасова в общем нельзя считать обоснованными.

[4] Гагарин Григорий Григорьевич (1810—1893), князь,— художник. Автор реалистических графических произведений батального, бытового, пейзажного жанров, портретов, а также иллюстраций. Вице-президент Академии художеств (1859—1872).

[5] Гун Карлис Федорович (1830—1877) — латышский живописец, передвижник. Профессор. Автор правдивых бытовых и исторических картин. В некоторых из них выражены симпатии и сочувствие бедному населению («Больное дитя»).

[6] Брюллов Павел Александрович (1840—1914) — живописец-пейзажист, архитектор, действительный член Академии художеств (с 1893), хранитель Русского музея (1897—1912). Вместе с Верещагиным учился в Академии художеств.

[7] В апреле 1873 г. Верещагин устроил в Лондоне свою первую персональную выставку, на которой были представлены картины, этюды и рисунки туркестанской серии. Его намерение показать эту выставку в Петербурге осуществилось через год.

3

[1] Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — купец-меценат, выдающийся деятель русской культуры, основатель Третьяковской галереи в Москве. Приобретая произведения русских художников-реалистов, главным образом передвижников, он оказал огромную моральную и материальную поддержку развитию отечественного демократического реалистического искусства второй половины XIX века. Им куплены многие произведения Верещагина. В упоминаемом письме к Верещагину Третьяков выражал желание приобрести картины туркестанской серии.

[2] Выставка Верещагина открылась в Петербурге 7/19 марта 1874 г. Она имела у публики большой успех. Одновременно Верещагин подвергся грубым нападкам правящих кругов во главе с Александром II (1818—

—1881). В знак возмущения этим художник сжег три свои картины, якобы «позорившие честь русской армии» («Забытый», 1871, «У крепостной стены. «Вошли!», 1871, и «Окружили — преследуют...», 1872).

3 Гейнс Александр Константинович (1834—1893) — генерал-лейтенант, губернатор в ряде губерний. Занимал в Туркестане административные должности, в том числе в штабе русских войск. Подружившись в Туркестане с В. В. Верещагиным и взяв на себя обязанности распорядителя его выставки в 1874 г., он в дальнейшем проявлял порой пренебрежение к интересам, просьбам и правам художника.

4

1 Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — выдающийся прогрессивный русский художник-реалист демократического направления, руководитель Артели художников и Товарищества передвижных художественных выставок. Автор портретов представителей передовой интеллигенции и крестьян (Л. Н. Толстого, 1873; Н. А. Некрасова, 1877; И. И. Шишкина, 1873; «Крестьянина с уздечкой», 1883, и др.), а также картин («Христос в пустыне», 1872, и др.). Крупный художественный критик, педагог. Рекомендовал Третьякову приобрести туркестанскую серию Верещагина.

Данное письмо Верещагина явилось ответом на записку Крамского с желанием познакомиться.

2 На конверте надпись: «Крамскому от Верещагина, на В[асильевском] о[строве], в Биржевом переулке, дом Елисеева (простите, что не знаю имя и отчество)».

3 Имеется в виду «Портрет художника И. И. Шишкина», исполненный И. Н. Крамским в 1873 г. (ныне — в ГТГ).

5

1 Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — крупнейший русский художественный и музыкальный критик демократического направления, последователь эстетического учения Н. Г. Чернышевского. Идейный руководитель прогрессивного демократического объединения художников-реалистов — Товарищества передвижных художественных выставок и объединения композиторов — «Могучая кучка» (Балакирев, Мусоргский, Бородин, Кюи, Римский-Корсаков). Оказывал Верещагину (как и многим другим прогрессивным художникам) большую всестороннюю дружескую помощь в творчестве и его популяризации. Служил в Публичной библиотеке в Петербурге.

2 Дата в письме — «10 марта 1874» — проставлена Стасовым.

3 Верещагин изменил предполагаемый маршрут и отправился 31 марта 1874 г. в Индию через Москву, Одессу и Суэцкий канал. Пробыл в Индии почти два года.

6

1 Стасов в это время готовил статью «Выставка картин В. В. Верещагина», опубликованную потом в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 19 марта, № 77).

2 В этом месте письма Стасов сделал сноску: «Пример тому «Двери Самаркандского дворца», «Охотник с ястребом» и др.»

3 Речь идет об обороне Самаркандской цитадели в 1868 г., в которой участвовал и проявил героизм Верещагин, награжденный за это Георгиевским крестом 4-й степени.

4 «Апофеоз войны» (1871—1872, ГТГ) — одна из картин Верещагина, изображающая пирамиду черепов в сожженной степи. Идея картины поясняется надписью на ее раме: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим».

5 «Варвары» — серия картин Верещагина, изображающих военные события в Средней Азии, главным образом в 1860-х—1870-х гг. и нравы, культивировавшиеся там феодальными князьками («Высматривают», 1873, ГТГ; «Нападают врасплох!», 1871, ГТГ; «Окружили — преследуют...», 1872 (уничтожена художником); «Представляют трофеи», 1872, ГТГ; «Торжествуют», 1872, ГТГ; «У гробницы святого — благодарят всевышнего», 1873, находится в Турции. Завершает серию картин «Апофеоз войны»).

6 Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) — великий немецкий мыслитель и деятель эпохи Просвещения. Боролся против феодальной идеологии, обосновал принципы реализма в искусстве. Лессинг считал, что художник ограничен изображением только одного момента действительности. Верещагин, не согласившийся с некоторыми частными положениями эстетической теории Лессинга, стремился преодолеть эту ограниченность созданием серий произведений, в которых последовательно раскрывалась бы идея художника.

7 На раме картины «Торжествуют» имеется надпись: «Торжествуют. Так повелевает Бог... Нет Бога, кроме Бога...»; на раме картины «У гробницы святого — благодарят всевышнего» написано: «Хвала тебе, Богу войн!» «Нет Бога, кроме Бога, Нет Бога, кроме Бога».

Эти надписи повторены в каталоге выставки Верещагина 1874 г. Верещагин неоднократно с гневом обличал различные религии, освящавшие преступное истребление людей в войнах и путем смертной казни, осуществляемое реакционными политическими режимами.

7

1 Туркестанскую коллекцию картин и этюдов Верещагина, представленную на его персональной выставке в Петербурге в 1874 г., решили приобрести совместно П. М. Третьяков, его брат, коллекционер Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) и коллекционер Боткин Дмитрий Петрович (1829—1889). Однако последний намеревался затем получить коллекцию в свое единоличное пользование. В случае же, если П. М. Третьяков будет возражать, Боткин, вопреки условиям Верещагина, оговорившего

неразрозниваемость продаваемой им коллекции, намеревался выделить Третьякову половину картин. Возникший конфликт закончился приобретением всей коллекции П. М. Третьяковым. Верещагин выдвигал перед ее покупателем еще следующие условия: коллекция должна быть постоянно показываема публике, она не может быть продана за границу. Покупатель обязан предоставить Верещагину по его просьбе в ближайшие годы заем в 10 тысяч рублей (под проценты).

[2] «Условие, без которого — нет» *(франц.)*.

[3] См. примеч. 2 к письму 3.

[4] П. М. Третьяков, посетив мастерскую Верещагина в Мюнхене в 1872 г. и видя его работы на текущих выставках, проявлял большой интерес к его туркестанской серии еще до выставки 1874 г.

[5] Боткин Михаил Петрович (1839—1914) — живописец и офортист, автор бытовых и исторических картин, коллекционер, художественный деятель, академик. Издал ценную книгу об А. А. Иванове, где опубликована переписка великого художника.

[6] Замедление с получением денег было бы «несчастием» для Верещагина, потому что он, работая и путешествуя в Индии, не имел других источников существования, кроме гонорара за туркестанскую серию. Кроме того, он поручил знакомым в Париже приобрести для строительства его мастерской земельный участок и повести само строительство тоже в расчете на эти деньги.

[7] Индия. Бомбей. Бельведер Хилл, Мазагон, 9 *(англ.)*.

8

[1] Автограф имеет надпись В. В. Стасова: «Писано в Бомбее 1/13 авг[уста] 1874. Получено 27 авг[уста] 1874». На приложенном конверте пометки рукой Стасова: «1/13 авг[уста] 1874; 1) отказ от профессора; 2) школа; 3) выставка даровая».

[2] Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884) — поэт, участник творческого содружества, выступавшего под псевдонимом «Козьма Прутков» (вместе с А. К. Толстым и А. М. Жемчужниковым). Служил в министерстве путей сообщения. Дружил с Верещагиным.

[3] Совет Академии художеств присудил 30 апреля 1874 г. Верещагину сразу звание «профессора по живописи», минуя пять предшествующих званий.

[4] Письмо Верещагина с отказом от звания профессора было опубликовано в газете «Голос» (1874, 11/23 сентября, № 251) и вызвало бурную и противоречивую реакцию. Совет Академии решением от 28 октября 1874 г. исключил Верещагина из состава профессоров. Газета «Голос» за публикацию «неприличного» письма Верещагина была наказана. Передовые художники приветствовали поступок Верещагина и справедливо видели в нем его желание сохранить независимость от самодержавных властей.

[5] Имеются в виду деньги, которые будут получены в виде входной платы на проектировавшуюся выставку картин Верещагина в Москве.

[6] П. М. Третьяков, приобретший туркестанскую серию, пытался передать ее в дар Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. Однако училище и Московское художественное общество, в ведении которого оно

находилось, от этого дара отказались, как отказалось от него и Московское общество любителей художеств, испугавшееся расходов на постройку помещения для коллекции (правда, Общество любителей в течение ряда лет сохраняло у себя и с сентября 1874 г. показывало публике серию картин Верещагина, но выстроить для нее специальное помещение не смогло). В ответ на это Третьяков несколько позднее (в 1881—1882 гг.) вернул себе коллекцию и выстроил для нее новые залы в своей галерее.

7 Перов Василий Григорьевич (1834—1882) — выдающийся русский художник, один из основоположников искусства критического реализма и основателей Товарищества передвижников, преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Автор картин «Чаепитие в Мытищах», 1862, «Проводы покойника», 1865, «Тройка», 1866, портрета Ф. М. Достоевского, 1872, и др.

Перов с возмущением и сарказмом писал В. В. Стасову об отказе московских художественных обществ от дара П. М. Третьякова.

8 «Московские ведомости», поместившие первоначально отрицательные отзывы о выставке Верещагина в Петербурге и обвинявшие художника в антипатриотизме, в статье некоего «М» «Несколько слов из Петербурга о верещагинской коллекции» (1874, 13 мая, № 118) опровергли это сообщение и нашли, что Верещагин большой художник.

9

1 Стасов сделал надписи: на письме — «1875. Получено 20 марта», на конверте: «11 февр[аля] 1875; охота на обезьян; путешествие; Тютрюмов».

2 После отказа Верещагина от звания профессора, воспринятого правящими реакционными кругами как открытый бунт, в печати развернулась вокруг имени художника ожесточенная полемика. С одной стороны — Верещагина нещадно ругали, обвиняли в самых низких делах и намерениях, а с другой — решительно защищали и превозносили, видели в нем выдающегося прогрессивного и исключительно талантливого художника.

Выражая настроения академических кругов, малодаровитый художник Тютрюмов Никанор Леонтьевич (1821—1877) опубликовал получившую скандальную известность, откровенно клеветническую статью против Верещагина — «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи» («Русский мир», 1874, 27 сентября, № 265). В статье Верещагин обвинялся в том, что якобы присвоил себе картины туркестанской серии, авторами которых являлись другие художники, в корысти и делячестве, в профессиональной безграмотности. Клевета Тютрюмова была подхвачена и развита некоторыми газетами. Достойный отпор Тютрюмову и публичное разоблачение его клеветнических утверждений сделал Стасов, вступивший в длительную и острую полемику с врагами Верещагина. По просьбе Стасова, группа крупнейших русских художников в печати осудила поступок Тютрюмова, а художники Мюнхена, где писались туркестанские картины, единодушно подтвердили бесспорное авторство Верещагина. Серия статей Стасова по этому вопросу, в частности письмо в газету «С.-Петербургские ведомости»

(1874, 30 сентября, № 264), а также выступления художников в конце концов вынудили Тютрюмова признать полную беспочвенность его клеветы.

[3] Первая жена Верещагина, немка по национальности. Елизавета Кондратьевна (Елизабет Мария) Фишер (1856—1941). Написала книгу, переведенную с немецкого языка на русский Верещагиным, «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных» (СПб., 1883). На немецком языке издана в Лейпциге в 1882 г.

[4] Верещагин намеревался создать произведения, отражающие жизнь, природу Индии, а также историю жестокого порабощения ее англичанами. Картины предполагалось писать в условиях освещения, максимально приближающегося к натуре, и на основе строго исторических фактов.

[5] Верещагин намекает на натуралистическое копирование Тютрюмовым обстановки и костюма портретируемых.

[6] Верещагину в 1873 г. на Венской всемирной выставке была присуждена бронзовая медаль «За искусство».

Интерес Верещагина к этой медали говорит о том, что он не всегда был противником наград и отличий в искусстве. А отказывался он от профессорства и царских орденов лишь потому, что боялся потерять независимость от самодержавия и его учреждений. Исключение составляет Георгиевский крест, который художник всегда демонстративно носил. Но он был дан не на «художественном» поприще, к тому же не по «милости» начальства, а по решению Георгиевской думы.

[7] Templier (Тамплие) — владелец книгоиздательской фирмы «Ашетт» в Париже, предполагавший издание альбома произведений Верещагина.

10

[1] На письме пометка Стасова — «1875».

[2] Полемизируя с Тютрюмовым, обвинявшим Верещагина в ухищрениях (в частности — в искусственном освещении картин), осуществляемых якобы для сокрытия дефектов живописи, Стасов допустил неточность, написав, что художник в 1873 г. в Лондоне «осветил огнем» картины своей выставки («Окончание тютрюмовской истории».— «С.-Петербургские ведомости», 1874, 30 декабря, № 358).

[3] Имеется в виду клеветническая статья Тютрюмова в «Русском мире» (1874, 27 сентября, № 265).

[4] Жером Жан Леон (1824—1904) — французский живописец, автор картин из античной и восточной жизни, а также исторических полотен. Если основное творчество Жерома характеризуется как позднеакадемическое, то многие его картины на темы Востока жизненны, полны правды и драматизма, овеяны дыханием идей гуманности. Верещагин учился в мастерской Жерома в Парижской Академии художеств в 1864—1866 гг.

[5] Тэйлор Том (1817—1880) — английский драматург, писатель-юморист, художественный критик, публиковавший свои статьи в газете «Таймс».

[6] Агра, г-н Кин, судья *(англ.)*.

[7] Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф,— русский посол в Лондоне (1874—1879).

[8] Верещагин подарил А. К. Гейнсу ряд своих произведений, которые тот в свою очередь дарил высокопоставленным лицам. Картины «После удачи» и «После неудачи» (1868, ныне — в ГРМ) он преподнес Александру II, «Опиумоеды» (1868, ныне — в ГМИ УзССР) — подарил вел. княгине Александре Петровне и т. д.

[9] Имеются в виду альбом — «Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина» (СПб., А. Беггров, 1874) и альбом фотографий с туркестанских картин Верещагина, изданный в Мюнхене Ф. Ганфштенгелем.

[10] Вероятно, имеется в виду гравер немец, привлекаемый Тамплие для издания альбома картин Верещагина.

[11] Исеев Петр Федорович (1831 — после 1909 г.) — конференц-секретарь Академии художеств. После непродолжительного периода игры в «либерализм» проводил в Академии реакционную политику, был противником передвижников. За финансовые злоупотребления уволен из Академии и осужден судом в конце 1880-х — начале 1890-х гг.

11

[1] На автографе пометка Стасова: «Получено 1 мая 1875»; на конверте его же пометка: «В[ерещагин] заподозрен в шпионстве».

12

[1] Дата «1876» проставлена на автографе Стасовым. Им же сделаны надписи на конверте: «Авг[уст 18]76. Архитек[тор]. Деньги. Жемчуж[ников]».

[2] Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — русский художник-реалист. Работал в области пейзажа, изображал события, связанные с историей русского военного флота («Голицынская больница в Москве», 1880, «Гангутский бой», 1876). Передвижник, профессор. Многие годы жил во Франции, где попечительствовал, по поручению петербургской Академии художеств, над русскими художниками-пенсионерами. Был близок к царскому двору, тщетно стремясь «примирить» с ним и подчинить ему передвижников. Организовал в Саратове Художественный музей имени А. Н. Радищева.

[3] Дюлу, Вассиль — парижские знакомые Верещагина.

[4] Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — русский художник-демократ, реалист. Получив для сохранения деньги за туркестанскую серию Верещагина, неосмотрительно отдал их в долг какому-то лицу и некоторое время не мог возвратить Верещагину.

[5] К данному письму приложено послание Верещагина Л. М. Жемчужникову, в котором он настойчиво просит вернуть принадлежащие ему деньги, так как из-за проволочки вынужден понести крупные убытки.

[6] Ферран (Ferrand) — французский архитектор.

13

[1] Дата — «1876» проставлена Стасовым. На конверте им же сделана надпись: «Авг[уст 18]76. Выставка в Лондоне. Мундир пр[инца] Валлийского».

[2] Общественно полезна *(франц.)*.

[3] Принц Валлийский (Уэльский) Альберт Эдуард (1841—1910) — наследник английского престола (с 1901 — король Великобритании Эдуард VII). Верещагину нужен был мундир принца для работы над картиной «Процессия слонов английских и туземных властей в Индии, в городе Джайпуре...» («Будущий император Индии», 1875—1879, Музей «Викториум-мемориум», Калькутта, Индия).

14

[1] На автографе пометка Стасова — «1876», на конверте его же надпись: «Авг[уст 18]76. Моя личность. Большая мастерская. Деньги».

[2] Стасов в письме к Верещагину от 7(19) августа 1876 г. не разделял его желания построить большую мастерскую и писать большие полотна.

[3] При продаже туркестанской серии Гейнс должен был договориться с Третьяковым о предоставлении последним займа Верещагину в размере 10 тысяч рублей.

15

[1] А. К. Гейнс «забыл» договориться с Третьяковым о займе Верещагину. Однако Третьяков этот займ предоставил художнику.

[2] При покупке земли в Париже и постройке там мастерской Верещагина неоднократно обворовывали, стоимость постройки бесконечно росла. Мастерская, не вступив в строй, разваливалась. Все это требовало денег. Ссоры с архитектором, подрядчиками закончились судом.

16

[1] Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902)—известный художник, по происхождению поляк, окончивший петербургскую Академию художеств. Крупнейший представитель позднеакадемической живописи, противник реализма. Автор картин —«Светочи христианства», 1877, «Фрина на празднике в честь Посейдона», 1889, и др.

[2] Речь идет о картине Семирадского «Грешница» (1873). Верещагину показалось, что в оценке этой картины Крамской в разной обстановке высказывал разное мнение. Это имело для Верещагина принципиальное значение, поскольку Семирадский был идейным противником искусства критического реализма. Однако, надо заметить, что Крамской вообще негативно относился к «Грешнице» Семирадского, находя ее внешне эффектной, но лишенной глубокой правды, содержащей «фальшь».

17

[1] На автографе пометка Стасова — «1876». На конверте его же надпись: «Дек[абрь 18]76. Перебранка со мною из-за размеров картин. Чайковский». В автографе Верещагиным допущена ошибка: письмо им датировано «30 ноября/11 декабря».

[2] Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный теоретик анархизма, экономист и социолог. Его взгляды были подвергнуты резкой критике Марксом и Энгельсом.

Прудон не проявлял никакого интереса к индивидуальности художника, к особенностям его творческого метода, предъявляя определенные, категорические требования (в частности, требование гражданственности) к идейному содержанию художественного произведения.

[3] Бакалейщик, владелец бакалейной лавки *(франц.)*.

[4] Народный концерт *(франц.)*.

[5] Чайковский Петр Ильич (1840—1893) — великий русский композитор. Создал выдающиеся произведения в разных родах музыки, в том числе оперы «Евгений Онегин» (1878), «Пиковая дама» (1890) и др., музыку для балетов — «Лебединое озеро» (1876) и «Спящая красавица» (1889), симфонии, романсы и пр.

[6] «Ромео и Джульетта» (1869) — увертюра-фантазия П. И. Чайковского по трагедии Шекспира. Верещагин ошибочно недооценивал это произведение Чайковского.

18

[1] Леман Юрий Яковлевич (1834—1901) — русский живописец, главным образом портретист, передвижник, жил в Париже, дружил с Верещагиным.

[2] Верещагин вложил в «конвертик» свое завещание. Позднее он, видимо, заменил это завещание другим, которое до настоящего времени хранится в Секции рукописей ГРМ. Оно гласит: «Для вскрытия после моей смерти. В. В[ерещагин]. Maisons-Laffitte. 13/25 июня 1878.

В случае моей смерти прошу Ю. Я. Лемана и А. П. Боголюбова выставить и продать мои работы. Из вырученных денег 100 000 франков (сто тысяч) передать жене моей Лизавете Кондратьевне (с тем, что она положит их в банк и будет получать проценты); 50 000 франков (пятьдесят тысяч) отдать матери моей (с тем, что она будет получать ежегодные проценты), которую прошу по смерти завещать эту сумму в пользу школ, на каковые, т. е. *на школы*, отдаю я все остальные имеющие быть вырученными деньги.

Школы эти должны быть не *дьячковские*, с реальным образованием по современным педагогическим данным.

Писано в полном уме и здравой памяти.

В. Верещагин

Прошу моих родных не оспаривать этих моих распоряжений».

19

[1] 12/24 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции и повела борьбу за освобождение Балканских государств от османского ига. Верещагин уже 16/28 апреля выехал из Парижа в действующую армию.

[2] Скобелев Дмитрий Иванович (1821—1880) — генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Отец генерала М. Д. Скобелева.

[3] Патент (от лат. patens).

[4] Вел. князь Романов Николай Николаевич старший (1831—1891),— третий сын Николая I. С 1878 — фельдмаршал. Был главнокомандующим русской Дунайской армией в 1877—1878 гг. Проявил себя неспособным военачальником.

[5] Штаб-квартира русской армии *(франц.).*

[6] Галл Александр Александрович (1831—1904) — генерал-лейтенант, начальник главной квартиры главнокомандующего Дунайской армией в войну 1877 — 1878 гг.

20

[1] На автографе надпись Стасова: «Получ[ено] 4 мая 1877».
На конверте его же пометка: «3 май [18]77». «Иду в передовом отряде Скобелева». «Никто раньше меня...»

[2] Верещагин Александр Васильевич (1850—1909) —брат В. В. Верещагина, военный, автор книг автобиографического характера («Дома и на войне», 1886, «У болгар и за границей», 1896, и др.). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

21

[1] Верещагин Василий Васильевич (1806—1879) — отец художника В. В. Верещагина, помещик, предводитель дворянства в Череповецком уезде.

[2] Верещагина Анна Николаевна (1819—1881) — мать художника В. В. Верещагина, помещица.

[3] Дата — «77» — проставлена на автографе Стасовым.

[4] Брату — А. В. Верещагину.

[5] Татищев Леонид Александрович (1827—1881) — генерал, командовал 11-й кавалерийской дивизией в Дунайской армии.

22

[1] Позак — возможно, помощник Верещагина в Париже или агент по доставке грузов.

[2] Не удалось установить, какие произведения Верещагин просил сжечь и по какой причине. Однако известно, что он не раз уничтожал свои работы под влиянием нападок реакционных кругов.

23

[1] Кумани Алексей Михайлович — русский генеральный консул в Париже, дружививший с Верещагиным.

[2] В письме 23 мая/4 июня 1877 г. Стасову Верещагин просил выслать из его денег 500 руб. Ю. Я. Леману на расходы по верещагинскому дому в Париже.

[3] Стюарт Дмитрий Федорович, барон,— русский генеральный консул в Бухаресте.

[4] Кухаренко Степан Яковлевич — полковник, командир Кубанского казачьего полка в Дунайской армии.

24

[1] На автографе пометка Стасова: «Получено 13 июля 1877».
На конверте его же надпись: «13 июля 1877. Приготовился к смерти. Рана».

[2] Верещагин 8/20 июня 1877 г. в качестве добровольца принял участие на миноносце «Шутка», под командованием лейтенанта Скрыдлова Николая Илларионовича (1844 — после 1909), в минной атаке на турецкий монитор на Дунае. Был ранен пулей в правое бедро, навылет. Находился в госпитале, примерно до 20-х чисел августа (начало сентября н. с.) 1877 г.

[3] Верещагин вследствие мошенничеств архитектора и подрядчиков, строивших и перестраивавших его мастерскую в Париже (Мэзон-Лаффитт), вынужден был идти на все новые расходы, очень нуждался в деньгах. Он просит В. В. Стасова посодействовать в получении займа у его брата — Д. В. Стасова.

[4] Стасов Дмитрий Васильевич (1828—1918) — адвокат, прогрессивный общественный деятель, близкий к революционным демократам, Н. Г. Чернышевскому, А. И. Герцену. Защищал в судебных процессах многих революционеров. Преследовался самодержавием. Сыграл большую роль в развитии и популяризации новой русской музыки и изобразительного искусства. Отец Е. Д. Стасовой. Летом 1917 года в его квартире скрывался В. И. Ленин.

25

[1] Верещагин просил Лемана приобрести в Париже и прислать походную палатку для полковника Кухаренко.

[2] Александр II явно проявлял по отношению к независимому, прямому и гордому Верещагину неприязнь, хотя и скрывал это под маской лицемерия. Он не приобрел туркестанскую серию картин художника. Под прямым воздействием Александра II и его приближенных Верещагин в 1874 г. сжег три свои картины. Посетив в 1877 г. в госпитале Бухареста раненых Скрыдлова и Верещагина, он вручил первому за подвиг на «Шутке» Георгиевский крест, а добровольцу Верещагину только заметил, что ему награда не нужна, она у него уже есть (за Самаркандское сражение 1868 г.).
Верещагин иронизирует, говоря, что он поправляется благодаря царскому тосту.

[3] Возможно, Лефевр Жюль (1836—1912) — французский живописец.

[4] Бухарест, русскому генеральному консулу *(франц.)*.

26

[1] На автографе пометка Стасова: «Июль [18]77. На конверте его же рукой — надпись: «Цель поездки на войну. Картина. Репин».

[2] Прабабушка Верещагина по матери была татаркой.

[3] Верещагин был очень независимым в своих решениях. Например, художником он стал вопреки воле родителей.

[4] Верещагин предостерегает Стасова от публикации статей с обличением московских художественных обществ, отказавшихся принять дар Третьякова (туркестанскую серию).

[5] А. В. Верещагин.

[6] Кларети (Клареси) Жюль (псевдоним Арсена Арно, 1840—1913) — французский художественный критик, писатель, журналист, театральный деятель, академик. Друг Верещагина, много о нем писавший.

[7] Мейссонье (Месонье) Эрнест (1815—1891) — известный французский живописец-баталист и исторический живописец. Его картины — документально точны, виртуозно написаны, но лишены передового идейного содержания. Отдал дань возвеличению Наполеона I.

[8] Стасов писал Верещагину (11/23 июня 1877), что Репин в «великом» восхищении от его туркестанских картин.

27

[1] На автографе пометка Стасова: «1877». На конверте его же надпись: «Июль 77. Худые госпитали. Раненый в госпитале. Горчаков навещает. Плевна».

[2] Верещагин Сергей Васильевич (1845—1877) — брат В. В. Верещагина, художник, доброволец в Дунайской армии. Погиб в боях под Плевной.

[3] А. В. Верещагина.

[4] Соколов Петр Петрович (1821—1899) — русский живописец и акварелист, изобразивший широкую картину русской провинциальной жизни и нравов. Создал иллюстрации к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя. Участвовал в войне 1877—1878 гг.

[5] Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь,— русский министр иностранных дел, с 1870— канцлер.

[6] Мюнхен, Байерштрассе, 15, господину Рит, через Баварский федеральный банк *(нем.)*.

28

[1] На автографе пометка Стасова: «1877», на конверте его же надпись: «18 авг[уста 18]77. Брат Сергей ранен и контужен. Брат Александр молодцом».

[2] Трифонов Порфирий Алексеевич (1844—1896) — специальный корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» в Дунайской армии. По специальности— музыкальный критик.

[3] А. В. Верещагин.

[4] Е. К. Верещагина, жена художника.

[5] Осман-паша (1837—1900) — турецкий генерал, руководивший обороной Плевны, во время которой были отбиты три атаки русских войск. Лишь в результате предпринятой русскими войсками блокады крепости, при попытке прорыва, Осман-паша вместе со своей армией был пленен русскими.

[6] Мехмет-Али-паша — турецкий генерал.

[7] Сулейман-паша (1838—1892) — турецкий генерал, с октября 1877 г. главнокомандующий турецкой армией на Балканах. Безуспешно пытался взять Шипкинский перевал. В конце декабря 1877 и в начале января 1878 г. войска Сулеймана были разбиты русскими войсками.

[8] Стасов публиковал о Верещагине статьи и заметки в газетах, цитируя письма художника.

29

[1] На автографе пометка Стасова: «1877».

[2] Стасов неоднократно публиковал статьи и заметки о погибшем С. В. Верещагине («Новое время», 1877, 7 сентября, № 548; там же, 1877, 15 сентября, № 556; журнал «Пчела», 1877, № 39, и др.).

[3] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — талантливый русский генерал, сын Д. И. Скобелева. Одержал ряд побед в русско-турецкой войне, но Александр II и главнокомандующий третировали его. Был дружен с Верещагиным.

[4] Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — фельдмаршал. Командовал в 1877—1878 гг. передовым отрядом Дунайской армии, овладел перевалами на Балканах, совершил переход через Балканы зимой 1877/78 г.

[5] Верещагин Николай Васильевич (1839—1907) — старший брат В. В. Верещагина, агроном, организатор первых в России артельных сыроварен.

[6] Имеретинский Александр Константинович (1837—1900), князь,— генерал, участник русско-турецкой войны (взятие Ловчи, штурм Плевны). Позднее варшавский генерал-губернатор.

[7] Зотов Павел Дмитриевич (1824—1879) — генерал, командир корпуса, командовал русскими войсками под Плевной.

30

[1] Склифосовский Николай Васильевич (1836—1904) — выдающийся русский хирург, профессор Московского университета.
В 1877—1878 гг. был в действующей армии.

31

[1] Речь идет о перестройке мастерской в Мэзон-Лаффитт.

32

[1] На автографе Стасов сделал пометку: «Ноябрь 1877». Эта датировка не воспроизводится как ошибочная. Об этом письме упоминается еще в письме Верещагина к брату от 4 октября 1877 г.

[2] Патцель — врач в Бранкованском госпитале в Бухаресте.

[3] «Святого Станислава» и «Святого Владимира» — русские светские ордена.

[4] Бибеско — полковник, начальник Бранкованского госпиталя в Бухаресте.

[5] Непокойчицкий Артур Адамович (1815—1881) — генерал, начальник главного штаба Дунайской армии.

33

[1] В автографе рукой Стасова сделана пометка «1877». На конверте им же сделана надпись: «9 окт[ября 18]77. Горный Студень».

[2] Шипка — перевал через Балканы, связывающий Казанлык с Габрово. Захваченный русскими войсками в начале войны 1877—1878 гг., героически оборонялся ими совместно с болгарскими ополченцами в течение полугода. В январе 1878 г. войска перешли в наступление, разгромив турок.

[3] Нарышкин Александр Алексеевич — член Славянского комитета.

34

[1] Кремниц, Лявеццано, Глюки, отец и сын,— врачи Бранкованского госпиталя в Бухаресте.

35

[1] На автографе год— «1877» — проставлен Стасовым. На конверте его же надпись: «17 окт[ября 18]77. Телиш. Описание».

[2] Сцену отпевания и похорон зверски замученных турками русских солдат Верещагин запечатлел в картине «Побежденные. (Панихида по убитым)» (1877—1879, ГТГ). Другая картина Верещагина на ту же тему, изображающая турецких мародеров, называется «Победители» (1878—1879) и хранится в Киевском музее русского искусства.

[3] Струков Александр Петрович (1840 — после 1916) — генерал, участник русско-турецкой войны. Был адъютантом главнокомандующего, начальником авангарда отряда генерала М. Д. Скобелева.

36

[1] На автографе пометка Стасова: «1877», на конверте его же надпись: «Напрасные негодования насчет статьи».

[2] У Верещагина сложилось не совсем верное представление о статьях Стасова, касающихся гибели Сергея Верещагина и будто бы испрашивающих

его родителям пенсию, хотя в одной из них и говорится, что родители «порядочно нуждаются в средствах».

[3] «Дорогой батюшка Василий Васильевич!

Вы упросили В. В. Стасова приписать к тем сведениям, которые он дал о смерти брата Сергея, Вашу просьбу на бедность. Вы, верно, рассчитывали, что минута как раз подходящая и что надобно ковать железо, пока оно горячо. Не знаю, поняли ли Вы, что приписка о Вашей бедности совершенно извратила смысл того, что писано было обо мне и обо всех нас, что слова участия и соболезнования обращены этим в рекламу. Конечно, лета Ваши извиняют многое, но тем не менее я почтительно прошу Вас именем моим не обращаться к благотворительности общества. Вы имеете дом в Череповце, можете жить в Петровке и имеете более денег, чем кто-либо из нас. Очень жаль будет, если придется нам высчитывать, сколько денег истрачено Вами и особенно мамашей и сколько нами, братьями, которых Вы теперь не боитесь срамить Вашею печатною просьбою на бедность». (ОР ПД).

37

[1] Стасов написал на автографе — «1878», а на конверте — «Убитый юноша. 2 янв[аря 18]78».

[2] Убитый вольноопределяющийся оказался Янковым (Яньковым) Василием. Найденные окологo убитого письма Верещагин отправил Стасову для пересылки родителям юноши.

[3] А. В. Верещагин.

38

[1] Стасов написал на автографе — «1878», а на конверте — «Адрианополь. Секретарь Струкова. 1878. Январь».

[2] Сервер-паша (1820—1886) — государственный деятель Турции, подписавший в 1878 г. перемирие с Россией.

[3] Намык-паша — государственный деятель Турции, ведший переговоры о перемирии с Россией.

[4] «Господин секретарь, господин секретарь» *(франц.).*

[5] Иверская икона божьей матери, считавшаяся чудотворной.

39

[1] Перемирие было заключено 19/31 января 1878 г.

40

[1] Стасов написал на автографе — «1878», а на конверте — «27 янв[аря 18]78. Воспоминания о войне. Усталость. Воспоминания о Шипке. Дозвол[ение]».

[2] Верещагин позднее неоднократно публиковал свои воспоминания о М. Д. Скобелеве (например, в книге «На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г.» (М., изд. Сытина, 1902).

[3] Верещагин намекает на то, что и ему в его творчестве придется раскрыть некоторые негативные стороны балканской кампании.

[4] Слова Верещагина о возможности разрыва его отношений со Стасовым явились ответом на письмо к нему Стасова от 2 января 1878 г. Стасов выражал сожаление, что долго ничего не знал о Верещагине. Там же он писал, что, помимо их личных отношений, «которые (если угодно) легко могут кончиться», он высоко ценит и общественную деятельность художника. Надо заметить, что многолетняя дружба Верещагина и Стасова изобиловала конфликтами, перерывами в переписке, спорами. Это происходило часто в силу чрезвычайной раздражительности, нетерпимости и нервности Верещагина, слишком больших его требований к Стасову, но порой и из-за того, что Стасов не всегда достаточно учитывал болезненное самолюбие своего друга. Однако, несмотря на временные разрывы в отношениях, дружба Стасова и Верещагина продолжалась до самой смерти художника. Основу этой дружбы составляла общность их демократических взглядов, верность принципам реализма в искусстве.

41

[1] На автографе дата «1878» проставлена Стасовым.

[2] Стоян — болгарин, прикомандированный к Верещагину.

[3] Курбатов — казак-кубанец, прикомандированный к Верещагину.

[4] Марков — офицер.

[5] Ломакин — казак.

[6] Андрей — казак.

[7] Языков — офицер.

[8] Дерфельден Иван Платонович — адъютант главнокомандующего, прикомандированный к отряду Д. И. Скобелева.

[9] Христо — болгарин переводчик, прикомандированный к главнокомандующему.

[10] Нагибин — командир казачьего полка.

[11] Скалон Дмитрий Антонович (1840 — после 1916) — полковник, управлявший канцелярией главнокомандующего.

[12] Макаров Евгений Кириллович (1842—1884) — живописец-портретист, в качестве художника участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

[13] Соллогуб Владимир Александрович (1814—1889), граф, — писатель, во время войны 1877—1878 гг. находился при главнокомандующем.

42

[1] На автографе Стасов сделал надписи: «Париж», «1878».

[2] Верещагин Н. В.

43

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1878», на конверте — «14 мая [18]78. Выставка (русский отдел). Болен от работы. Ему надо сдерживаться».

[2] Всемирная выставка в Париже в 1878 г.

[3] Верещагин продолжает спор со Стасовым о праве критика судить о размерах картин и прочем.

[4] Поляков Самуил Соломонович (1837—1888) — богатый предприниматель, бравший подряды на строительство железных дорог.

[5] Имеются в виду костюмы, оружие, утварь из Туркестана и Индии, хранившиеся в Петербурге.

44

[1] Стасов сделал надписи на автографе — «1878» и на конверте — «Июль [18]78. Стуковенко».

[2] Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — выдающийся русский ученый-медик, профессор Медико-хирургической академии. В 1877 г. находился на театре военных действий.

[3] Чудновский Юрий Трофимович (1843—1896) — врач-терапевт, профессор.

[4] Стуковенко М. И. — врач, был директором плевненских госпиталей. По его утверждению, он, приехав в Систово, тяжело заболел и этюды Верещагина, упакованные в тюк, передал штабс-капитану Н. В. Кириллину, который в свою очередь отдал их на сохранение третьему лицу. Этюды и рисунки, написанные Верещагиным в боевой обстановке, с постоянным риском для жизни и крайне ему нужные для создания картин, так и не были найдены.

46

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1878», на конверте — «30 июль [18]78. Отношение к императору и в[еликому] кн[язю] на войне».

[2] В. В. Стасов и В. М. Жемчужников обратились к царскому двору через Боткина (являвшегося придворным медиком) с предложением оказать Верещагину денежную помощь в виде задатка за его будущие картины о русско-турецкой войне. Верещагин об этом шаге Стасова и Жемчужникова не знал, а узнав, возмутился им. Александр II не дал согласия на предложение Стасова и Жемчужникова.

[3] Кауфман Константин Петрович (1818—1882) — генерал, командовал с 1867 г. русскими войсками в Туркестане, туркестанский генерал-губернатор. Верещагин был в 1867—1870 гг. прикомандирован к Кауфману.

[4] Вел. князь Александр Александрович Романов (1845—1894), будущий император Александр III.

[5] Александр-Палас — дворец близ Лондона.

[6] Хрустальный дворец — выставочное помещение близ Лондона.

[7] Бартоломе Михаил Федорович — русский дипломат, сотрудник русского посольства в Лондоне, позднее — посол.

[8] Верещагин просит о содействии через Бартоломе и секретаря принца Уэльского — Кноллиса достать портрет принца, необходимый для написания картины «Будущий император Индии». Картина представляла сцену триумфального шествия английских властей в порабощенной ими Индии и содержала элементы обличения колонизаторов.

47

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «78», на конверте — «6 авг[уста]. Спор о принце Валлийском».

[2] Великие Моголы — династия завоевателей и правителей Индии (1526—1858), происходившая из Средней Азии.

[3] В ответ на просьбу Верещагина помочь ему достать фотографии принца Уэльского, Стасов выражал недоумение, зачем такая «презираемая» личность, как Уэльский, будет изображена в картине русского художника. Стасов не знал, что Верещагин собирался представить принца как поработителя и угнетателя Индии.

48

[1] Стасов написал на автографе — «1878. Париж», а на конверте — «9 авг[уста 18]78. Принц Уэльский и др[угие] в картинах».

49

[1] Стасов был исследователем народных узоров, орнамента, очень интересовался придметами прикладного искусства.

[2] Всемирная выставка 1878 г. в Париже.

50

[1] Стасов сделал надписи: на письме — «78», на конверте — «24 сент[ября 18]78. Боголюбов. Наследник. Третьяков».

[2] Речь идет о 3-м издании Собрания сочинений Л. Н. Толстого.

[3] Шлоссер Фридрих Христофор (1776—1861) — немецкий либеральный историк, автор «Всемирной истории», переведенной на русский язык.

[4] Гинцбург Гораций Осипович (1833—1909) — петербургский банкир.

[5] Собко Николай Петрович (1851—1906) — прогрессивный художественный критик и историк искусства, автор «Словаря русских художников...», монографии о В. Г. Перове, составитель каталогов художественных выставок, редактор журнала «Искусство и художественная промышленность».

51

[1] Поездка Верещагина в Болгарию состоялась в конце декабря 1878 — начале января 1879 г. для сбора этюдного материала к картинам о русско-турецкой войне.

52

[1] А. В. Верещагин находился в конце 1878 г. в войсках на Балканах.

53

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1878», на конверте — «7 дек[абря] 1878. Отъезд на Шипку. Укладываются впечатления. Никогда не пишет эскизов. Выставка Верещагина в Париже. Д. Боткин».

[2] Д. В. Стасов.

[3] Верещагин написал в 1878—1879 гг. картины — «Дорога военнопленных» и «Привал военнопленных» (Бруклинский музей, США), где изобразил замерзших турок, и «На Шипке все спокойно!» (по утверждению В. Фиала, триптих находится в Окружном суде, в Пржерове, Чехословакия), где изображен замерзающий русский часовой.

[4] Орлов Николай Алексеевич (1827—1885), князь,— русский посол в Париже.

[5] Д. П. Боткин являлся председателем Московского общества любителей художеств, которому Третьяков пытался подарить туркестанскую серию картин Верещагина.

54

[1] Стасов сделал надписи: на автографе —«1878» и «СПб.», на конверте — «13 дек[абря] 1878. Прием у наследника. Музыка с Мусорг[ским]».

[2] Предполагалась встреча со Стасовым и М. П. Мусоргским.

[3] Стасов познакомил в 1878 г. Верещагина с композитором Модестом Петровичем Мусоргским (1839—1881), который исполнил для художника свою балладу «Забытый», созданную под впечатлением одноименной верещагинской картины. Впервые изданная типографским способом в 1874 г., баллада была запрещена цензурой.

[4] Н. В. Верещагин.

55

[1] На автографе А. В. Верещагиным сделана надпись:
«Получено адресатом 15 января 1879».

[2] Бибиков Евгений Михайлович (1840—1900) — генерал, в 1877—1878 гг. был адъютантом главнокомандующего.

56

[1] Д. В. Стасов.

[2] Неустановленное лицо.

[3] Кутепов — офицер.

[4] Венков (Винков?) — офицер.

[5] Н. В. Верещагин.

[6] Верещагин Алексей Васильевич (1849—?) — брат художника.

[7] Сахаров — подполковник.

57

[1] Мэзон-Лаффитт — окраина Парижа, где был построен дом Верещагина с мастерской.

[2] Под словами «мой патрон» Верещагин подразумевает святого Василия Великого, день которого — 1 января — был днем именин художника.

[3] Янков (Яньков) — юноша, убитый под Шейновым и похороненный Верещагиным.

[4] Д. В. Стасов.

[5] Банк в Париже.

[6] Бородин Александр Порфирьевич (1833—1887) — великий русский композитор, участник «Могучей кучки»; ученый-химик. Автор оперы «Князь Игорь», симфоний, романсов и других произведений. Верещагин слушал музыку Бородина в Петербурге, в декабре 1878 г., у Мусоргского. Оценка Верещагиным музыки Бородина явно ошибочная.

[7] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, редактор и издатель газеты «Новое время». Вначале придерживался либеральных взглядов, а затем превратился в крайнего реакционера. Начиная с конца 1870-х — начала 1880-х гг. Суворин занялся в своей газете подлинной травлей Верещагина, дискредитацией его творчества. Но в 1878 г. Суворин еще не проявил к Верещагину той нетерпимости, которая была характерна для последующих лет. Видимо, в 1878 г. Суворин проектировал издать какую-то книгу, для которой требовалась фотография художника.

[8] Стасов в статье «Наши итоги на всемирной выставке» («Новое время», 1878, 7 декабря, № 998) упомянул Лемана как русского художника с иностранной фамилией.

[9] Бруни Федор Антонович (1799—1875) — русский живописец, представитель позднего классицизма, ректор Академии художеств в Петербурге. Автор картин «Смерть Камиллы, сестры Горация» (1824), «Медный змий» (1834—1841) и др. Верещагин неправ, называя Бруни — итальянцем, как равно Гуна — немцем, основываясь только на их национальном происхождении и игнорируя их неразрывную связь с отечественной культурой.

58

[1] Янкова (Янькова).

[2] Стасов в «Новом времени» (1879, 23 января, № 1043) опубликовал с некоторыми сокращениями письмо к нему Верещагина от 10/22 января 1879 г.

[3] Гамбетта Леон Мишель (1838—1882) — французский буржуазный политический деятель, адвокат. В 1879 г. был избран президентом Палаты депутатов, в 1881 г. — глава кабинета министров.

[4] Имеется в виду здание Законодательного корпуса в Париже.

[5] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель, художественный деятель, секретарь Общества поощрения художеств в Петербурге. При обществе существовала постоянная выставка.

[6] Гупиль — крупный торговец картинами в Париже.

[7] Имеется в виду И. Н. Крамской.

[8] Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), был знаком с Верещагиным, ценил его талант, оказывал ему содействие в устройстве выставок. Оценка Верещагиным романа «Новь» Тургенева несправедлива.

59

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1879», на конверте — «22 февр[аля 18|79. Отказывается б[ыть] ч[леном] передвиж[ной] выставки. Григорович Суворину предлаг[ает] издание болг[арских картин]».

[2] Верещагин отказывается от участия в VII выставке Товарищества передвижников, хотя до того он экспонировал свои работы на III и V передвижных выставках. В этом отказе звучат нотки некоторого индивидуализма Верещагина.

[3] Верещагин имеет в виду картину И. Е. Репина «Царевна Софья Алексеевна...» (1879), которую явно недооценивает.

[4] Хвастовство *(франц.)*.

60

[1] Стасов сделал надписи: на письме — «1879», на конверте — «4 марта 1879. Цены болг[арских] картин. Коцебу».

[2] Картина «Военнопленные» («Дорога военнопленных»), 1878—1879, изображает дорогу от Плевны до Дуная, усеянную трупами взятых в русский плен и замерзших в пути турецких солдат. Раскрывая «оборотную сторону» войны, Верещагин в этой картине обличает преступную нераспорядительность не только турецких военачальников, оставивших солдат без теплой одежды, но и царский генералитет, обрекший пленных на замерзание. Картина решительно не понравилась царскому двору, наследник не пожелал даже ее видеть. Стасов хлопотал о том, чтобы картина и вся серия картин о войне 1877—1878 гг. была куплена наследником неразрозненной для казны. Однако эти хлопоты скорее имели обратный результат, так как семья Стасовых состояла под жандармским надзором, а двух братьев В. В. Стасова вскоре арестовали. Не выразил желания приобрести серию и Третьяков.

[3] Коцебу Александр Евстафьевич (1815—1889) — художник-баталист академического направления, живший в Мюнхене и исполнявший заказы русского царского двора. Его мастерски выполненные картины («Победа под Полтавой», ок. 1867, и др.) носили официальный характер, прославляли полководцев и войны, были лишены гуманистического содержания.

[4] Невиль Альфонс-Мари де (1836—1885) — известный французский живописец-баталист реалистического направления. Автор картины «Бой на полотне железной дороги» (1874) и др. Творчество Невиля было лишено антимилитаристского содержания.

61

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1879», на конверте — «Принц Уэльский желает задержать в Англии ин[дийские] кар[тины]. Не хочет продавать врозь. За лон[донскую] выст[авку] намерен брать деньги».

[2] Выставка Верещагина в Лондоне в 1879 г. (апрель—июль) была устроена в Южно-Кенсингтонском музее. На ней он показал индийскую серию и несколько работ балканской серии.

[3] Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903) — живописец-баталист академического направления, профессор. Работал по заказам царского двора. Не лишенные мастерства, его картины («Сражение при Париже», 1848, «Атака лейб-гусар», 1872 и др.), однако, театрализованы, парадны, идеализируют войну.

62

[1] Спасибо *(франц.)*.

[2] Верещагин Алексей Васильевич — брат художника.

[3] Имеется в виду тюк с пропавшими этюдами Верещагина, который взялся отвезти доктор Стуковенко.

63

[1] Сверху письма имеется надпись П. Ф. Исеева: «Было исполнено». В письме идет речь об облегчении положения художника Е. К. Макарова (см. примеч. 12 к письму 41), попавшего в кабальную зависимость, по-видимому, от вел. князя Николая Николаевича.

[2] Романов Владимир Александрович (1847—1909), вел. князь,— сын Александра II, президент Академии художеств, главнокомандующий войсками гвардии и петербургским военным округом. Руководил расстрелом демонстрации 9 января 1905 г.

64

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1879», на конверте — 4 апр[еля] 1879. Шереметев, вел[икий] кн[язь]».

[2] Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, — полковник, адъютант наследника. Верещагин возмущался переданными ему кем-то словами Шереметева, который оскорбительно отзывался о поведении художника в связи с предполагавшимся показом картины «Военнопленные» наследнику.

65

[1] Стасов сделал на автографе пометку — «1879».

[2] Выставка картин Верещагина в Лондоне.

[3] Стасов 4 апреля 1879 г. сообщил Верещагину, что Третьяков желает заглазно приобрести его серию картин о русско-турецкой войне, но не до-

роже чем за 75 тысяч рублей. При этом Третьяков выражает уверенность, что, создавая картины, Верещагин проникнется «духом принесенной народной жертвы и блестящих подвигов русского солдата и некоторых отдельных личностей». На картину «Военнопленные» Третьяков смотрит как на «преддверие коллекции».

[4] В Мэзон-Лаффитт малой скоростью *(франц.)*.

[5] Имеются в виду эффектные, «победные» сюжеты для картин официальных баталистов.

[6] Последняя приписка вызвана сообщением Стасова о том, что его братья Дмитрий и Александр арестованы жандармскими властями. Вообще семья Стасовых испытывала постоянные преследования полицейских властей.

66

[1] Бутовский Виктор Иванович (1815—1881) — искусствовед, директор Строгановского училища технического рисования в Москве.

[2] Сэр Кэнлиф Оуэн — директор Кенсингтонского музея в Лондоне, возглавлял английский отдел Всемирной выставки в Париже в 1878 г.

[3] Ральстон — английский ученый.

67

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1879», на конверте — «1 мая 1879 г. № 3. Лжепатриотизм. Социалисты. Торгованье с Третьяковым».

[2] Сделать большой жест, выражающий великодушие *(франц.)*.

[3] 2/14 апреля 1879 г. народник А. К. Соловьев совершил покушение на Александра II.

[4] Речь идет об аресте братьев Стасова.

68

[1] Картина — «Военнопленные».

69

[1] Яблочков Павел Николаевич (1847—1894) — выдающийся русский электротехник-изобретатель. Некоторые выставки Верещагина освещались Яблочковым электрическим светом, что было для того времени большим новшеством. Это давало зрителям возможность посещать и осматривать выставку в вечерние часы, после работы.

[2] Мэзон-Лаффитт, авеню Клебер, 48 *(франц.)*.

70

[1] Третьяков 7/19 мая 1879 г. писал Верещагину, что он не желает «праздничных» картин, что судить по одной картине «Военнопленные» о всей серии полотен о войне 1877—1878 гг. нельзя, однако она «не выражает»

болгарской войны. Тем не менее Третьяков предоставлял Верещагину полную свободу выбора и трактовки сюжетов. При этом Третьяков сделал замечание о том, что война «бьется» «жертвами народа и отдельных некоторых личностей».

[2] Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император, знаменитый полководец.

[3] Московское училище глухонемых детей, финансовую помощь которому оказывал П. М. Третьяков.

71

[1] Верещагин подыскивал место для своей выставки в Петербурге в 1880 г.

[2] Сэр Кэнлиф Оуэн, Южно-Кенсингтонский музей, Лондон *(англ.)*.

72

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «Париж», «1879», на конверте — «7 июля 1879. Taylor. Русофобство «Timesa».

[2] «Таймс» — английская ежедневная газета.

[3] Том Тэйлор.

[4] Морган Дельмар — английский ученый, бывал в России. Помогал Верещагину в устройстве в Лондоне его выставки в 1873 г., перевел на английский язык предисловие для каталога этой выставки.

[5] «Дейли телеграф», «Глоб», «Пэлл-Мэлл», «Стандарт», «Морнинг пост» — английские газеты.

73

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1879», на конверте — «NB». Отзывы великих князей. Надежда на понятие России. Женщины и их деятельность».

[2] В этом месте автографа Стасов написал: «(как георгиевск[ого] кавалера)».

[3] Романов В. А. — вел. князь.

[4] Романов Н. Н. — вел. князь.

[5] Речь идет о картинах Верещагина «Победители» и «Побежденные». См. прим. 2 к письму 35.

[6] Картина «На Шипке все спокойно!» изображает последовательные эпизоды замерзания на Шипке забытого начальством русского часового. Название картины носит иронический характер и заимствовано из реляций генерала Ф. Ф. Радецкого, который в 1877 г. сообщал о полном благополучии вверенного ему войска, в то время как от морозов гибли тысячи солдат. Картина вызвала протесты реакционных кругов.

[7] Женщин в лице сестер милосердия Верещагин изобразил позднее в картине «После атаки. (Перевязочный пункт под Плевной)» (1881, ГТГ).

[8] Имеется в виду книга П. А. Илинского «Русская женщина в войну 1877—1878 гг.» (СПб., 1879).

[9] Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — великий русский живописец, автор картины «Явление Христа народу» (1837—1857, ГТГ), серии библейских этюдов и других произведений. Наполнил свое искусство глубокими общественно-философскими идеями, сделал решительный поворот в сторону реализма, предвосхитив развитие русского искусства критического реализма и оказав огромное прогрессивное влияние на его представителей.
Верещагин имеет в виду книгу «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858» (СПб., 1880). Книга издана М. П. Боткиным при активном участии В. В. Стасова.

74

[1] И. С. Тургенев, ценивший талант Верещагина, содействовал устройству и популяризации персональной выставки художника в Париже в конце 1879 — начале 1880 г., на которой были показаны картины об Индии и русско-турецкой войне. Речь идет о письме в редакцию (статье) Тургенева по поводу выставки Верещагина, опубликованном в парижской газете «XIX столетие» (1879, 17 декабря). В письме Тургенев говорит о Верещагине как «самобытном и могучем таланте», отличительной особенностью которого является упорное искание правды. Картины Верещагина о балканской войне, по словам Тургенева, «лишены всякого шовинистического духа». В них он стремится показать все стороны войны, а не просто поэтизировать славу русской армии.

75

[1] Верещагин допустил ошибку, следует читать — будущего года.

76

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «1879. При этом письме были приложены вырезки из газет», на конверте — «15 дек[абря 18]79. Успех в Париже. Мейссонье и т. д. Выст[авка] в Петерб[урге]».
[2] Откровение, новые горизонты *(франц.)*.
[3] Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — выдающийся русский скульптор-реалист, демократ, близкий художникам-передвижникам. Автор статуй («Иван Грозный», 1871, «Петр I», 1872, «Нестор-летописец», 1890, все три — в ГТГ, и др.), портретов (В. В. Стасова, С. П. Боткина), статуэток жанрового характера. В лучших произведениях Антокольского воспроизведены люди непреклонной воли, с богатыми и сложными духовными и общественными интересами, высокими идейными устремлениями. Эти произведения отличаются выразительностью психологических характеристик, ясностью и завершенностью художественной формы. В некоторых его работах проявилось, однако, влияние современного ему идеалистического искусства.

77

[1] Вероятно, вел. князь Владимир Александрович.

78

1 Деньги на устройство выставки в Петербурге в 1880 г.

2 Верещагина Т. И. — жена Н. В. Верещагина.

3 «Ви Модерн» («Современная жизнь») — французский журнал.

4 Отец художника, умерший в 1879 г.

5 Франция, Мэзон-Лаффитт.

79

1 Верещагин усмотрел в том, что Л. Н. Толстой не явился на встречу с ним и не предупредил об отъезде, унижение своего достоинства и был очень рассержен на Стасова, который добивался этой встречи.

80

1 Якоби Валерий Иванович (1834—1902) — русский живописец, написавший в 1850-х — 1860-х гг. ряд реалистических картин. Наиболее значительна «Привал арестантов» (1861), обличавшая порядки самодержавной России. Позднее создает внешне эффектные и занимательные исторические картины, лишенные, однако, глубокого содержания. С 1878 г. член Совета Академии художеств.

81

1 Верещагин открыл в Петербурге в феврале 1880 г. выставку своих картин индийской и балканской серий. Негодование царствующего дома, реакционных кругов вызвали картины балканской серии, ибо они, в противоположность официальному искусству, не прославляли и не идеализировали, а правдиво изображали войну. Порой же они носили явно обличительный характер, раскрывая не только преступления турок, но и проявления позорной бездеятельности, бездарности русского сиятельного генералитета во главе с Александром II. Ряд картин имел пояснительные надписи на рамах, некоторые на них носили названия, полные сарказма («На Шипке все спокойно!»). Наследник, получив от А. П. Боголюбова каталог Парижской выставки Верещагина 1879 г., в ответ писал 21 декабря того же года: «Читая каталог картин Верещагина, а в особенности текст к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, и можно по ним заключить одно: либо Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек!» (ЦГАЛИ, ф. 105, оп. 1, д. 4, л. 15).

Вполне понятно, что при таком отношении самодержавия к творчеству Верещагина президент Академии художеств, вел. князь Владимир Александрович потребовал через П. Ф. Исеева снятия надписей с картин балканской серии, раскрывавших и заострявших их содержание. По распоряжению вел. князя надписи были сняты.

[2] Верещагин пытался отказаться от показа картин Александру II под предлогом невозможности перенесения их в Зимний дворец.

83

[1] Возможно, статья А. С. Суворина (без подписи) «Художник-сатирик» («Новое время», 1880, 26 февраля, № 1436), в которой Верещагин обвиняется в антипатриотизме. В печати поднялась острая полемика вокруг выставки Верещагина. В его защиту выступил Стасов.

[2] 27 февраля 1880 г. в газете «Голос» (№ 58) было опубликовано письмо Верещагина с его ответом «Новому времени» по поводу недобросовестных укоров в недостатке патриотизма.

84

[1] Корректность *(франц.)*.

85

[1] По распоряжению Александра II, для показа ему картины с выставки Верещагина были перенесены на руках солдатами-гвардейцами в Зимний дворец. Картины разместили в Николаевском зале, где белая окраска стен давала совершенно искаженное представление о полотнах, изображающих зимние сцены.

86

[1] Верещагин, не пожелавший лично показывать свои картины Александру II и наследнику, просил, однако, согласия на то, чтобы при осмотре присутствовал его брат А. В. Верещагин. На докладной записке П. Ф. Исеева, где излагалась эта просьба художника, вел. князь Владимир Александрович написал: «В качестве устроителя выставки пускай будет, а главное для того, чтобы ублажить тронутого творца выставленных картин» (ОР БЛ., ф. 178, коробка 5051, д. 4, л. 1). Кстати сказать, по-видимому, А. В. Верещагин не был допущен на осмотр. Картины Верещагина вызвали возмущение не только русского двора и придворных кругов. Характерно, что В е р д е р Вильгельм (1823—1907) — генерал, прусский военный атташе, а затем посол в Петербурге, советовал своему другу Александру II купить и уничтожить картины Верещагина о войне 1877—1878 гг.

87

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «26 марта 1880. СПб.», на конверте — «26 марта 1880. Обещается не показывать более свои картины в России».

[2] Верещагин находился в тяжелом душевном состоянии в связи с травлей, которую повела против него реакционная пресса, и тем, что не нашлось покупателя на всю балканскую серию картин (Александр II не пожелал купить картины). Приложив титанические усилия для создания этих произведений, многократно рискуя жизнью при сборе для них материала о войне, Верещагин в результате не имел даже уверенности, что удастся расплатиться с долгами, образовавшимися в связи с устройством выставки в Лондоне, Париже и Петербурге. Кстати, и в Лондоне, и в Париже он отказался продавать свои картины, приберегая их для родины. В этих условиях он решил распродать на аукционе индийскую серию, чтобы выйти из тяжелого материального положения. Аукцион состоялся в конце марта (ст. ст.) 1880 г. Балканскую серию художник отправил обратно в Париж, где намеревался ее пополнить новыми полотнами. На аукционе индийских работ самое большое их число приобрел П. М. Третьяков.

88

[1] Так как аукцион принес Верещагину несколько бóльшую сумму средств, чем предполагалось (ок. 140 тыс. руб.), он пожертвовал 10 тысяч рублей на художественные школы, одновременно передал некоторую сумму на музыкальную школу.

89

[1] В октябре 1880 г. Верещагин вновь ездил в Болгарию для сбора этюдов к новым картинам балканской серии.

[2] По-видимому, речь идет об этюде «Главная мечеть в Дели по заходе солнца». Во время аукциона индийских этюдов в 1880 г. Третьяков его не приобрел. Но после аукциона он купил все, что оставалось неприобретенным, в том числе и данное произведение, заплатив за него 500 рублей. Однако этюд не особенно нравился Третьякову, и он согласился на просьбу Верещагина — вернуть его автору (за те же 500 р.). Это произошло в конце 1880 — начале 1881 г. Вероятно, этюд после того хранился у Верещагина. В 1904 г. с посмертной выставки художника этюд (вместе со многими другими работами) был приобретен в казну под названием «В Индии. Заход солнца над мечетью». В 1905 г. он поступил в ГРМ, а в 1925 г. передан в Севастопольский художественный музей, но временно находился в Симферопольском художественном музее. В 1941 г., во время эвакуации коллекций Симферопольского музея, попал под бомбежку фашистской авиации и погиб.

[3] Мэзон-Лаффитт, Сена и Уаза [департамент] *(франц.)*.

[4] Речь идет о холме, с которого Александр II со свитой наблюдал в день своих именин — 30 августа (ст. ст.) 1877 г. — плохо подготовленный, а потому отбитый турками с большими для русских потерями третий штурм Плевны.

Говоря о сцене, послужившей Верещагину сюжетом для картины «Александр II под Плевной...», Л. М. Жемчужников замечал: «...неизгладимый позор и грех лег на совесть императора за преступное дозволение штур-

мовать Плевну в день своих именин. Отбитый штурм кончился кровавым истреблением тысяч храбрецов в то время, когда именинник со своими приближенными опустошали дюжины бутылок шампанского» (Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого. Л.-М., 1971, с. 199).

90

[1] Письмо написано на бланке: «Художественный и литературный кружок, 7, улица Вольней» *(франц.)*. Стасов сделал надписи: на автографе — «Получено 1 ноября 1881, Париж», на конверте — «1 ноября [18]81. Венская выставка».

[2] Выставка Верещагина в Вене в 1881 г. была открыта с 20 октября до середины ноября. Пользовалась огромным успехом.

[3] За и против (*лат.*).

[4] Матушинский Аполлон Михайлович (1828—1885) — либеральный художественный критик (псевдоним — Эм).

[5] Кюнстлерхауз — дом художника (*нем.*).

[6] Макарт (Маккарт) Ганс (1840—1884) — известный австрийский художник, автор исторических картин и портретов салонно-академического направления.

[7] Выставка Верещагина в Берлине состоялась в феврале-апреле 1882 г.

[8] Стасов предпринял в августе-октябре вместе с братом Д. В. Стасовым большое путешествие по Европе.

91

[1] На конверте надпись Стасова: «3 ноября 1881. *Венская* выставка».

[2] Вестибюль (*франц.*).

[3] Венское общество художников устроило в честь Верещагина в 1881 г. банкет в мастерской Г. Макарта.

[4] Амерлинг Фридрих фон (1803—1887) — австрийский художник, портретист и пейзажист.

92

[1] Письмо написано на бланке: «Художественный и литературный кружок, 7, улица Сент Арно» (*франц.*). Стасов сделал на конверте надпись: «10 ноября [18]81. Суворина оставить в покое. Статьи парижские о выставке В. В».

[2] А. В. Верещагин помогал художнику в организации нескольких его выставок в Европе.

[3] В Вене выставку Верещагина за 26 дней посетило 100 тысяч человек.

[4] Стасов систематически публиковал в газетах отзывы иностранной прессы о творчестве и выставках Верещагина.

[5] Пилоти Карл Теодор (1826—1886) — известный немецкий живописец салонно-академического направления, глава школы немецкой академической исторической живописи. Эффектные, парадные полотна Пилоти не отличались глубиной содержания и демократической идейностью,

[6] Суворин лавировал в «Новом времени» и помещал о Верещагине то одобрительные, то враждебные отзывы, а в дальнейшем подверг художника настоящей травле.

[7] Газета «Трибуна», издававшаяся в Берлине.

[8] Речь идет о сборе средств на памятник М. П. Мусоргскому.

93

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «Париж, 1881», на конверте — «22 ноября 1881. *Сибирь*. Картины войны. Выставка по всей Европе».

[2] «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского.

[3] 26 ноября был кавалерский праздник ордена Святого Георгия.

[4] Демидов Павел Павлович (1839—1885), князь Сан-Донато,— уральский горнозаводчик, коллекционер. На аукционе в 1880 г. Демидов приобрел следующие произведения Верещагина: «Главная мечеть в Футтепор-Сикри», «Джаинский храм на горе Абу», «Вид главных высот Гималаев».

94

[1] Стасов сделал надписи: на автографе —«Дек[абрь] 1881», на конверте — «12 дек[абря 18]81».

[2] Цион Илья Фаддеевич (1842—1912) — физиолог, профессор Петербургского университета и Медико-хирургической академии. Вследствие реакционных взглядов и столкновений со студентами вынужден был покинуть Петербург, поселился в Париже. Совладелец и директор газеты «Голуа». В «Новом времени» появилась заметка, рисующая в искаженном свете инцидент Верещагина с Ционом. Стасов в газете «Порядок» (1881, 20 декабря, № 350) опубликовал статью, восстанавливающую истинное событие.

[3] Выставка Верещагина в Париже функционировала в декабре 1881 г. в помещении газеты «Голуа».

[4] Верещагин благодарит Стасова за его статью «Венская печать о Верещагине» (газета «Порядок», 1881, 9 декабря, № 339).

95

[1] Ковалевский Александр Онуфриевич (1840—1901) — крупный русский ученый-биолог, профессор, позднее академик. Данное письмо Ковалевскому направлено тогда, когда он находился в Париже.

[2] Цион в печати издевался над И. М. Сеченовым и другими прогрессивными учеными, которые были его коллегами в Петербурге. Одновременно он лживо описывал свое недостойное поведение, из-за которого вынужден был покинуть Россию.

[3] 4, улица Тэтбур, отель «Испания и Португалия» (*франц.*).

96

1 «Голуа», «Париж», «Пресс», «Тан», «Телеграф» — французские газеты.

2 Детайль Эдуард (1848—1912) — французский живописец-баталист. Его картины исполнены на довольно высоком профессиональном уровне, правдоподобны, занимательны, но нередко несут в себе националистические идеи.

3 Буланже Гюстав (1824—1888) — французский живописец салонно-академического направления, автор картин на античные темы и декоративных панно.

4 Приставка «де» перед фамилией означает у французов принадлежность к дворянству.

5 А. В. Верещагин.

6 Исследователи не имеют единого мнения о том, какую картину Верещагин называет здесь «Дервиши». Может быть, это картина «Дервиши-дуваны», приобретенная П. М. Третьяковым в апреле-мае 1882 г. и ныне находящаяся в Ивановском художественном музее.

97

1 Стасов ошибочно определил дату письма, написав на автографе — «4/16 марта 1882». На конверте он написал: «3 марта [18]82. Невозможность пут[ешествовать] по России. Намерение пут[ешествовать]».

2 В конце октября 1882 г. Верещагин отправился вторично в Индию и пробыл там около четырех месяцев.

3 Романов Михаил Николаевич (1832—1909), вел. князь,— генерал-фельдмаршал, был наместником на Кавказе, главнокомандующим кавказскими войсками в 1877—1878 гг. С 1881 г. — председатель Государственного совета.

98

1 Стасов сделал надписи: на автографе — «Берлин, март 1882», на конверте — «марта 1882».

2 Свои биографические сведения Верещагин сообщал Стасову для подготавливаемого им очерка «Василий Васильевич Верещагин», опубликованного в «Вестнике изящных искусств» (1883, вып. 1 и 2).

3 Потайкина Анна Ларионовна.

4 Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г., а также ряда других войн и походов.

5 Хатов Иван Ильич (1785—1875) — генерал-лейтенант, писатель, директор Александровского малолетнего кадетского корпуса, в котором воспитывался Верещагин.

6 Кокорев Иван Васильевич (1800—?) — живописец-портретист, преподаватель рисования. Учился в петербургской Академии художеств.

[7] Каменев Валериан Константинович (1823—1874) — пейзажист, академик, преподаватель рисования в Морском кадетском корпусе и других учебных заведениях.

[8] Калам Александр (1810—1864) — швейцарский живописец и гравер, автор романтических картин с видами Швейцарии, отличающихся точным, четким рисунком, эффектами освещения и перспективы («Гроза на Хандеке», 1839, и др.).

[9] С.-Петербургская рисовальная школа для приходящих (позднее — Рисовальная школа) была основана в 1839 г. С 1857 г. находилась в ведении петербургского Общества поощрения художников. Давала хорошую подготовку для поступающих в Академию художеств. В школе учились многие художники, ставшие потом выдающимися. С конца 1860-х — начала 1870-х гг. получила художественно-промышленный уклон. Некоторое время размещалась в помещениях Биржи, откуда и получила название — Рисовальной школы на Бирже. В 1920-х гг. слилась с государственными учебными заведениями.

[10] Гернер Ф. — смотритель Рисовальной школы петербургского Общества поощрения художников.

[11] Львов Федор Федорович (1820—1895) — акварелист-любитель и художественный деятель. Был секретарем Общества поощрения художников, попечителем его Рисовальной школы, конференц-секретарем Академии художеств, а затем директором Строгановского училища технического рисования.

[12] Моллер Федор Антонович (1812—1875) — живописец академического направления, профессор Академии художеств, руководил Рисовальной школой. Автор картины «Иоанн Богослов...» (1856), портрета Н. В. Гоголя (1841) и др.

[13] «Однако он делает это очень красиво» *(нем.)*.

[14] Коллиньон Ромэн Шарль (1831—?) — французский математик и инженер. В 1857—1862 гг. был в России и участвовал в строительстве железных дорог.

[15] Епанчин Алексей Павлович (1823 — после 1911) — адмирал, служил в Морском корпусе, позднее был начальником Морской академии.

[16] Воинов Иван Александрович (1796—1861) — живописец, академик, преподавал в Академии художеств.

[17] Басин Петр Васильевич (1793—1877) — живописец, представитель искусства ложного классицизма, профессор Академии художеств.

[18] Марков Алексей Тарасович (1802—1878) — живописец, представитель академического искусства, профессор Академии художеств.

[19] Уткин Николай Иванович (1780—1863) — крупный русский гравер, профессор Академии художеств и хранитель гравюр в Эрмитаже. Его гравюры, отличающиеся четкостью рисунка, ясностью форм, изяществом тона, носили реалистический характер. В годы пребывания Верещагина в Академии Уткин был глубоким стариком. Этим объясняется отрицательный отзыв о нем Верещагина.

[20] Верещагин учился в Академии художеств в Петербурге в 1860—1863 гг. Он исполнил по одобренному эскизу в духе позднего классицизма большой картон «Избиение женихов Пенелопы...» (Пенелопа — жена Улисса,

героиня поэмы Гомера «Одиссея»). В знак протеста против оторванного от жизни академизма он сжег этот картон и стал переходить на позиции реалистического искусства.

[21] Флаксмен-Джон (1755—1826) — английский скульптор, представитель классицизма, автор эскизов к поэмам Гомера.

[22] Браун Адольф — парижский фотограф.

[23] Фельтен Альфонс Францевич — торговец картинами, комиссионер.

99

[1] На конверте надпись Стасова: *«9 апр[еля] 82.* Мольтке недоволен картиной: «Плевна».

[2] «Забытый» — картина Верещагина, уничтоженная им в 1874 г. В 1880-е гг. Верещагин написал вариант картины, на котором изобразил забытого английского солдата — «Забытый солдат» («В Трансваале. Сегодня... завтра... как вчера... везде под всеми формами», ГНХМ).

[3] Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — известный адвокат, профессор.

[4] Мольтке Хельмут (1800—1891), граф,— немецкий фельдмаршал, крайний реакционер и милитарист.

[5] Картина «Под Плевной (император Александр II под Плевной 30 августа 1877 года)» (1878—1879, ГТГ).

[6] Верещагин подарил на своей выставке в Берлине в 1882 г. немецкой принцессе Виктории-Августе, художнице, этюд «У гроба святого».

100

[1] Стасов сделал надпись на конверте: «17 апреля 1882. *Новые* сюжеты вместо военных».

[2] Гравюры с картин Верещагина делались для очерка Стасова о художнике, опубликованного в «Вестнике изящных искусств», редактором которого был А. И. Сомов.

[3] Сомов Андрей Иванович (1830—1909) — искусствовед, художественный деятель, хранитель Эрмитажа.

[4] «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных» (см. прим. 3 к письму 9).

101

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «Париж. Май. 1882», на конверте — «Биография, май 1882».

[2] Верещагин Алексей Васильевич (?—1863) — старший брат отца знаменитого художника, отставной офицер, богатый помещик.

[3] Шамшин Петр Михайлович (1811—1895) — живописец академического направления, профессор Академии художеств.

102

[1] Страстный поборник просвещения, в частности женского, Верещагин был возмущен постоянными попытками правительства закрыть Высшие женские врачебные курсы в Петербурге.

103

[1] Клермон-Ферран — город на юге Франции.

[2] Стасов написал на конверте: «*5 сентября* 1882. Автобиография. Кавказ».

[3] Вел. князь Михаил Николаевич.

[4] Лагорио Лев Феликсович (1827—1905) — известный русский живописец-маринист и баталист, профессор, сделавший значительный шаг в сторону реализма. Участник военных действий на Кавказе. Автор картин — «Нормандский берег», 1859, «Отбитие штурма крепости Баязет», 1891, и др.

[5] Карцов Александр Петрович (1817—1875) — генерал, начальник штаба Кавказской армии.

[6] Возможно, Гудима Захар Григорьевич — позднее генерал.

[7] Литография Лемерсье в Париже.

[8] Бида Александр (1813—1895) — французский художник, изображавший жизнь Востока, иллюстрировавший библию. Принимал участие в художественном образовании Верещагина.

104

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «Париж. Сентябрь 1882», на конверте — «Сентябрь 1882».

[2] Бем (Эндаурова) Елизавета Меркурьевна (1843—1914) — художница. Училась в Рисовальной школе. Видимо, она сообщила неверные сведения Стасову о Верещагине.

[3] Речь идет о событиях 1868 г.

[4] Назаров Николай Николаевич — офицер, руководивший обороной Самаркандской цитадели в 1868 г.

[5] Пистолькорс — офицер в войсках Кауфмана.

[6] Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885) — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, тайный советник. При осмотре произведений Верещагина на выставке 1874 г. особенно нападал на некоторые картины, что привело к их уничтожению автором.

[7] Гомзин Андрей Иванович — генерал в войсках Кауфмана, начальник его канцелярии.

[8] Серов — майор, помощник коменданта Самарканда в 1868 г.

105

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «Париж. Сентябрь 1882», на конверте — «Октябрь 1882. Биография. *«Надорвался»*, *«Изъяны»*.

[2] В 1869 г.

[3] Верещагин был атеистом и антиклерикалом.

106

[1] На конверте пометка Стасова: «15 ноября 1882».
[2] Александр III.
[3] Собко Н. П.
[4] Имеется в виду статья Верещагина, набросанная им в 1882 г. по старым заметкам и посвященная религиозным мистериям в верхнебаварском местечке Обер-Аммергау, совершавшимся в память избавления населения от чумы в 1634 г. Эта статья позднее была опубликована в книгах: «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина» (СПб., 1883) и «Духоборцы и молокане в Закавказье... Обер-Аммергау в горах Баварии. Рассказы художника В. В. Верещагина» (М., 1900).
[5] Агра, Английская Индия.

107

[1] Минаев Иван Павлович (1840—1890) — крупный ученый-востоковед, путешественник, основатель русской индологической школы. В «Новом времени» (2-е изд., 1882, 26 октября/7 ноября, № 2393) опубликовал рецензию на немецкое издание книги о путешествии Верещагиных в Гималаи (1882) под названием «Русский художник в Гималаях» (подпись «И. М.»). О Сиккиме Минаев написал, что он «с востока на запад простирается на 52 английские мили, а с севера на юг на 6 верст». Эти сведения явно неточны.

108

[1] На конверте надпись Стасова: «Последние картины болгарской войны. Гейнс. Гупиль. Путеш[ествие] по России невозможно».
[2] Имеется в виду сюжет зверской расправы английских колонизаторов с индийцами, воплощенный в картине «Подавление индийского восстания англичанами» (ок. 1884, местонахождение неизвестно).

109

[1] Вероятно, картины Верещагина «У гробницы святого — благодарят всевышнего» и «Представляют трофеи».

110

[1] Стасов сделал надписи: на автографе — «Москва», на конверте — «12 апреля 1883».
[2] Верещагин открыл в Москве в апреле 1883 г. свою выставку, установив дешевую входную плату. Аристократическая публика была недовольна этим и бойкотировала выставку.

[3] Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь,— московский генерал-губернатор.

[4] Н. П. Собко написал статью о Верещагине в каталог его московской выставки.

111

[1] «Победители», «Шпион», «Два ястреба (Башибузуки)», «Пикет на Дунае» (все 1878—1879, ГКМРИ) были приобретены киевским сахарозаводчиком, меценатом И. Н. Терещенко (1854—1903).

[2] Выставка Верещагина в Москве в 1883 г. Третьяков не согласился приобрести всю балканскую серию (25 картин и 50 этюдов) за предложенные Верещагиным 150 тысяч рублей из-за высокой ее цены и вследствие того, что некоторые полотна ему не нравились.

[3] Ряд газет поместил о выставке Верещагина в 1883 г. резко критические отзывы («Современные известия», 16 апреля, № 104, «Московский листок», 20 апреля, № 107, и др.). В то же время В. И. Сизов опубликовал в «Русских ведомостях» (20 апреля, № 107) положительный отзыв. В нескольких других газетах тоже были напечатаны статьи с высокой оценкой творчества художника.

[4] Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891) — филолог, педагог, издатель книг, «Газеты Гатцука» и др.

[5] Продажу своих произведений Верещагин поручил осуществить петербургскому торговцу картинами — Тоньолати (Тогнолати). Через последнего Третьяков приобрел ряд картин балканской серии: «Под Плевной (император Александр II под Плевной)», «Перед атакой. Под Плевной» (1881, ГТГ), «Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой». 1878—1879, ГТГ. Позднее, в 1887 г. Третьяков купил у самого художника «После атаки. (Перевязочный пункт под Плевной)» (1881, ГТГ) и «Побежденные. (Панихида по убитым)».

112

[1] Балашев Иван Петрович (1842—1919) — государственный деятель, член Государственного совета, вице-президент Общества поощрения художеств.

[2] Деньги, пожертвованные Верещагиным в 1880 г. на художественные школы.

113

[1] Этюды Верещагина, сделанные им во время русско-турецкой войны и поездок на Балканы в 1878 и 1879 гг. Они были приобретены И. Н. Терещенко. Находятся в Киевском музее русского искусства (кроме похищенных немецкими оккупантами в 1941—1943 гг.).

114

[1] Картина «Перед атакой. Под Плевной».

[2] Выставка Верещагина в Петербурге была открыта в ноябре 1883 — начале января 1884 г.

[3] Третьякова Вера Николаевна — жена П. М. Третьякова.

115

[1] Телеграмма явилась ответом Верещагина на отказ Третьякова предоставить картины на выставку. Разрыв отношений продолжался около трех лет.

116

[1] Крамской писал (оставшийся неоконченным) портрет Верещагина. Во время сеансов Верещагин простудился, у него началась жестокая лихорадка, позирование не возобновилось.

117

[1] Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883. СПб., 1884.

[2] Полонский Яков Петрович (1819—1898) — русский поэт. В письме Тургенева Полонскому 15 феврался 1881 года говорится о Верещагине: «Он очень тщательно прячется».

[3] В письмах Тургенева Полонскому (16 сентября 1879 г.), Д. В. Григоровичу (16 декабря 1881 г.), И. Н. Крамскому (6 декабря 1882 г.) дается высокая оценка творчества и выставок Верещагина.

[4] Верещагин, работая над трилогией картин о смертной казни, собирал этюдный материал для полотна «Казнь заговорщиков в России» (1884—1885, ЛМР), обличающего террор самодержавия. В картине изображена сцена казни в снежную пургу 3 апреля 1881 г. народовольцев на Семеновской площади в Петербурге. Художник писал этюды, изображающие пургу, падающий снег. Трилогия казней была направлена против деспотизма, тирании, порабощения народов.

[5] Шишкин Иван Иванович (1832—1898) — выдающийся русский живописец и график, пейзажист, передвижник, профессор. Реалистическое творчество Шишкина, в котором нашли эпическое отражение русская природа, ее величие и красота, особенно русский лес, по своей правде и впечатляющей мощи принадлежит к классическим образцам искусства пейзажа.

118

[1] Верещагин просит у Терещенко свои картины для показа на выставках в Европе. В это время у него функционировала выставка в Вене, затем — в Будапеште, Берлине и т. д.

119

[1] На выставке в Вене в 1885—1886 гг. Верещагин показал серию своих евангельских картин, в которых он пытался с материалистических позиций раскрыть и объяснить события и чудеса евангельских легенд. Кардинал Ганглъбауер (1817—1889) добивался закрытия выставки, снятия «богохульных» картин, дискредитации художника в церковных проповедях, в печати.

[2] Карл — эрцгерцог австрийский.

120

[1] В этих «протестах» верующие призывались не посещать выставку Верещагина. Верещагин в ответ опубликовал против Ганглъбауера полные сарказма статьи в газетах.

121

[1] «Святое семейство» (1884—1885, картина погибла) — реалистически изображает Христа в бытовой обстановке, среди братьев и сестер. Католическое духовенство особенно возмущалось тем, что художник утверждал наличие у «святого семейства» нескольких детей.

[2] Николай Иванович — технический сотрудник Верещагина.

122

[1] Вальц — секретарь Венского дома художника.

[2] Около слов «красную», «нос» Верещагин сделал схематичный рисунок масок.

[3] Вероятно, прислуга в парижском доме Верещагина.

[4] Поттье, 14, улица Гайон *(фран.)*.

[5] Вена, Дом художника, 9, Лотарингская улица (*нем.*).

123

[1] Легкие ожоги (*франц.*).

[2] Под влиянием кампании клерикалов против верещагинских евангельских картин фанатик-монах облил несколько полотен кислотой и сильно их испортил, а «Святое семейство» прожег.

124

[1] В картине «Воскресенье Христово» (1884—1885) Верещагин пытался материалистически объяснить чудо воскресения. Местонахождение картины не установлено. По-видимому, картина погибла.

125

[1] В апреле 1886 г. Верещагин показывал свою выставку в Берлине.
[2] Фридрих III (1831—1888).
[3] Фамилия молодого скульптора не установлена. Но в те же годы портретный бюст Верещагина выполнил австрийский скульптор, профессор Венской Академии художеств Виктор-Оскар Тильгнер (1844—1896), мастер скульптурного портрета, тонко улавливавший характер и индивидуальность модели, работавший также в области декоративной скульптуры.

126

[1] Паспарту (*франц.*).

127

[1] Шляков Иван Александрович — археолог, хранитель церковного музея в Ростове. Оказывал содействие Верещагину в поисках костюмов, предметов прикладного искусства, утвари, поручал резчикам Ярославской губернии изготовлять рамы с русскими узорами.
[2] Армяк нужен был для работы над картинами войны 1812 г.

128

[1] Новикова (Киреева) Ольга Алексеевна (1840—1925) — писательница и журналистка, жила в Лондоне. С Верещагиным ее связывало многолетнее знакомство. В октябре — ноябре 1887 г. в «Пэль-Мэль газет» Новикова опубликовала положительную рецензию на книгу, изданную на английском языке: «Верещагин: живописец, солдат, путешественник» (Лондон, 1887).
[2] Улица Довер (*англ.*).
[3] Вероятно, вырезка из английской газеты о Верещагине.

129

[1] Титов Андрей Александрович (1845—1911) — археолог, краевед Ярославской губернии, автор ряда печатных трудов.
[2] Речь, по-видимому, идет о книге Шлякова «Путевые заметки о памятниках древнерусского церковного зодчества» (1887).
[3] Неизвестно, о ком идет речь.
[4] Вероятно, брат Шлякова.
[5] Неизвестно, о ком идет речь.

130

[1] Письмо свидетельствует о разрыве Верещагина с Елизаветой Кондратьевной.

131

[1] В 1888—1891 гг. Верещагин демонстрировал в США (Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон и др.) свою выставку, закончившуюся аукционной распродажей картин.

Верещагина (в девичестве Андреевская) Лидия Васильевна (1865—1911) — пианистка, была приглашена художником в Америку для исполнения русской музыки на его выставке. Вскоре она стала женой художника (юридическое оформление брака несколько затянулось).

[2] Верещагин прибыл в Аахен для лечения, а Лидия Васильевна, ждавшая рождения ребенка, временно жила то в Париже, то в Швейцарии. Затем Верещагины намеревались поехать в Россию, где Лидия Васильевна должна была остаться. Верещагин же возвращался время от времени в парижскую мастерскую для продолжения начатых работ. На окраине Москвы, в Нижних Котлах (за Серпуховской заставой), Верещагин построил дом и мастерскую, куда вскоре и переехал совсем.

[3] Андреевская Пелагея Михайловна — мать Л. В. Верещагиной.

[4] Шедевр (*франц.*).

132

[1] Как атеист, Верещагин пытался дать объяснение евангельским «чудесам», о чем и свидетельствует этот стихотворный набросок. Стихотворение целиком не сохранилось.

[2] Стихи Верещагина «Черт и Ванька» были навеяны рассказом старого дворецкого (на севере России), хитростью освободившегося от крепостной зависимости. Портрет этого персонажа художник написал в 1888 г. («Отставной дворецкий», ГРМ).

133

[1] Верещагин, собираясь заехать за женой из Аахена для совместного возвращения в Россию, советует ей сообщить квартирной хозяйке о предстоящем отъезде.

[2] В детстве Верещагина поразил и на всю жизнь запомнился трагический случай, когда крепостного юношу Тимошку сдали в солдаты за то, что доверенная ему лошадь Машка сломала ногу. Юноша из солдат не вернулся. На этот сюжет художник и написал стихи, которые пока не найдены. Верещагин написал и направил жене в 1890-х гг. еще несколько своих стихотворений, из которых одно (в письме от 2/14 августа 1890 г.) посвящено гибели юноши Янькова:

ПОЛЕ БИТВЫ

По полю битвы я не раз
Бродил в раздумье, тихо, молчаливо,
И к ужасам войны давно привыкший глаз
По грудам мертвых тел скользил невозмутимо.

Перемешались все, кто пал:
Тут головы торчат, там ноги, руки.
Рядком, обнявшися, лежат, убиты наповал,
Конь с всадником, как добрые два друга.
Я помню, раз мой взгляд упал
На воина приметного и молодого,
Убитый вражьей пулей, видно, тоже наповал,
Он впереди лежал с лицом уснувшего святого.
Крест на цепочке золотой
Не тронут шарившим в его кармане.
И тут же на груди, сплошь кровью залитой,
От милой мамы письма... в виде талисмана.
С поклонами от всех родных
Она любимое варенье сыну посылала.
Беречь себя просила, умоляла, хотя для них,
И много, много раз его благословляла.
Тотчас же, письма все собрав,
Я матери несчастной их отправил,
Прибавив: храбро, впереди, редут атаковав,
Ваш сын на поле битвы свою жизнь оставил.
Рыданье слышалось одно
В ответе, ею посланном, между строками,
И видно было, что все это матери письмо
Обильно смочено горючими слезами.

134

[1] Верещагин отыскивает костюмы для работы над картинами о 1812 г.

135

[1] Американская Ассоциация искусств (*англ.*).

[2] Имеется в виду императорский двор.

[3] Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — известный московский коллекционер, издатель книг.

136

[1] «Распятие на кресте у римлян» (1887, Бруклинский музей, США) — картина из «Трилогии казней».

137

[1] Помощник Верещагина по устройству выставок.

[2] Может быть, Верещагин намекает на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума», в которой дан сатирический образ московского помещичье-чиновничьего общества, признавшего Чацкого за его передовые взгляды — сумасшедшим.

[3] Суттон — предприниматель, устроивший выставку Верещагина в США,

Макдон — адвокат, помогавший Верещагину.
[4] Дочь Верещагина Лидия.

138

[1] Верещагин писал картину из серии о войне 1812 г. — «Перед Москвой, в ожидании депутации бояр» (1891—1892, ГИМ).
[2] «Да здравствует император!» (*франц.*)

139

[1] Верещагин переезжал окончательно в Москву, продав дом и мастерскую в Париже художнику К. Е. Маковскому (1839—1915).
[2] Вследствие тяжелых жизненных переживаний и болезней Верещагин был до крайности раздражителен, вспыльчив, порой не владел собой, особенно во время приступов лихорадки.

140

[1] Ледерле Михаил Михайлович — автор детских книг, издатель.
[2] Чистяков Михаил Борисович (1809—1885) — педагог, детский писатель, автор книги «Повести и сказки», основатель «Журнала для детей».
[3] Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — известный русский писатель, автор произведений — «Записки ружейного охотника», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука».
[4] «Госпожа Бовари» — роман выдающегося французского писателя Гюстава Флобера (1821—1880).
[5] Бюхнер Людвиг (1824—1899) — немецкий врач и естествоиспытатель, представитель «вульгарного» материализма.
[6] Имеется в виду Льюис Джордж Генри (1817—1878) — английский буржуазный философ и писатель. Пропагандировал некоторые идеи Ч. Дарвина.
[7] Лайель Чарлз (1797—1875) — выдающийся прогрессивный английский ученый-геолог.
[8] Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — великий русский революционный демократ, философ-материалист, критик. В диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) обосновал важнейшие принципы материалистической эстетики, оказав огромное влияние на развитие художественной культуры критического реализма. В романе «Что делать?» (1863) выражены социалистические идеи.
Свидетельство Верещагина о влиянии на него сочинений Чернышевского публикуется впервые.

141

[1] Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927) — выдающийся русский живописец-реалист, передвижник, народный художник РСФСР. Автор

картин «Московский дворик» (1878), «Ранний снег» (1891), «Больная» (1886) и др.

[2] Речь идет о картине В. Д. Поленова «Христос и грешница» (1887).

142

[1] Всеволожский Иван Александрович (1835—1909) — придворный чиновник, директор императорских театров, а позднее — Эрмитажа.

[2] Мой генерал (*франц.*).

[3] Ваня — персонаж оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») М. И. Глинки. Имеется в виду постановка оперы в Мариинском театре в Петербурге.

143

[1] На конверте пометка Стасова — «27 июня 1892».

[2] Обида на Стасова, который якобы в одном из писем, оставшемся неизвестным, написал Верещагину, что тот ему «надоел». Стасов не помнил этого случая, извинился, после чего знакомство возобновилось.

144

[1] На конверте пометка Стасова: «5 ноября [18]92».

[2] Верещагин 5 декабря 1892 г. с помощью В. В. Стасова и его сестры Н. В. Стасовой (1822—1895) организовал в Петербурге с благотворительной целью вечер, где поделился воспоминаниями, в частности воспоминаниями о войне. На вечере выступали также известные артисты, некоторые из них исполнили романсы (музыка Л. В. Верещагиной, слова В. В. Верещагина). В «Новом времени» (1892, 6 декабря, № 6026) появилась заметка об этом вечере, намекающая на крамольный характер речи художника. Военный министр П. С. Ванновский (1822—1904) лично повел дознание о «крамоле».

[3] Экспонировалась картина «Отставной дворецкий».

[4] Фигнер Николай Николаевич (1857—1918) — известный русский певец. Был приглашен участвовать в вечере.

[5] Принять или оставить (*франц.*).

145

[1] В октябре 1892 г. в Петербурге скульптор-реалист Гинцбург Илья Яковлевич (1859—1939), автор многочисленных статуэток, портретов, памятников, исполнил с натуры статуэтку Верещагина.

[2] Позирования.

146

[1] Булгаков Федор Ильич (1852—1908) — журналист, ответственный сотрудник газеты «Новое время», автор книг по изобразительному искусству, в том числе монографии «Василий Васильевич Верещагин и его произведения» (СПб., 1896 и 1905).

[2] Травля Верещагина в «Новом времени» все более ожесточалась. Верещагин обвинялся в лживости творчества, восторженные отзывы о его выставках в заграничной печати интерпретировались как разгромные и пр. Булгаков пытался помочь Верещагину в его публичной реабилитации, но был бессилен перед издателем — А. С. Сувориным.

147

[1] Размолвки со Стасовым осложнились ложным впечатлением Верещагина о мнимой двойственности Владимира Васильевича, который хотя и боролся с Сувориным, но поддерживал с ним отношения.

148

[1] «В Индии. Снега Гималаев» (1880-е гг., ГНХМ).

[2] «Привал военнопленных».

[3] Александр III.

149

[1] Киркор Василий Антонович — правитель канцелярии Московского удельного округа, фотограф-любитель, знакомый Верещагиных.

[2] Верещагин неоднократно ездил на Бородинское поле в связи с работой над картиной «Наполеон I на Бородинских высотах» (1897, ГИМ) и др.

150

[1] Нотович Осип Константинович (1849—1914) — литератор либерального направления. После 1875 г. издавал газеты «Новости», «Новости и биржевая газета».

[2] Заметка Верещагина в виде «Письма в редакцию» опубликована в газете «Новости и биржевая газета», 1-е изд., 1893, 22 октября, № 291.

[3] «Монашка» — шелкопряд.

151

[1] Имеются в виду газетные и журнальные статьи о верещагинских выставках, а также фотографии с картин, которые Верещагин посылал Булгакову для подготавливаемой им монографии — «Василий Васильевич Верещагин и его произведения».

[2] Булгаков по ряду причин пытался оттянуть издание монографии, объясняя это желанием приурочить выпуск книги к открытию верещагинской выставки.

[3] Верещагин явно ошибается в объяснении причин нападок на его творчество Суворина. Дело заключалось не в мелких личных обидах и не в уязвленном самолюбии Суворина, а в его реакционных взглядах. В своей газете «Новое время» Суворин громил все передовые, демократические явления в общественной жизни и культуре, в том числе и искусство Верещагина.

152

[1] Так в тексте.

[2] Мутер Рихард (1860—1909) — немецкий историк искусства. В его III томе «Истории живописи в XIX веке» был помещен раздел о русском искусстве, написанный в соавторстве с А. Бенуа с неверных искусствоведческих позиций.

[3] «Артист», «Артистическая жизнь».

[4] Реньо Анри (1843—1871) — известный французский художник, автор картин «Генерал Прим» (1869), «Казнь без суда в Гранаде» (1870) и других, отличающихся реализмом, демократической идейной направленностью, романтической взволнованностью. Погиб во время франко-прусской войны в 1871 г.

[5] Фортуни Мариано (1838—1874) — знаменитый испанский художник, автор картин из жизни Востока. Прославился виртуозной техникой исполнения, мастерством и эффектностью колористических решений.

153

[1] Письмо с поздравлением свидетельствует о полном восстановлении отношений между корреспондентами. Однако ряд картин балканской серии, которые Верещагин предложил Третьякову в 1890 г. приобрести, не были куплены. Вместе с тем Третьяков приобрел несколько произведений художника на темы из путешествия по русскому северу. Верещагин подарил Третьякову некоторые свои картины на темы русско-турецкой войны.

[2] В. В. Верещагин. Детство и отрочество художника В. В. Верещагина, т. 1 (М., 1895). Последующие тома не вышли в свет.

154

[1] Письмо имеет две даты.

[2] Письмо вел. князю Владимиру Александровичу, президенту Академии художеств, направлено Верещагиным в связи с тем, что вел. князь резко обвинил художника в искажении правды в картинах о войне 1812 г., в частности правды в костюме Наполеона I. Верещагин доказывает вздорность этих обвинений и ссылается на воспоминания участников событий 1812 г.

[3] «...Замечено, что Наполеон в первый раз надел польский костюм, который состоял из шапки меха куницы, зеленой шубы, отделанной куницей

и украшенной золотыми нашивками, и сапог на меху. Он носил этот костюм в продолжение всего отступления» (Шамбре).
«...Наполеон в то время шел пешком по дороге между Красным и Катово; на нем был польский костюм, который мы уже описали, в руке он держал березовую палку; его сопровождал Бертье, одетый таким же образом, также держащий в руках березовую палку...» (Шамбре) (*франц.*). Шамбре Жорж (1783—1848), маркиз,— французский генерал и военный писатель, участник наполеоновского похода в Россию. Автор книги «Histoire de l'Expédition de Russie» (Paris, 1833).

4 «На другой день шли затрудненно. Шедшие сзади нетерпеливо вырывались вперед; все обгоняли Наполеона: его видели с палкой в руке, продвигающегося с трудом...» (Сегюр) (*франц.*). Сегюр Филипп Поль (1780—1873), граф,— французский генерал и военный писатель. В 1812 г. был в свите Наполеона I. Автор книги: «Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812» (Paris, 1824).

155

1 Романов Константин Константинович (1858—1915), вел. князь,— поэт, президент Академии наук.

2 Гро Антуан Жан (1771—1835) — французский живописец, прославлявший в своих картинах Наполеона I и его захватнические войны.

3 Шамбре. III, 117. «Замечено, что Наполеон совершил путешествие в экипаже в первый раз после своего выступления из Москвы и что он надел также в первый раз польский костюм, который состоял из шапки меха куницы, зеленой шубы, отделанной куницей и украшенной золотыми нашивками, и сапог на меху. Он носил этот костюм в продолжение всего отступления...
Наполеон в то время шел пешком по дороге между Красным и Катово, на нем был польский костюм, который мы уже описали, в руке он держал березовую палку; его сопровождал Бертье, одетый таким же образом, также держащий в руках березовую палку...» (*франц.*).

4 Офицер молодой гвардии. «Мы могли бы находиться приблизительно около шести миль от Борисово. Бонапарт шел, как мы, с палкой в руке, одетый в шубу и меховую шапку, лишь в нескольких шагах от меня...» (*франц.*).

5 Констан. «В период отступления император шел пешком, одетый в шубу, и голова [была] покрыта русской шапкой, которая была завязана под подбородком...
Император пешком среди своей свиты с палкой в руках шел с трудом...» (*франц.*).
Констан (1778—1845) — камердинер Наполеона I. Написал мемуары.

156

1 В. С. Р[оссоловский]. «В. В. Верещагин и его произведения» («Исторический вестник», 1896, т. 13, с. 217—229). Статья рекламирует моногра-

фию Ф. И. Булгакова о Верещагине. Вероятно, Верещагин имеет в виду место статьи, где говорится, что нельзя указать на другого художника, «который бы так много говорил, писал и печатал о самом себе, как В. В. Верещагин», что Верещагин страдает субъективностью и сводит значение всех собратий «к нулю».

[2] Возможно, речь идет о первом издании (1896) монографии о Верещагине, написанной Булгаковым.

157

[1] Дочь Лидия.

158

[1] Речь идет о покупке земли для перенесения дома Верещагина.

[2] По-видимому, первый ребенок — Клавдия, дочь Елизаветы Кондратьевны Верещагиной.

159

[1] Верещагин хотел приобрести у удельного ведомства участок земли в Серебряном бору (Москва) для переноса дома и мастерской. Это намерение не осуществилось из-за недостатка средств.

161

[1] Выставка Верещагина в Берлине была открыта в 1897 г. в феврале. Перед тем она демонстрировалась в декабре 1896 — январе 1897 г. в Париже.

[2] Арсен Александр в «Фигаро» (*франц.*).

[3] Картина Верещагина «На большой дороге. Отступление, бегство...» (1887—1895, ГИМ).

[4] «Перед Москвой в ожидании депутации бояр» (1891—1892, ГИМ).

[5] Наполеон Луи Люсьен Теодор (1844—1909) — внук брата Наполеона I Бонапарта.

[6] Выставка Верещагина в Дрездене была открыта в августе-сентябре 1897 г.

[7] По-видимому, эта публикация не осуществилась.

[8] В Вене выставка была в конце 1897 г.

164

[1] Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — писатель, критик, философ-идеалист, знакомый Л. Н. Толстого.

165

[1] Выставка Верещагина в Будапеште в феврале 1898 г.

[2] Русский музей императора Александра III в Петербурге.

[3] Возможно, Толстой Дмитрий Иванович (1860 — ок. 1942), граф,— позднее назначенный товарищем управляющего Русским музеем.

[4] Алма-Тадема Лауренс (1836—1912) — известный голландский художник, работавший в Англии. Поздний представитель классицизма, создававший изысканные, но надуманные картины из античной жизни.

[5] Впечатление и иллюзию (*франц.*).

[6] «Газета изящных искусств» (*франц.*).

[7] «Подавление индийского восстания англичанами», «Казнь заговорщиков в России», «Распятие на кресте у римлян».

[8] Подлинное письмо Верещагина утрачено. Здесь оно воспроизводится по журнальной публикации (Т. Никольская. Письма художника В. В. Верещагина. —«Тридцать дней», 1938, № 1, с. 104), в которой допущена явная опечатка. Исходя из смысла текста, вместо слов, «а оно, т. е. это самое лекарство», по-видимому, следует читать — «а она, т. е. эта самая лихорадка...»

166

[1] Отлив статуэтки, изображающей Верещагина и вылепленной И. Я. Гинцбургом.

[2] Матэ Василий Васильевич (1865—1917) — русский гравер, профессор. Верещагин просил Матэ исполнить гравюры с его картин.

[3] Скобелев М. Д.

[4] Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — великий русский революционный демократ, просветитель, литературный критик.

167

[1] Возможно, «Листки из записной книжки художника В. В. Верещагина» (М., 1898).

[2] Руже де Лиль Клод Жозеф (1760—1836) — французский поэт и композитор, автор «Марсельезы».

[3] Эзоп (6 — 5 вв. до н. э.) — древнегреческий автор басен.

[4] Памятник А. В. Суворову (1800—1801) в Петербурге создал в стиле классицизма скульптор Козловский Михаил Иванович (1753—1802). Верещагин, отстаивая принципы реализма в искусстве, явно недооценивал искусство классицизма.

[5] Выставка в Лондоне в декабре 1898 — январе 1899 г.

[6] Соколов Александр Петрович (1829—1913) — художник-портретист, академик, в 1892—1907 гг. — хранитель музеев Академии художеств.

168

[1] Жена Третьякова была парализована. П. М. Третьяков тяжело болен и 4/16 декабря 1898 г. умер.

[2] Владелец имения «Приморское», близ Ялты.

169

[1] Галерея Грэфтон.

170

[1] Толстой Иван Иванович (1858—1916), граф,— археолог и нумизмат. В 1889—1892 гг. — конференц-секретарь, в 1893—1905 — вице-президент Академии художеств. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. проводил реформы Академии. В 1905—1906 — министр народного просвещения.

[2] Бибиков Николай Валерианович — президент г. Варшавы.

[3] Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899), председатель совета министров (1906, 1914—1916).

[4] Вел. князь Владимир Александрович как президент Академии художеств.

171

[1] «Забытый солдат (В Трансваале. Сегодня... завтра... как вчера... везде под всеми формами)».

[2] Выставка в Лондоне в 1887 г. в Гровенор Гэлери.

172

[1] Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал, в 1898—1904 — военный министр, занимал высшие командные посты в русской армии на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. Сблизился с Верещагиным во время русско-турецкой войны, где был начальником штаба у М. Д. Скобелева.

[2] К автографу приложено письмо Н. Г. Карпентера (Институт искусств Чикаго) от 20 января 1900 г. с предложением хороших условий устройства выставки в США.

173

[1] В январе — феврале 1900 г. Верещагин устраивал свою выставку в Петербурге. Тогда же произошла встреча Верещагина и Стасова, возобновившая дружбу между ними.

[2] Вероятно, имеется в виду упоминавшаяся книга — «Листки из записной книжки художника В. В. Верещагина».

[3] Романов Георгий Михайлович (1863—1918), вел. князь,— управляющий Русским музеем.

[4] Д. И. Толстой.

[5] Вел. князь Владимир Александрович.

[6] Картины Верещагина о 1812 годе тогда не были куплены.

174

[1] Верещагин, крайне огорченный и раздраженный тем, что патриотические картины о 1812 годе, над которыми он работал уже четырнадцать лет,

никем не приобретаются, готов был их уничтожить в знак протеста против косности и обскурантизма правящих кругов, по примеру того, как он поступил с тремя своими полотнами в 1874 г.

[2] «На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В. В. Верещагина» (М., 1894).

175

[1] Монтебелло Густав Луи (1838—1907), маркиз, — французский дипломат, сотрудник французского посольства, посол (1891—1903) в России. Усмотрел в картинах о 1812 годе оскорбление французской армии.

[2] Задуманная Верещагиным вторая серия картин о 1812 годе не была осуществлена из-за отсутствия у художника материальных условий и преступного пренебрежения к его творчеству правящей верхушки. Частные меценаты также не проявили желания приобрести картины о 1812 годе (Третьяков же умер в 1898 г.).

[3] Покровительствуемое лицо *(франц.)*.

176

[1] Т. е. стиля ампир, для картин о 1812 годе.

[2] Вероятно, «На морозе» или «Наполеон и маршал Лористон» (1899—1900, ГИМ).

[3] Олив Сергей Вильгельмович (1845—1909) — генерал, с 1893 г. помощник начальника Главного управления уделов. Верещагин вел переговоры с удельным ведомством о покупке земли.

177

[1] Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927), барон, позднее граф, — генерал, министр двора.

178

[1] Жиркевич Александр Владимирович (1857—1927) — военный юрист, писатель, служил в Вильно.

[2] Жиркевич помогал Верещагину в устройстве его выставки в 1900—1901 гг. в Вильно, куда направлялись экспонаты с одесской выставки художника (1900).

[3] Троицкий Виталий Николаевич — генерал, губернатор в Вильно. Верещагин был знаком с ним по военным действиям в Туркестане.

[4] Учреждения императрицы Марии — благотворительные учреждения, управлявшиеся особым придворным ведомством.

[5] Не будем об этом говорить! *(франц.)*.

179

[1] Стасов в письме Верещагину от 6/19 октября 1900 с возмущением говорил о «параличе» деятелей, которые не видят и не слышат нигилистического отрицания в печати значения Глинки, Толстого, Репина, Верещагина.

180

[1] Картина не была написана. Николай II (1868—1918) не одобрил предложения художника, а поручил выяснить во дворцах, нужны ли новые картины и на какие сюжеты.

181

[1] Антонович И., возможно, псевдоним Вернера Ипполита Антоновича (1852—1927) — статистика, политэконома, журналиста.

183

[1] В 1885 г.

184

[1] Харкевич Владимир Иванович (1856—1906) — генерал, военный историк. Исследователь Отечественной войны 1812 г. Изучал вопрос, нужно ли и на какие сюжеты заказывать новые картины о 1812 годе. Возможно, Харкевич поделился ободряющими Верещагина выводами по данному вопросу с Жиркевичем.

[2] Служащий Верещагина по устройству выставок.

[3] Служащий Верещагина по устройству выставок.

[4] Выставка Верещагина в Ревеле была в мае 1901 г.

[5] Дочь А. В. Жиркевича.

[6] В начале 1901 г. Верещагин отправился на Филиппины, а в 1902 г. на Кубу, которую посетил дважды, по следам незадолго перед тем разыгравшейся испано-американской войны. По этюдам из Филиппин художник написал, в частности, антимилитаристскую серию из четырех полотен — «В госпитале», «Письмо на родину», «Письмо прервано», «Письмо осталось неоконченным» (все — 1901, вторая — в ЯХМ, остальные — в ГНХМ).

186

[1] Жена В. А. Киркора.

[2] Вельяминов Григорий Николаевич — управляющий Московским удельным округом.

187

[1] Одно слово не разобрано.
[2] По-видимому, дочь Жиркевича.
[3] Партизанская война (*франц.*).

188

[1] Ханенко Богдан Иванович (1858—1917) — киевский археолог, коллекционер. Его коллекции легли в основу Киевского музея западного и восточного искусства.
[2] Ежедневная петербургская газета (1899—1902).
[3] Ханенко Варвара Николовна (урожд. Терещенко) — жена Б. И. Ханенко.

189

[1] В конце 1901 — начале 1902 г. Верещагин устроил свою выставку в ряде городов США. Был обманут предпринимателями. У него похитили некоторые картины, он попал в тяжелое материальное положение. В конце выставки состоялся аукцион. Но художник большую часть работ, в том числе всю серию о 1812 годе, отказался продавать, вернул на родину.

191

[1] «Чикаго клуб» (*англ.*).

192

[1] Рузвельт Теодор (1858—1919) — государственный деятель США, президент США в 1901—1909 гг., проводил политику завоеваний. Возглавлял военные действия по захвату Кубы.
[2] Картина «Взятие Рузвельтом Сан-Жуанских высот» (1902) находится за границей. Верно и ярко изобразив конкретный эпизод битвы за Кубу, Верещагин не осознал, однако, захватнического характера войны в целом. Картина была мошеннически присвоена антрепренером выставки.

193

[1] Не зная научных законов общественного развития, Верещагин наивно полагал, что общественный прогресс и социальный мир, а также прекращение войн могут быть достигнуты путем нравственного совершенствования людей и развития просвещения. Но наряду с этим он выдвигал много верных идей, горячо требуя подлинного равноправия женщин, обличая эгоизм господствующих классов, борясь за переассигнование денег, идущих на вооружение, на социальные нужды народа и пр.
[2] Институт искусств (*англ.*).
[3] Возможно, имеется в виду Миннеаполис.
[4] Лойд Джонс — проповедник.

194

[1] Неизвестная картина Верещагина.

[2] Картина из Филиппинской войны, исполненная в 1901 г. (ЛКГ).

[3] Сотрудник Верещагина по устройству выставки в США.

197

[1] См. примеч. 23 к письму 98.

[2] Вероятно, «Гробница королей в Иерусалиме» (1883—1885); ГРМ.

[3] Вариант находящейся в ГТГ картины-этюда «Мавзолей Тадж-Махал в Агре» (1874—1876).

[4] См. прим. 2.

[5] Возможно, вариант картины «Пожар Замоскворечья», написанной в 1896—1897 (ГИМ).

198

[1] Вел. князь Владимир Александрович.

[2] После длительных проволочек, в преддверии столетнего юбилея Отечественной войны, в 1902 г. царское правительство приобрело серию верещагинских картин о 1812 годе за 100 тысяч рублей. Верещагин извещает об отправке картин из США. Но на продолжение серии с изображением русских деятелей (Кутузова и др.) самодержавие согласия так и не дало.

199

[1] Верещагин переслал А. Н. Куропаткину копию своего письма В. Б. Фредериксу от 26 января/8 февраля 1903 г. с отказом представить двору эскизы новых картин о 1812 годе.

200

[1] В работе «на прусского короля» — не для себя, а на других (*франц.*).

201

[1] Верещагин не смог продолжать серию о 1812 годе, так как согласия на последующее приобретение задуманных картин казной он не получил. Для частных коллекционеров серия не подходила. Работать же над большими полотнами без перспективы их продажи было нельзя.

[2] Верещагин имеет в виду известную картину Кившенко Алексея Даниловича (1851—1895) «Военный совет в Филях в 1812 г.».

[3] Реводия — лицо неустановленное.

[4] Толь Карл Федорович (1777—1842), граф,— генерал русской армии. Сыграл значительную положительную роль в руководстве русскими войсками в сражениях под Смоленском и Бородиным в 1812 г.

202

[1] Остроухов Илья Семенович (1858—1929) — русский живописец-пейзажист, передвижник, коллекционер, автор картин «Золотая осень» (1886), «Сиверко» (1890) и др. Член Совета и попечитель Третьяковской галереи.

[2] Речь идет о расчетах за проданные Верещагиным произведения.

203

[1] Верещагин отправлялся в поездку в Японию.

[2] Речь идет об иностранных кораблях.

205

[1] Доуни Стюард — английский писатель.

207

[1] Проектировался в Петербурге благотворительный вечер с участием Верещагина.

[2] 2 января 1904 г. В. В. Стасову исполнилось 80 лет.

208

[1] Александр I — русский император.

[2] Верещагин так и не смог продолжить серию о 1812 годе — лучший живописный памятник великой эпопее. Николай II позорно тормозил решение о продолжении серии картин Верещагина об Отечественной войне и полностью сорвал творческие планы художника.

209

[1] Почти накануне вероломного японского нападения на русский флот на Дальнем Востоке Верещагин советует Куропаткину последовать примеру Барклая-де-Толли и взять в свои руки командование русской дальневосточной армией. Куропаткин отнесся к совету Верещагина серьезно и тотчас затребовал подробную справку о Барклае. Вскоре он получил назначение на Дальний Восток.

[2] Просьба Верещагина была удовлетворена, и он, покинув семью, уехал на войну 28 февраля 1904 г. Накануне отбытия в армию Верещагин излагал

свои планы организации после окончания кампании выставки с правдивым изображением событий и ужасов войны. На Дальнем Востоке в поисках наиболее значительных событий много ездил в прифронтовых районах, посещал боевые корабли. В письмах и в разговорах он неоднократно отмечал с горечью военную неподготовленность царской России, что приведет к огромным людским жертвам.

[3] А. В. Верещагин.

210

[1] Куропаткина Александра Михайловна — жена А. Н. Куропаткина, военного министра.

213

[1] «Ретвизан» — русский эскадренный броненосец, подвергшийся нападению японских миноносцев в Порт-Артуре 27 января/9 февраля 1904 г. Командир — капитан первого ранга Щенснович Э. Н. (?—1911).

214

[1] Макаров Степан Осипович (1848—1904) — выдающийся русский флотоводец, ученый, вице-адмирал. Командовал Тихоокеанским флотом в 1904 г. Знакомый Верещагина по русско-турецкой и русско-японской войнам.

[2] Лидия — дочь Верещагина, умершая в 1896 г.

[3] Вероятно, вел. князь Кирилл Владимирович Романов (1876—1938).

215

[1] Это последнее письмо Верещагина перед гибелью. 31 марта/13 апреля он вместе с С. О. Макаровым погиб на броненосце «Петропавловск» от взрыва связки японских мин.

[2] Вероятно, Верещагин пересылал в своем письме какое-то другое письмо, которое следовало далее послать как заказное.

[3] Соболевский В. М. (1846—1913) — публицист, редактор и совладелец газеты «Русские ведомости». В № 65, 6/19 марта 1904 г. в этой газете помещена статья (без подписи) «Этюд из бомбардировки Порт-Артура (из частного письма)». По-видимому, ее написал однофамилец, может быть, родственник редактора,— подпоручик Соболевский.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГБЛ —	Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве.
ГИАЛО —	Государственный исторический архив Ленинградской области.
ГИМ —	Государственный Исторический музей в Москве.
ГКМРИ —	Государственный Киевский музей русского искусства.
ГМИ УзССР —	Государственный музей искусств Узбекской ССР.
ГМ Толстого —	Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.
ГНХМ —	Государственный николаевский художественный музей имени В. В. Верещагина.
ГПБ —	Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова Щедрина в Ленинграде.
ГРМ —	Государственный Русский музей в Ленинграде.
ГТГ —	Государственная Третьяковская галерея в Москве.
ГЯОА —	Государственный ярославский областной архив.
ЛКГ —	Львовская картинная галерея.
ЛМР —	Ленинградский музей Революции.
МОА АН СССР —	Московское отделение архива Академии наук СССР.
ОР —	Отдел рукописей.
ПД —	Пушкинский Дом (Институт русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР в Москве.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР в Москве.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР в Москве.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

ЯХМ — Ярославский художественный музей.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ АВТОГРАФОВ И ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИИ

Хранилище, источник публикации	Номера писем
ГБЛ ОР	63, 66, 71, 75, 77, 80—86, 188
ГИАЛО	88, 112
ГКМРИ ОР	113, 118, 126, 136
ГМ Толстого ОР	79, 178, 184, 187
ГПБ ОР	1, 2, 32, 34, 41, 42, 45, 49, 51, 52, 54, 56, 62, 107, 140, 170, 197
ГРМ ОР	4, 16, 18, 19, 22, 23, 25, 31, 39, 69, 103, 116
ГТГ ОР	3, 6, 7, 15, 30, 68, 70, 89, 109, 114, 115, 117, 119—125, 130—133, 135, 137—139, 149, 153, 157—159, 168, 169, 176, 186, 202, 211, 215
ГЯОА	127, 129, 134
Личный архив проф. В. А. Филиппова (Москва)	78
МОА АН СССР	95
ПД ОР	5, 8—14, 17, 20, 21, 24, 26—29, 33, 35—38, 40, 43, 44, 46—48, 50, 53, 55, 57—61, 64, 65, 67, 72, 73, 76, 87, 90—94, 96—102, 104—106, 108, 110, 143—145, 147, 164, 166, 167, 173, 179, 185, 207
ЦГАЛИ	111, 146, 150
ЦГАОР	154, 155
ЦГВИА	172, 174, 175, 177, 199, 209, 210
ЦГИА	142, 180, 198, 200, 201, 208
Перепечатка из публикаций:	
Литературное наследство. Из парижского архива И. С. Тургенева. Книга первая. М., «Наука», 1964, с. 306	74

Хранилище, источник публикации	Номера писем
Исторические материалы. Из переписки В. В. Верещагина с О. А. Новиковой. — «Московские ведомости», 1904, 9/22 сентября, № 249	128, 171
Е. В. Сахарова. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.—Л., «Искусство», 1948, с. 283.	141
Т. Никольская. Письма художника В. В. Верещагина. — «Тридцать дней», 1938, № 1.	148, 151, 152, 156, 160, 161, 162, 163, 165
И. Антонович. Памяти В. В. Верещагина. — «Одесский листок», 1904, 6/19 апреля, № 90	181—183
В. В. Стасов. В. В. Верещагин в Америке и Японии. См.: В. В. Стасов. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания, т. 1. М., изд-во Акад. худож. СССР, 1952, с. 128—143.	189—196, 203—206, 212—214

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., Госполитиздат, 1972, с. 422. [В. И. Ленин о Верещагине].

На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В. В. Верещагина. М., 1894.

Детство и отрочество художника В. В. Верещагина, т. 1. М., 1895.

Булгаков Ф. И. Василий Васильевич Верещагин и его произведения. СПб., 1896.

На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В. В. Верещагина. М., 1902.

Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. А. К. Лебедевым и Г. К. Буровой. Под ред. А. К. Лебедева. Т. 1, 2. М., «Искусство», 1950, 1951.

Переписка В. В. Верещагина и П. М. Третьякова. Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Н. Г. Галкина. [Вступ. статья О. А. Лясковской]. М., «Искусство», 1963.

Стасов В. В. Василий Васильевич Верещагин. Собр. соч., т. 2. СПб., 1894, отд. 4, стб. 269—330.

Садовень В. В. В. В. Верещагин. Под общ. ред. Г. В. Жидкова. М., Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1950.

Лебедев А. К., Бурова Г. К. В. В. Верещагин и В. В. Стасов. С прилож. переписки В. В. Верещагина и В. В. Стасова за 1885—1904 гг. М., «Искусство», 1953.

Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. 1842 — 1904. М., «Искусство», 1972.

ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, НЕ ВОШЕДШАЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ О ВЕРЕЩАГИНЕ

[Гончаров И. А.]. Еще несколько слов по поводу картин Верещагина... «Внутренние новости. Петербургская хроника». — «Голос», 1874, 9/21 мая, № 127.

В. П. [Буренин]. Свободное художество на Всероссийской выставке. — «Новое время», 2-е изд., 1882, 25 августа/6 сентября, № 2331.

И. М. [инаев]. Русский художник в Гималаях. — «Новое время», 2-е изд. 1882, 26 октября/7 ноября, № 2393.

Воспоминания о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и М. Д. Скобелеве ординарца его Петра Дукмасова. СПб., Типография Комарова, 1889, с. 232, 234, 252 и др.

В. В. Верещагин. Письмо в редакцию [о гибели лесов от шелкопряда]. — «Новости и биржевая газета», 1-е изд., 1893, 22 октября, № 291.

Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. Ч. 1. На войне. П. Паренсова. СПб., изд. В. Березовского, 1901, с. 251.

Музей Отечественной войны... — «Правительственный вестник», 1910, 17/30 августа, № 177.

П. П. Голицын. Родословная книга дворян Новгородской губернии. Новгород. 1910, с. 275—276.

Москва. Путеводитель. Под редакцией Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленского и К. В. Сивкова. М., Кушнерев, 1915, с. 505—507.

Очерки истории Ленинграда, т. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, с. 644—646.

Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 213, 224, 241.

Государственный николаевский художественный музей имени В. В. Верещагина. Каталог выставки произведений В. В. Верещагина, посвященной 120-летию со дня рождения художника. Николаев, 1962.

Фомичев А. П. Н. Крупская об эстетическом воспитании. М., Изд-во АПН РСФСР, 1963, с. 34.

Большой русский художник. — «Работница», 1964, № 4 (Вклейка между с. 24 и 25).

Latvijas PSR Maza Enciklopedija. 1S. Riga, 1967, с. 191.

Детская энциклопедия, т. 12. М., «Просвещение», 1968, с. 254.

Государственная Третьяковская галерея. Путеводитель. Русское искусство второй половины XIX века. М., «Советский художник», 1969, с. 94—102.

История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В пяти томах. Т. 4, 1-й полутом. М., «Искусство», 1969, с. 666—668.

Соловцов А. Жизнь и творчество Н. А. Римского-Корсакова. 2-е изд. М., «Музыка», 1969, с. 279.

Зилотти В. П. Наши художники. Верещагин. — «Дон», 1970, № 1, с. 187—190.

Салита Е. Г., Суворова Е. И. Стасов в Петербурге. Л., Лениздат, 1971, с. 223—228, 238—242, 349—352.

Семанов С. Н. Адмирал Макаров. М., «Просвещение», 1971, с. 103, 106.

Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира, т. 3. М., «Советская Энциклопедия», 1971, с. 655.

Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, т. 3. Мiнск, 1971, с. 35—36.

Енчиклопедия Советике Молдовеняскэ, т. 2. Кишинэу, 1971, с. 23.

Ўзбек Совет Энциклопедияси, т. 3. Тошкент, 1972, с. 41.

Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь, т. 2. М., «Искусство», 1972, с. 238.

Бурова Г., Лебедев А. Новое о Верещагине. — «Искусство», 1972, № 5, с. 64—67.

Искусство под кольцами Олимпиады. — «Советская культура», 1972, 5 сентября, № 107.

Лебедев А. Верещагин. К стотридцатилетию со дня рождения. — «Огонек», 1972, № 42, с. 16—17.

Бекмаханов Е., Бекмаханова Н. История Казахской ССР, 12-е изд. Алма-Ата, «Мектеп», 1973, с. 113.

Гулямов Я., Набиев Р. История Узбекской ССР. Учебное пособие для 7—8 классов школ Узбекистана, 5-е изд. Ташкент, «Ўитувчи», 1973, с. 87.

Марков С. Походы В. В. Верещагина. — В кн.: Марков С. Вечные следы. Книга о землепроходцах и мореходах. М., 1973, с. 318—341.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Тропою первопроходцев. Фрунзе, «Кыргызстан», 1973. Глава — «Верещагин Туркестанский».

Қазақ Совет Энциклопедиясы, т. 3. Алма-Ата, 1973, с. 15—16.

Meyer Lexikon. A—Z, Leipzig. Veb. Bibliographisches Intstitut, 1974, S. 1025.

Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения. 1875—1878. М., «Наука», 1974, с. 225—226.

Русская живопись в собраниях Чехословакии. Составитель и автор текста Владимир Фиала. Л., «Художник РСФСР», 1974, с. 75—76.

Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин, 2-е изд. М., «Изобразительное искусство», 1974.

Волкова Э. А. Василий Васильевич Верещагин (1842—1904). Рекомендательный список литературы. Вологда, 1974.

Отечественная война 1812 года в картинах В. В. Верещагина. 20 цветных репродукций. Автор-составитель Н. Гончарова. М., «Изобразительное искусство», 1976.

Жиленко В. И. Верещагин. — Советская военная энциклопедия, т. 2. М., Воениздат, 1976, с. 100.

Государственный Русский музей (Методическое пособие к экскурсии). М., 1976, с. 44—46.

Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. Жизнь и творчество. М., «Искусство», 1976. См. именной указатель.

Eesti nõukogude Entsüklopeedia. т. 8. Таллин, 1976, с. 383.

Забытые воспоминания М. Е. Малышева. — Сб.: «Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890-х годов». М., «Наука», 1977, с. 253—255.

Пикулев И. И. Русское изобразительное искусство. М., «Просвещение», 1977, с. 112—116.

Крайнов Л. Юбилей легендарной Шипки. — «Правда», 1977, 20 августа, № 232.

Русско-турецкая война 1877—1878 г. Под редакцией И. И. Ростунова. М., Воениздат, 1977, с. 92, 130, 256.

Факторович М. Д., Членова Л. Г. Художественные музеи Киева. М., «Искусство», 1977, с. 135, 138—142.

В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы, письма, воспоминания. Автор-составитель, автор вступительной статьи и комментариев В. В. Шлеев. М., «Изобразительное искусство», 1977, с. 40, 48, 126, 149.

Козоровицкая Л. И. В. В. Верещагин. — Детская энциклопедия, 3-е изд. Т. 12. М., «Педагогика», 1977, с. 239—240.

На родине художника.— «Правда», 1978, 29 января, № 29.

В. В. Верещагин. Воспоминания сына художника. Л., «Художник РСФСР», 1978.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) *157, 254*

Александр I (1777—1825), император *205, 266*

Александр II (1818—1881), император *8, 10, 17, 18, 122, 213, 219, 223 225, 229, 234, 235, 238, 239, 240*

Александр III (1845—1894), император (Александр Александрович, вел. князь) *18, 229, 247, 256, 259*

Александра Петровна Романова (1838—1900), вел. княгиня *219*

Алма-Тадема Лауренс (1836—1912) *173, 260*

Амерлинг Фридрих фон (1803—1887) *114, 241*

Андреевская Пелагея Михайловна *252*

Андрей *69, 71, 228*

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) *105, 237*

Антонович И. (возможно, Вернер Ипполит Антонович; 1852—1927) *184, 185, 263*

Арсен Александр (Arsène Alexarndre) *171, 259*

Балакирев Милий Алексеевич (1836/37—1910) *214*

Балашев Иван Петрович (1842— 1919) *135, 248*

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761—1818) *21, 198, 205, 206*

Бартоломе Михаил Федорович *75, 89, 230*

Басин Петр Васильевич (1793—1877) *121, 244*

Беггров Александр Иванович *27, 41, 212, 219*

Бейдеман Александр Егорович (1826—1869) *27, 121, 122, 124, 127, 157, 212*

---

* *В именной указатель включены имена, встречающиеся в предисловии, письмах и примечаниях к ним.*

Бейдеман Елизавета Федоровна (1833—1897) *27, 173, 212*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) *7, 175, 260*

Бем (Эндаурова) Елизавета Меркурьевна (1843—1914) *127, 246*

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) *257*

Бертье (Berthier) Луи Александр (1753—1815) *167, 258*

Бибеско *61, 63, 226*

Бибиков Евгений Михайлович (1840—1900) *83, 231*

Бибиков Николай Валерианович (1842—?) *178, 261*

Бида Александр (1813—1895) *126, 246*

Богданов М. *22*

Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) *41, 45, 78, 79, 81, 92—94, 99, 100, 106, 219, 221, 230, 238*

Бокль Генри Томас (1821—1862) *7*

Бородин Александр Порфирьевич (1833—1887) *85, 214, 232*

Боткин Дмитрий Петрович (1829—1889) *11, 32—35, 81, 215, 231*

Боткин Михаил Петрович (1839—1914) *33, 216, 237*

Боткин Сергей Петрович (1832—1889) *73, 74, 229, 237*

Браун Адольф *122, 245*

Бруни Федор Антонович (1799— 1875) *85, 121, 232*

Брюллов Павел Александрович (1840—1914) *28, 213*

Буланже Гюстав (1824—1888) *118, 243*

Булгаков Федор Ильич (1852—1908) *22, 160, 161, 163, 167, 170—173, 256, 259*

Бутовский Виктор Иванович (1815—1881) *94, 100, 235*

Бюхнер Людвиг (1824—1899) *7, 157, 254*

Валлийский (Уэльский) Альберт Эдуард (1841—1910), принц, король Эдуард VII *43, 75, 77, 89, 90, 98, 219, 220, 230, 234*

Вальц *140, 250*

Ванновский Петр Семенович (1822—1904) *255*

Василий, служащий художника *187, 193, 194*

Вассиль *41, 219*

Вельяминов Григорий Николаевич *188, 207, 263*

Венков (Винков?) *83, 231*

Вердер Бернгард-Франц-Вильгельм (1823—1907) *239*

Верещагин Александр Васильевич (1850—1909) *12, 48, 54, 57, 59, 60, 62, 66, 69, 71, 73, 77, 79, 82, 83, 90, 115, 123, 129, 143, 222, 224, 227, 231, 239, 241, 267*

Верещагин Алексей Васильевич (?—1863), дядя художника *245*

Верещагин Алексей Васильевич (1849—?) *83, 91, 231, 234*

Верещагин Василий Васильевич (1806—1879), отец художника *48, 222, 227*

Верещагин Николай Васильевич (1839—1907) *71, 83, 106, 126, 143, 177, 225, 228, 231, 238*

Верещагин Сергей Васильевич (1845—1877) *12, 53—57, 64, 83, 136, 224—227*

Верещагина Анна Николаевна (1819—1881), мать художника *48, 222*

Верещагина (Фишер) Елизавета Кондратьевна (1856—1941) *58, 138—142, 146, 218, 221, 225, 251, 259*

Верещагина (Андреевская) Лидия Васильевна (1865—1911) *15, 147, 148, 151, 154—156, 188, 190, 191, 193, 194, 201, 202, 204, 207, 208, 210, 252, 255*

Верещагина Татьяна Ивановна *106, 238*

Виктория-Августа (1858—1921), немецкая принцесса, позднее императрица *245*

Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903) *90, 121, 234*

Владимир Александрович Романов (1847—1909), вел. князь *21, 91, 95, 102, 104, 111, 165, 170, 180, 181, 234, 236—239, 257, 261, 265*

Воинов Иван Александрович (1796—1861) *121, 244*

Всеволожский Иван Александрович (1835—1909) *158, 255*

Гагарин Григорий Григорьевич (1810—1893) *28, 121, 213*

Галл Александр Александрович (1831—1904) *47, 222*

Ганглъбауер (Ganglbauer, 1817—1889) *139, 250*

Гамбетта Леон Мишель (1838—1882) *86, 232*

Ганфштенгель Франц, глава издательства в Мюнхене *219*

Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891) *134, 248*

Гейнс Александр Константинович (1834—1893) *28, 29, 32—35, 40, 44, 74, 88, 122, 124, 129, 176, 214, 219, 220, 247*

Георгий Михайлович Романов (1863—1918), вел. князь *180, 261*

Гернер Ф. *120, 244*

Герцен Александр Иванович (1812—1870) *7, 223*

Гинцбург Гораций Осипович (1833—1909) *79, 230*

Гинцбург Илья Яковлевич (1859—1939) *160, 161, 172, 175, 204, 255, 260*

Глинка Михаил Иванович (1804—1857) *175, 255, 263*

Глюки, отец и сын *63, 226*

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) *224, 244*

Гомер *245*

Гомзин Андрей Иванович *129, 246*

Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) *178, 261*

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) *53, 224*

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) *155, 253*

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) *86, 87, 111, 118, 134, 135, 232, 233, 249*

Гро Антуан Жан (1771—1835) *166, 258*

Гудима Захар Григорьевич *126, 246*

Гун Карлис Федорович (1830—1877) *28, 85, 213, 232*

Гупиль *86, 88, 122, 131, 232, 247*

Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) *55, 60, 63, 225*

Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) *7, 157, 254*

Демидов Павел Павлович (1839—1885) *116, 242*

Дерфельден Иван Платонович *70, 228*

Детайль Эдуард (1848—1912) *118, 243*

Доуни Стюард *266*

Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891) *133, 248*

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) *157, 217, 242*

Дюлу *41, 219*

Епанчин Алексей Павлович (1823 — после 1911) *121, 244*

Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908) *216*

Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884) *34, 35, 40, 216, 229*

Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) *42, 43, 219, 240, 241*

Жером Жан Леон (1824—1904) *39, 40, 56, 126, 218*

Жиркевич Александр Владимирович (1857—1927) *182, 186, 188, 262, 263, 264*

Журавлев *168, 177*

Зотов Павел Дмитриевич (1824—1879) *57, 225*

Иван, казак *57*

Иванов Александр Андреевич (1806—1858) *103, 216, 237*

Илинский Петр Алексеевич (1836—1907) *102, 236*

Имеретинский Александр Константинович (1837—1900) *56, 178, 225*

Исеев Петр Федорович (1831 — после 1909) *40, 91, 94, 95, 100, 103, 105, 107—109, 219, 234, 238, 239*

Казимир, служащий художника *193*

Калам Александр (1810—1864) *120, 244*

Каменев Валериан Константинович (1823—1874) *120, 244*

Карл-Людвиг (1833—1896), эрцгерцог австрийский *139, 250*

Карпентер Н. Г. *261*

Карцов Александр Петрович (1817—1875) *125, 246*

Карцова Екатерина Николаевна *125*

Кауфман Константин Петрович (1818—1882) *74, 124, 127—129, 229*

Кившенко Алексей Данилович (1851—1895) *265*

Кин (Keepe) *40, 218*

Кипренский Орест Адамович (1782—1836) *213*

Кирилл Владимирович Романов (1876—1938), вел. князь *267*

Кириллин Н. В. *73, 88, 229*

Киркор Василий Антонович *161, 168, 169, 177, 181, 188, 207, 256, 263*

Клавдия (Верещагина), дочь художника *259*

Кларети (Клареси, Klaretie) Жюль (1840—1913) *19, 22, 52, 138, 224*

Клодт Михаил Петрович (1835—1914) *27, 212*

Кноллис (Knollys) Виллиам Томас (1797—1883) *75, 230*

Ковалевский Александр Онуфриевич (1840—1901) *117, 118, 242*

Козловский Михаил Иванович (1753—1802) *260*

Кокорев Иван Васильевич (1800—?) *120, 243*

Коллиньон Ромэн Шарль (р. 1831—?) *121, 244*

Констан (1778—1845) *167, 258*

Константин Константинович Романов (1858—1915), вел. князь *21, 166, 258*

Коцебу Александр Евстафьевич (1815—1889) *88, 199, 233*

Краевский Андрей Александрович (1810—1889) *27, 41, 125, 132, 213*

Крамской Иван Николаевич (1837—1887) *22, 29, 44, 125, 138, 184—186, 214, 220, 233, 249*

Кремниц *63, 226*

Кумани Алексей Михайлович *49, 51, 59, 66—68, 102, 222*

Курбатов *69, 70*

Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) *21, 179—182, 197, 200, 205, 206, 261, 265, 267*

Куропаткина Александра Михайловна *206, 267*

Кутепов *83, 231*

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) *21, 181, 184, 198—200, 205, 265*

Кухаренко Степан Яковлевич *50, 83, 223*

Кюи Цезарь Антонович (1835—1918) *214*

Лагорио Лев Феликсович (1827—1905) *125, 246*

Лайель Чарлз (1797—1875) *7, 254*

Лебедев Андрей Константинович (р. 1908) *24*

Ледерле Михаил Михайлович *7, 156, 254*

Леман Юрий Яковлевич (1834—1901) *46, 49, 51, 59, 67, 85, 138, 221—223, 232*

Лемерсье Карл Августович (1870—1912) *126, 246*

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) *223*

Леонардо да Винчи (1452—1519) *186*

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) *157, 175*

Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) *31, 215*

Лефевр Жюль (1836—1912) *51, 59, 223*

Лидия (Верещагина), дочь художника *209, 254, 259, 267*

Лойд Джонс *193, 264*

Ломакин *69, 70, 228*

Львов Федор Федорович (1820—1895) *120—122, 124, 244*

Льюис Джордж Генри (1817—1878) *7, 254*

Лявеццано *63, 226*

Макаров Евгений Кириллович (1842—1884) *71, 91, 228, 234*

Макаров Степан Осипович (1848—1904) *208—210, 267*

Макдон *155, 156, 254*

Макарт (Маккарт) Ганс (1840—1884) *113, 114, 241*

Маковский Константин Егорович (1839—1915) *254*

Мария Григорьевна (Киркор) *188, 207*

Мария (Жиркевич) *188*

Мария Федоровна (1759—1828), императрица *183, 262*

Марков Алексей Тарасович (1802—1878) *121, 124, 244*

Марков *69, 228*

Маркс Карл (1818—1883) *221*

Марфа (Жиркевич) *187*

Матушинский Аполлон Михайлович (1828—1885) *113, 115, 241*

Матэ Василий Васильевич (1865—1917) *175, 176, 260*

Мейссонье (Месонье) Эрнест (1815—1891) *52, 104, 133, 163, 166, 170, 224, 237*

Мехмет-Али-паша (Карл Дитрих) *54, 225*

Мещерский (?—1877), полковник *137*

Минаев Иван Павлович (1840—1890) *132, 247*

Михаил Николаевич Романов (1832—1909), вел. князь *119, 206, 246*

Моллер Федор Антонович (1812—1875) *120, 124, 244*

Мольтке Хельмут (1800—1891) *122, 245*

Монтебелло Густав Луи (1838—1907) *21, 181, 262*

Морган Дельмар *101, 236*

Морозов Александр Иванович (1835—1904) *213*

Мусоргский Модест Петрович (1839—1881) *81, 85, 231, 232, 242*

Мутер Рихард (1860—1909) *164, 257*

Нагибин *70, 228*

Назаров Николай Николаевич *128, 129, 246*

Намык-паша *66, 227*

«Наполеон-Белый» (Napoleon Weiss), Луи Люсьен Наполеон Теодор (1844—1909) *171, 259*

Наполеон I, Наполеон Бонапарт (Napoleon) (1769—1821) *21, 98, 155, 165—167, 170, 171, 173, 181, 198—200, 205, 224, 236, 257—259*

Нарышкин Александр Алексеевич *62, 226*

Невиль Альфонс-Мари де (1836—1885) *89, 100, 118, 233*

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/1878) *214*

Непокойчицкий Артур Адамович (1815—1881) *61, 226*

Николай Александрович *152*

Николай Иванович, служащий художника *140, 142, 155, 250*

Николай Николаевич Романов (1831—1891), вел. князь *74, 102, 105, 222, 234, 236*

Николай I, император (1796—1855) *6, 222*

Николай II, император (1868—1918) *21, 263, 266*

Никольская Т. *260*

Новикова (Киреева) Ольга Алексеевна (1840—1925) *144, 179, 251*

Нотович Осип Константинович (1849—1914) *162, 256*

Олив Сергей Вильгельмович (1845—1909) *181, 262*

Орлов Николай Алексеевич (1827—1885) *81, 85, 86, 231*

Осман-паша (1837—1900) *54, 57, 136, 137, 225*

Остроухов Илья Семенович (1858—1929) *200, 266*

Оуэн Кэнлиф (Owen Cunliff) *94, 100, 101, 235, 236*

П[аренсов Петр Дмитриевич] (1843 — после 1914) *55*

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) *119, 243*

Патцель *60, 63, 226*

Перов Василий Григорьевич (1834—1882) *35, 217, 230*

Петр Александрович *146*

Петр, служащий художника *187*

Пилоти Карл Теодор (1826—1886) *115, 241*

Пистолькорс *128, 246*

Позак *49, 222*

Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927) *157, 254, 255*

Полонский Яков Петрович (1819—1898) *138, 249*

Поляков Самуил Соломонович (1837—1888) *72, 229*

Потайкина Анна Ларионовна *243*

Поттье (Pottier) *141, 250*

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) *45, 221*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) *152*

Радецкий Федор Федорович (1820—1890) *18, 236*

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) *219*

Ральстон (Ralston) *94, 235*

Реводия *200, 265*

Рембранд Харменс ван Рейн (1606—1669) *114*

Реньо Анри (1843—1871) *164, 174, 257*

Репин Илья Ефимович (1844—1930) *27, 53, 213, 224, 233, 263*

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) *214*

Рит (Rieth), отчим первой жены В. В. Верещагина *54, 224*

Розен, *115*

Р[оссоловский] В. С. Россоловский Вячеслав Сильвестрович (1849—1908) *258*

Руже де Лиль Клод Жозеф (1760—1836) *175, 260*

Рузвельт Теодор (1858—1919) *191, 194, 195, 264*

Сахаров Виктор Викторович *84, 231*

Сахтин *146*

Сегюр (Ségur) Филипп Поль (1780—1873) *166, 258*

Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) *44, 45, 220*

Сервер-паша (1820—1886) *66, 227*

Серов *129, 246*

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) *242*

Сизов Владимир Ильич (1840—1904) *248*

Скалон Дмитрий Антонович (1840 — после 1916) *71, 72, 228*

Склифосовский Николай Владимирович (1836—1904) *58, 73, 225,*

Скобелев Дмитрий Иванович (1821—1880) *46—48, 70, 136, 221, 222, 225*

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) *8, 12, 55—57, 65, 68, 70, 74, 79, 83, 85, 91, 136, 137, 175, 206, 222, 225, 226, 228, 260, 261*

Скрыдлов Николай Илларионович (1844 — после 1909) *52, 223*

Собко Николай Петрович (1851—1906) *22, 79, 103, 117, 118, 123, 131, 134, 230, 248*

Соболевский Василий Михайлович (1846—1913) *210, 267*

Соколов Александр Петрович (1829—1913) *176, 260*

Соколов Петр Петрович (1821—1899) *53, 224*

Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) *153, 253*

Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) *71, 73, 228*

Соловьев Александр Константинович (1846—1879) *235*

Сомов Андрей Иванович (1830—1909) *123, 245*

Спасович Владимир Данилович (1829—1906) *122, 124, 245*

Стасов Александр Васильевич (1819—1904) *235*

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) *9, 11, 20, 29, 30, 34, 36, 38, 41—43, 45, 47, 50, 51, 53—55, 61, 63—66, 68, 72—76, 78, 80, 81, 84, 85, 87—89, 92, 93, 95, 97, 99, 101, 102, 104, 107, 111, 113—119, 122—125, 127, 130—133, 158—161, 172, 173, 180, 183, 187, 204, 205, 213—220, 222—239, 241—243, 245—247, 255, 256, 261, 263, 266*

Стасов Дмитрий Васильевич (1828—1918) *77, 79, 80, 82, 83, 85, 223, 231, 232, 235, 241*

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) *223*

Стасова Надежда Васильевна (1822—1895) *255*

Стасовы *233, 235*

Стоян *69, 228*

Страхов Николай Николаевич (1828—1896) *172, 259*

Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885) *128, 246*

Струков Александр Петрович (1840 — после 1916) *64, 66, 70—72, 74, 89, 226, 227*

Стуковенко М. И. *73, 88, 229, 234*

Стюарт Дмитрий Федорович *50, 223*

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) *85, 88, 109, 115, 160, 163, 232, 239, 241, 242, 256, 257*

Суворов Александр Васильевич (1730—1800) *175, 176, 212, 260*

Сулейман-паша (1838—1892) *54, 225*

Суттон *155, 156, 253*

Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934) *228*

Тамплие (Templier) *38, 40, 88, 218, 219*

Тоньолати (Тогнолати) Иван Егорович *135, 248*

Татищев Леонид Александрович (1827—1881) *48, 222*

Терещенко Иван Николович (1854—1903) *135, 139, 143, 154, 201, 248, 249*

Тильгнер Виктор-Оскар (1844—1896) *251*

Тимошка *252*

Титов Андрей Александрович (1845—1911) *145, 251*

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) *216*
Толстой Дмитрий Иванович (1860 — ок. 1942) *173, 180, 260, 261*
Толстой Иван Иванович (1858—1916) *178, 204, 261*
Толстой Лев Николаевич (1828—1910) *78, 107, 157, 172, 209, 214, 230, 238, 259, 263*
Толь Карл Федорович (1777—1842) *200, 265*
Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) *11, 17, 18, 21, 22, 28, 32—35, 43, 44, 74, 75, 79, 86, 89, 90, 92, 93, 95—99, 106, 112, 123, 133, 134, 137, 138, 143, 153, 164, 176, 186, 200, 201, 213—217, 220, 224, 230, 231, 233—236, 240, 243, 248, 249, 257, 260, 262*
Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) *11, 215*
Третьякова Вера Николаевна (1844—1899) *137, 154, 165, 176, 200, 249, 260*
Трифонов Порфирий Алексеевич (1844—1896) *54, 224*
Троицкий Виталий Николаевич *182, 189, 262*
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) *87, 103, 104, 138, 157, 233, 237, 249*
Тэйлор Том (Taylor Tom) (1817—1880) *39, 101, 218, 236*
Тютрюмов Никанор Леонтьевич (1821—1877) *37, 40, 217, 218*

Уткин Николай Иванович (1780—1863) *121, 244*

Федотов Павел Андреевич (1815—1852) *212*
Фельтен Альфонс Францевич *122, 195, 245*
Ферран (Ferrand) *42, 219*
Фиала Владимир *231*
Фигнер Николай Николаевич (1857—1918) *159, 255*
Флаксмен Джон (1755—1826) *121, 245*
Флобер Гюстав (1821—1880) *157, 254*
Фортуни Мариано (1838—1874) *164, 174, 257*
Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927) *21, 182, 184, 196—199,*
Фридрих III (1831—1888) *251*

Ханенко Богдан Иванович (1858—1917) *189, 264*
Ханенко Варвара Николовна (?—1922) *190, 264*
Харкевич Владимир Иванович (1856—1906) *186, 263*
Харламов *83*
Хатов Иван Ильич (1785—1875) *120, 243*

Хловис, сотрудник художника *141*

Христо *70, 228*

Цион Илья Фаддеевич (1842—1912) *20, 116, 118, 242*

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) *46, 220, 221*

Черкасов Павел Алексеевич (1834—1900) *27, 212*

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) *7, 157, 214, 223, 254*

Чистяков Михаил Борисович (1809—1885) *156, 254*

Чудновский Юрий Трофимович (1843—1896) *73, 229*

Шамбре Жорж (Chambray) (1783—1848) *165, 166, 258*

Шамшин Петр Михайлович (1811—1895) *124, 245*

Шарлемань Адольф Иосифович (1826—1901) *27, 212*

Шекспир Уильям (1564—1616) *221*

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918) *92, 234*

Шишкин Иван Иванович (1832—1898) *29, 139, 214, 249*

Шлоссер Фридрих Христофор (1776—1861) *78, 230*

Шляков Иван Александрович *144, 145, 152, 251*

Шляков Николай Александрович *146, 251*

Шувалов Петр Андреевич (1827—1889) *40, 42, 43, 218*

Эзоп (6—5 вв. до н. э) *176, 260*

Энгельс Фридрих (1820—1895) *221*

Яблочков Павел Николаевич (1847—1894) *97, 104, 235*

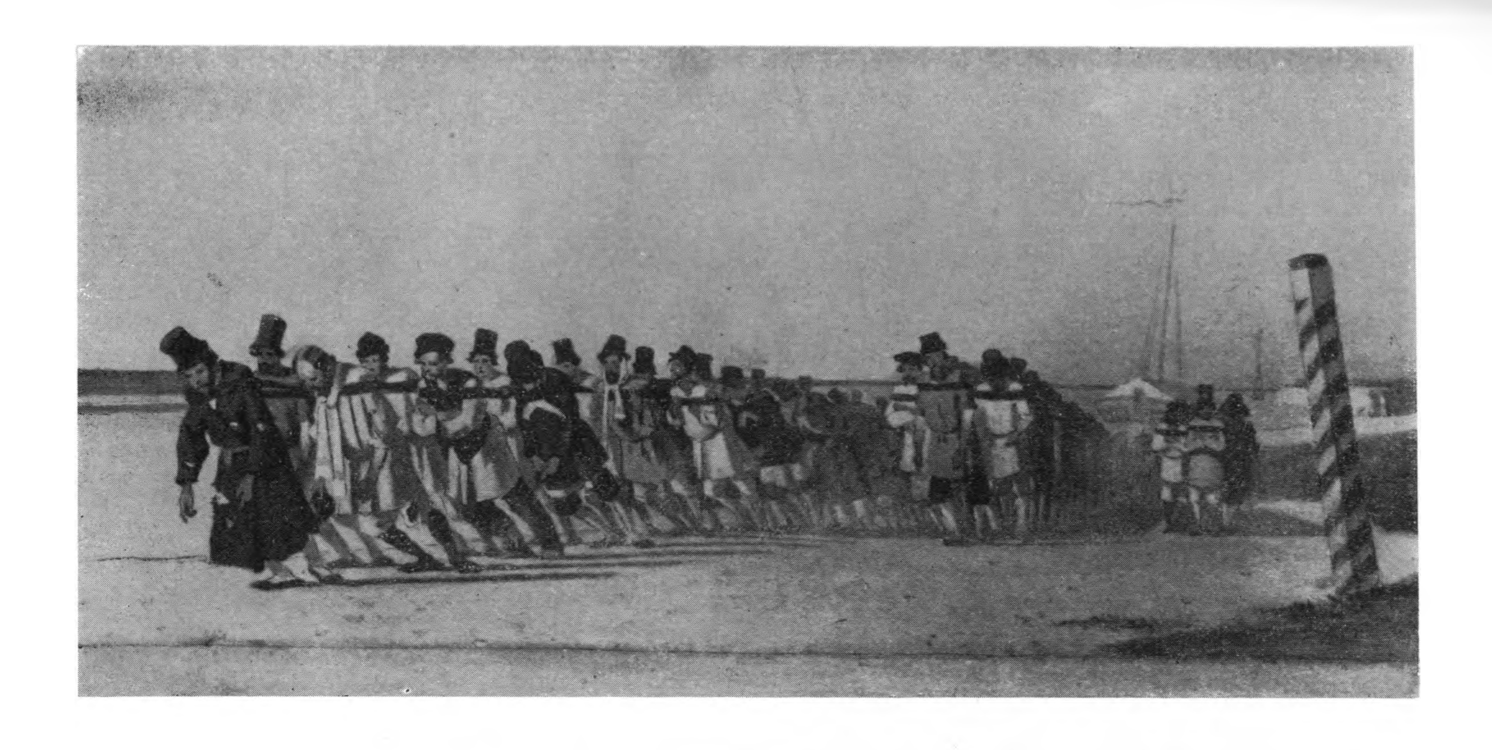
Языков, полковник *70, 228*

Якоби Валерий Иванович (1834—1902) *108, 238*

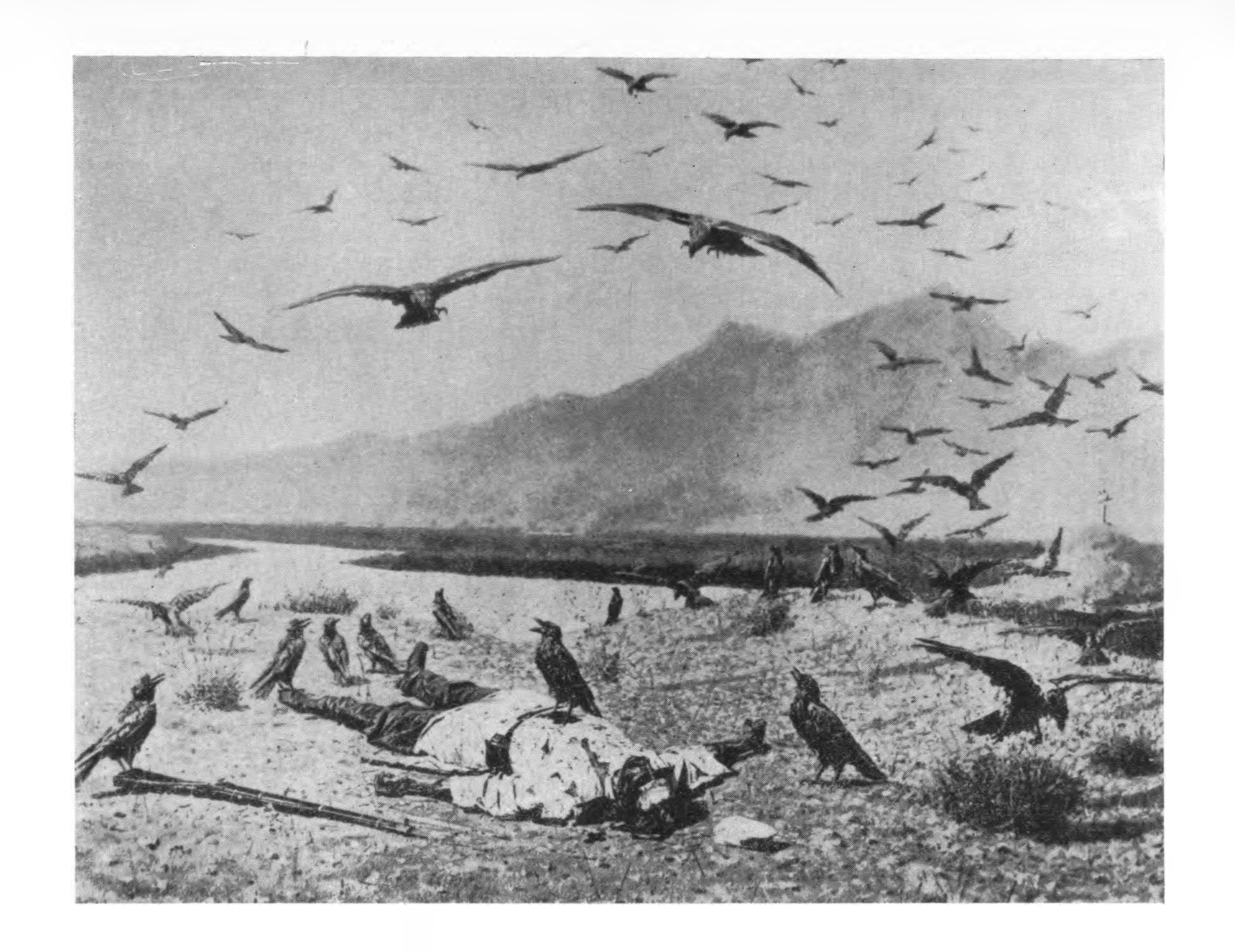
Янков (Яньков) Василий (?—1877) *227, 232, 252*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

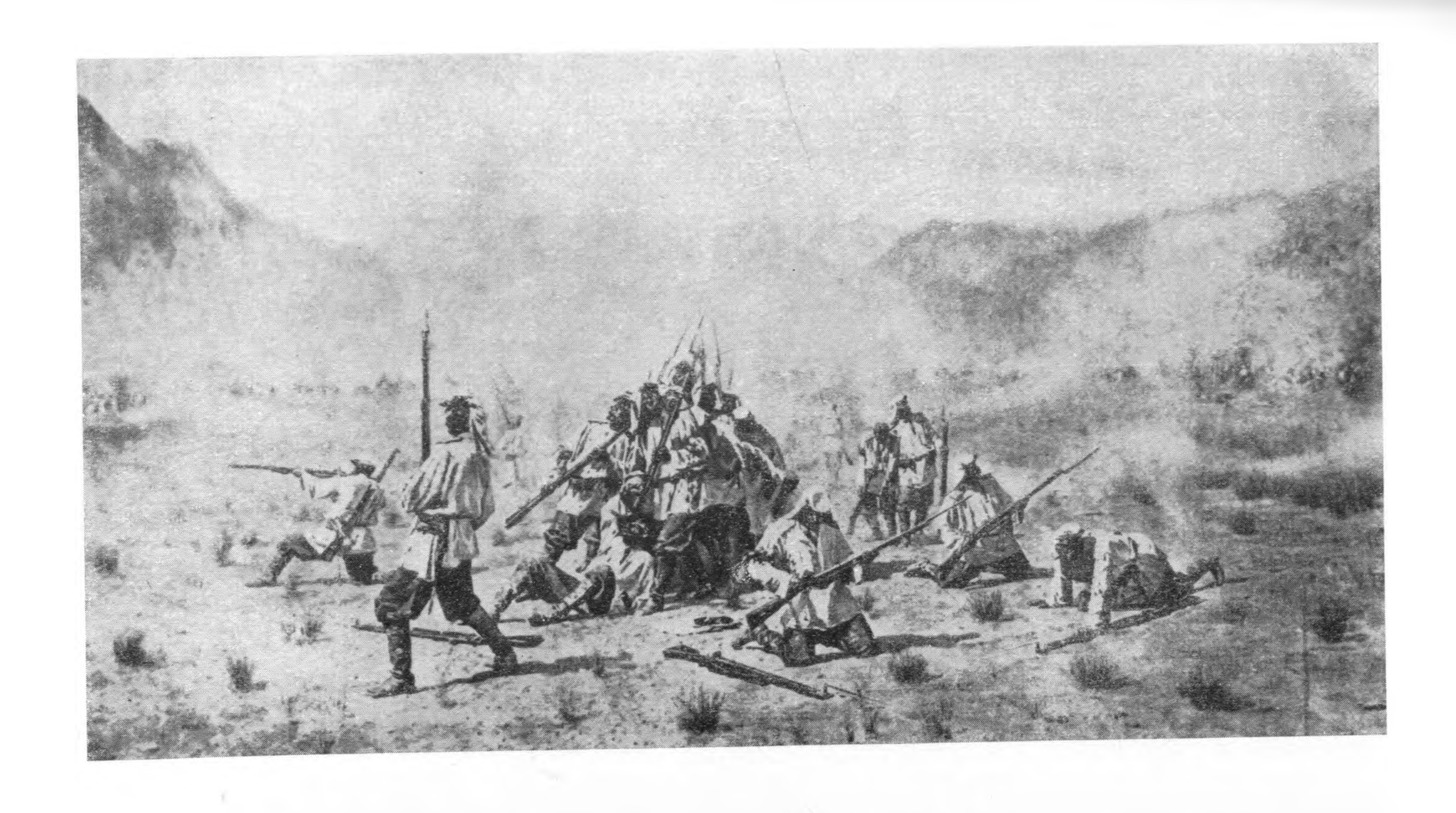

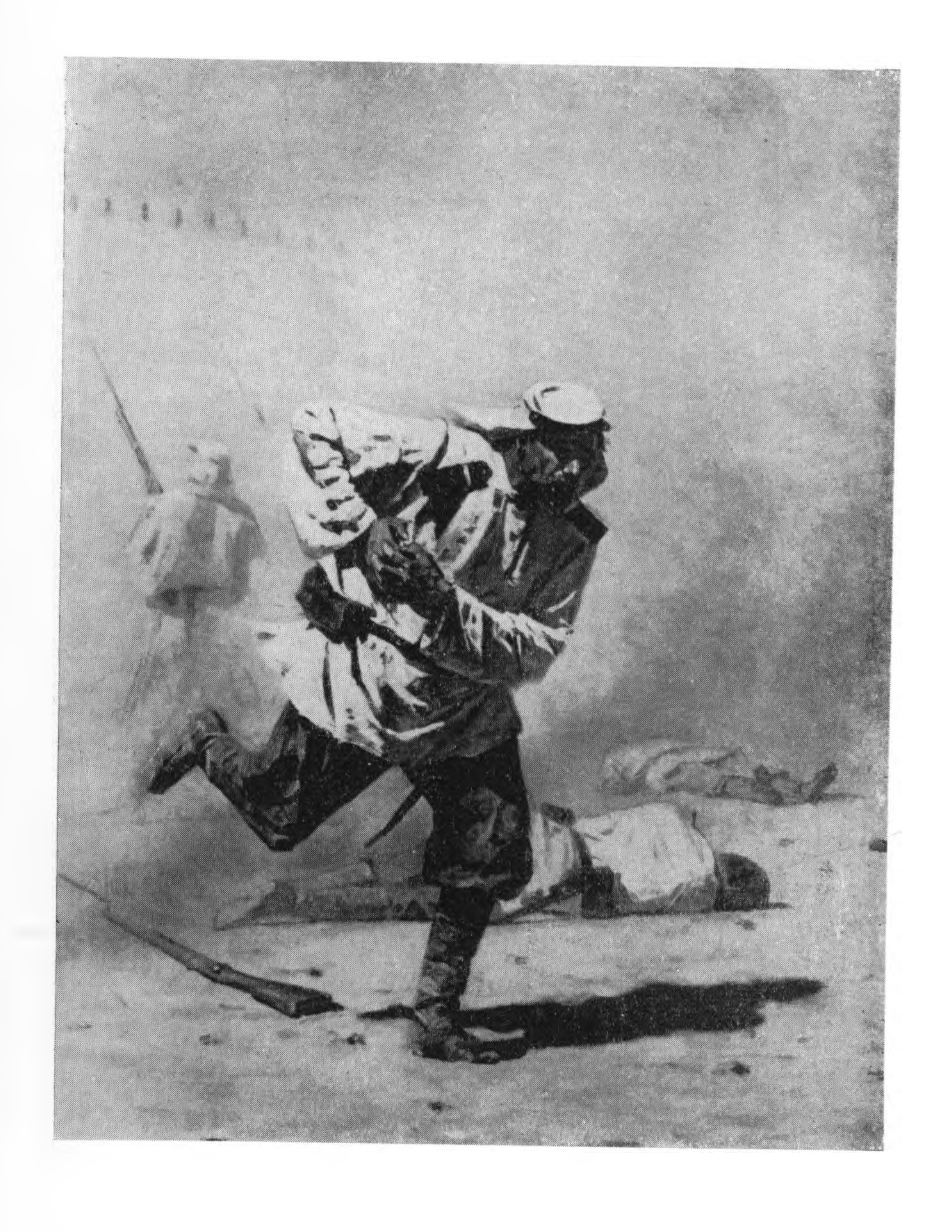
1. Бурлаки. Эскиз. 1866

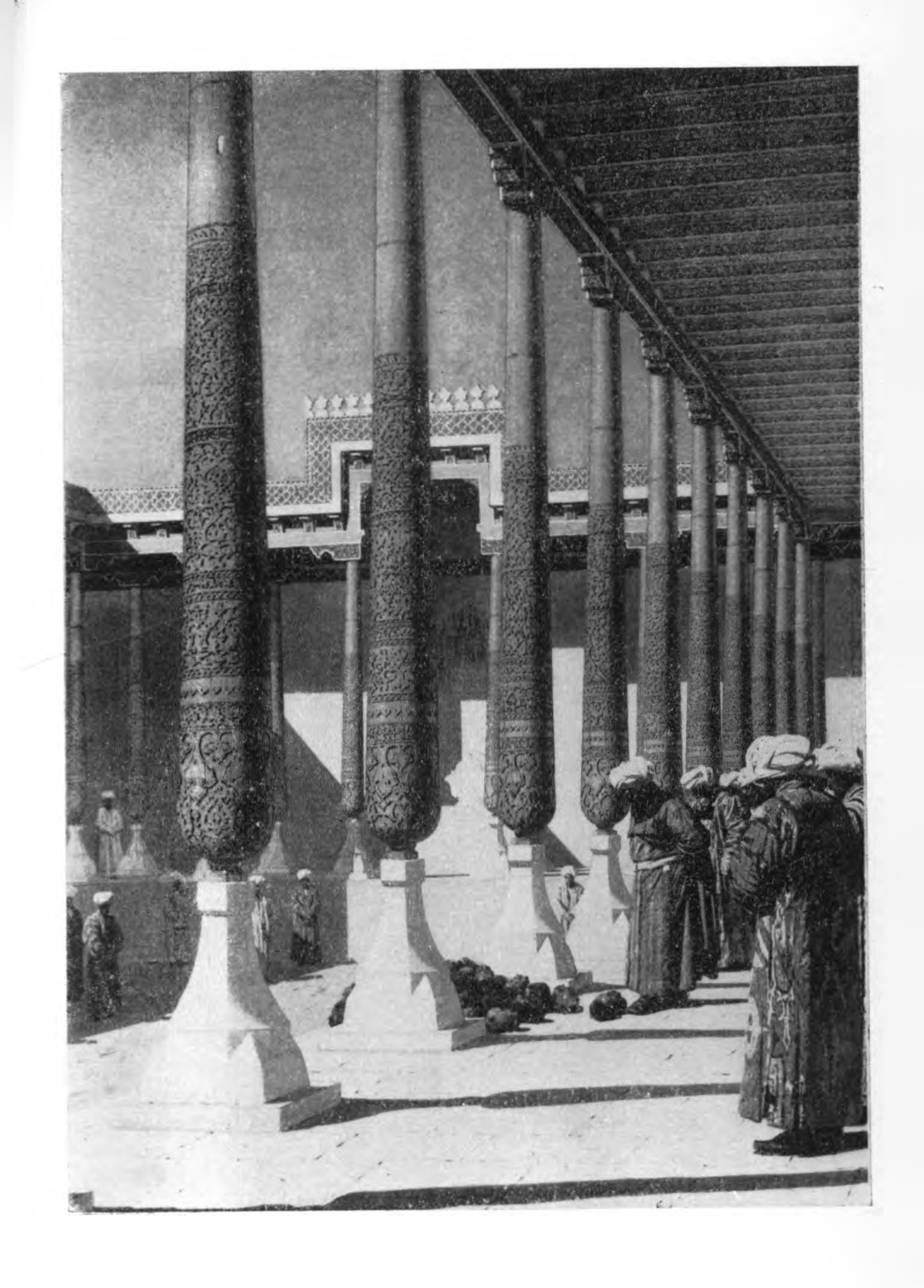
2. *Забытый. 1871*

3. «Окружили — преследуют...» 1872

4. Смертельно раненный. 1873

5. Представляют трофеи. 1872

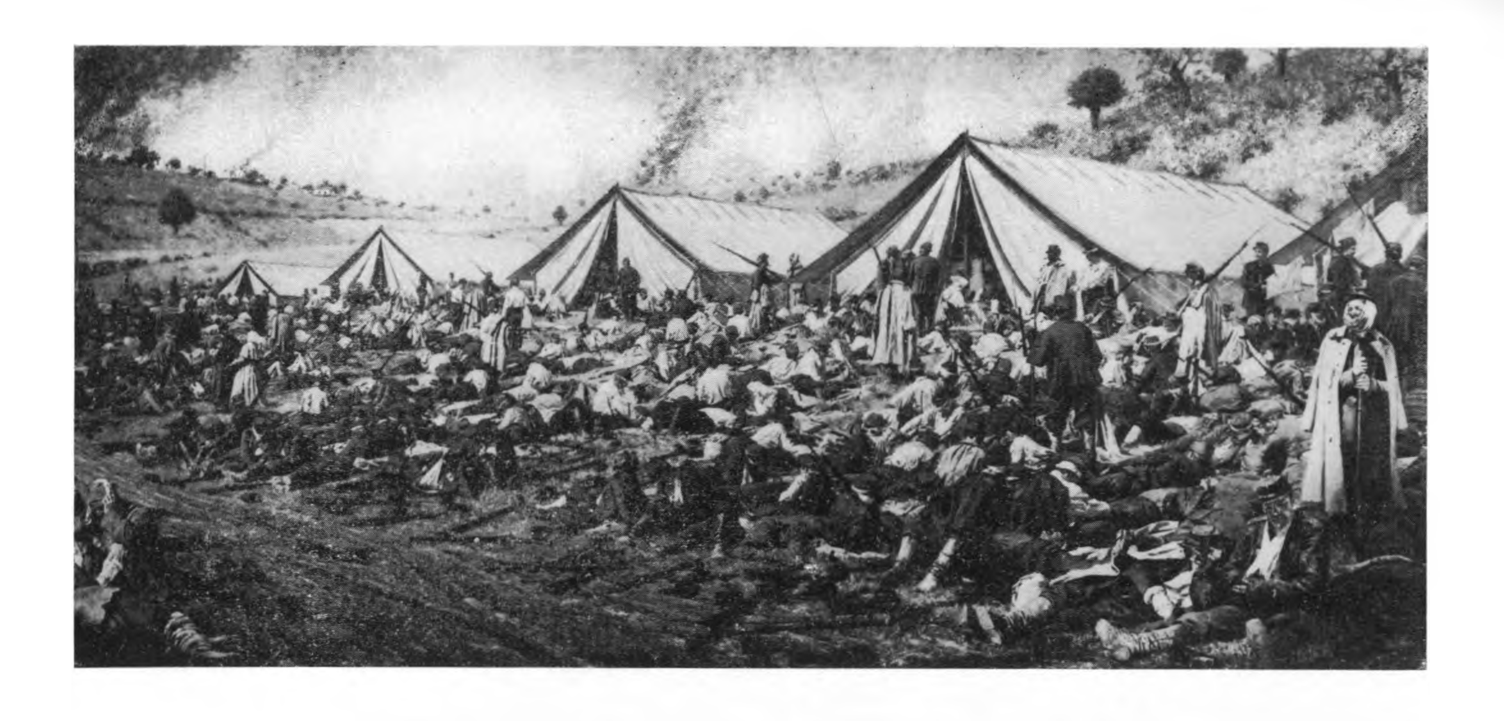
6. Апофеоз войны. 1871—1872

7. Побежденные. (Панихида по убитым). 1877—1879

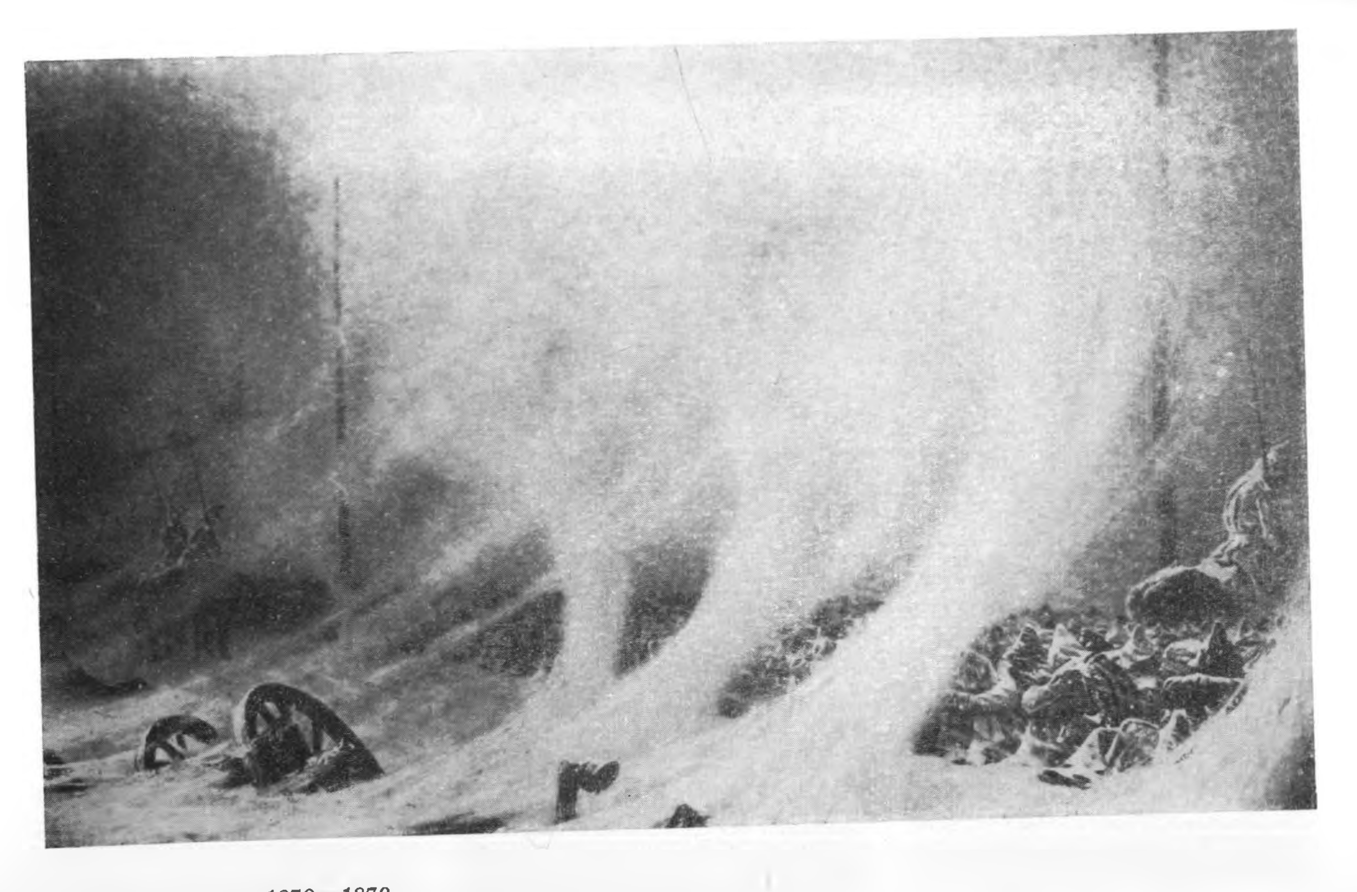
8. *Под Плевной (император Александр II под Плевной 30 августа 1877 года). 1878—1879*

9. После атаки. (Перевязочный пункт под Плевной). 1881

10. Дорога военнопленных. (Дорога в Плевну). 1877—1879

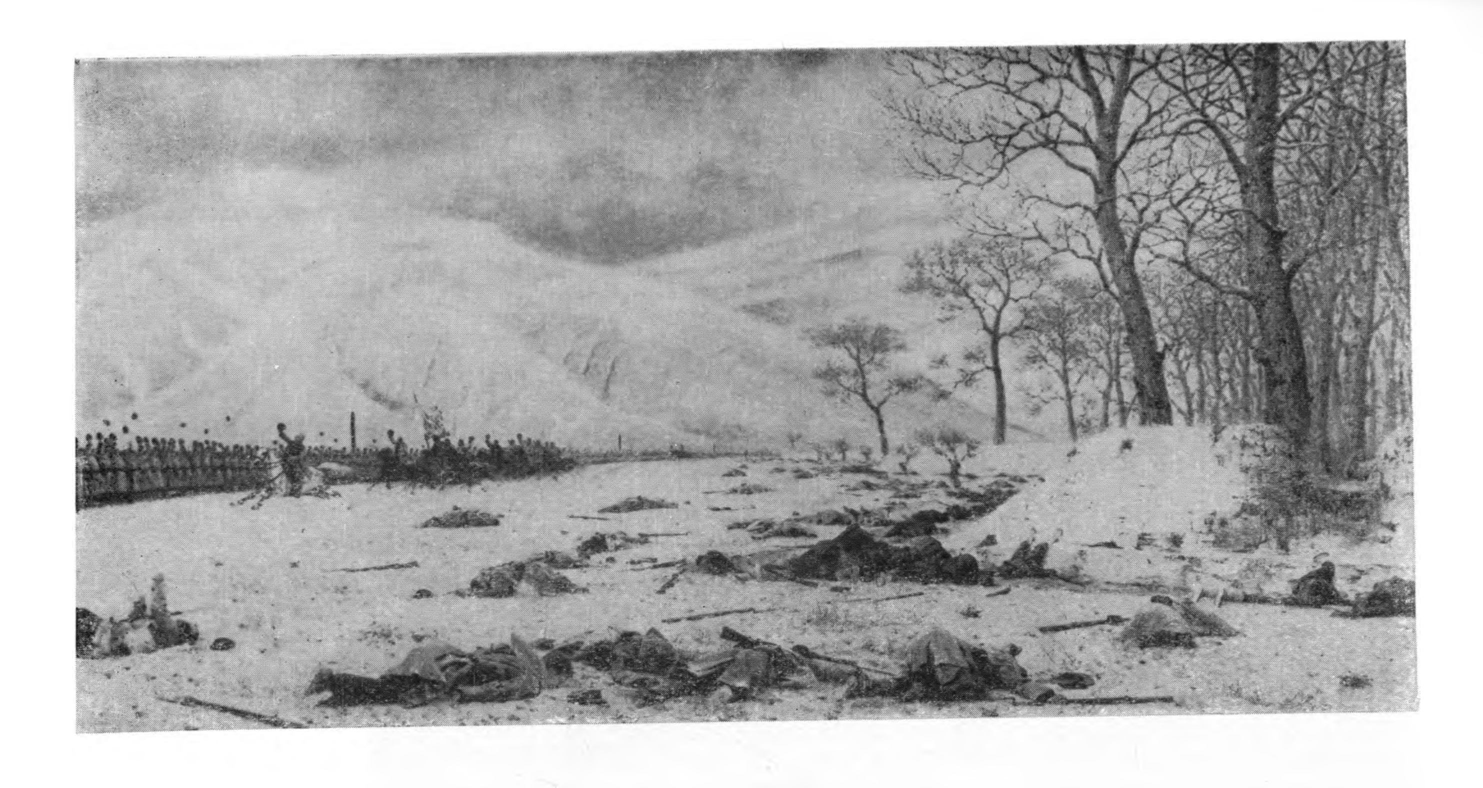
11. Привал военнопленных. 1878—1879

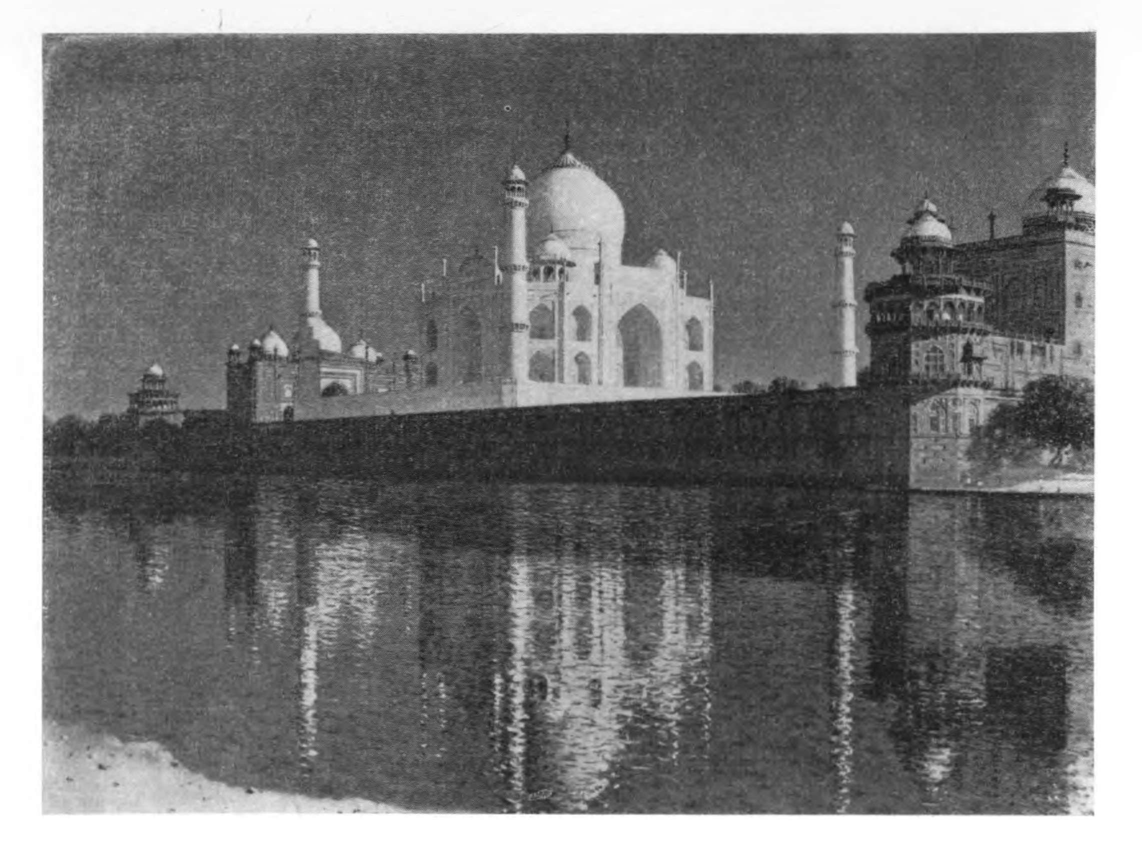

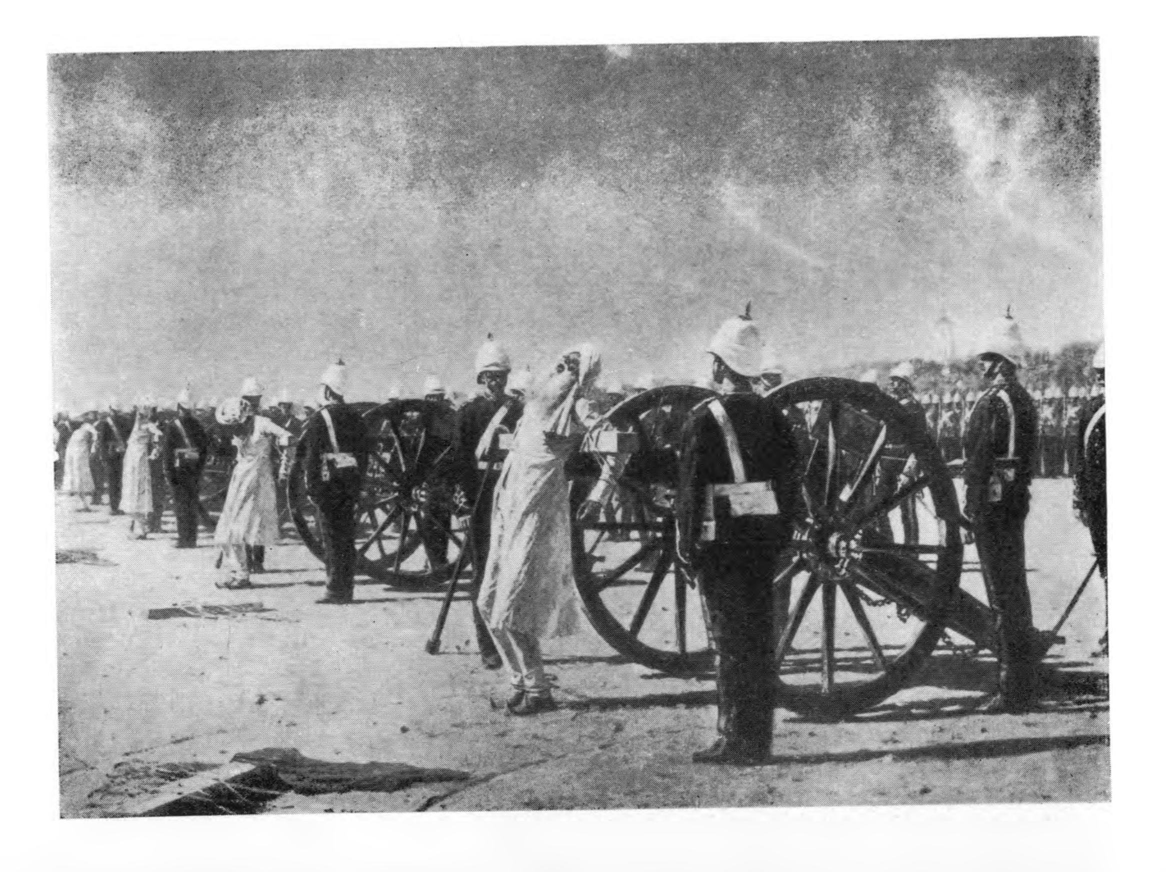
12. *«На Шипке все спокойно!»* 1878—1879

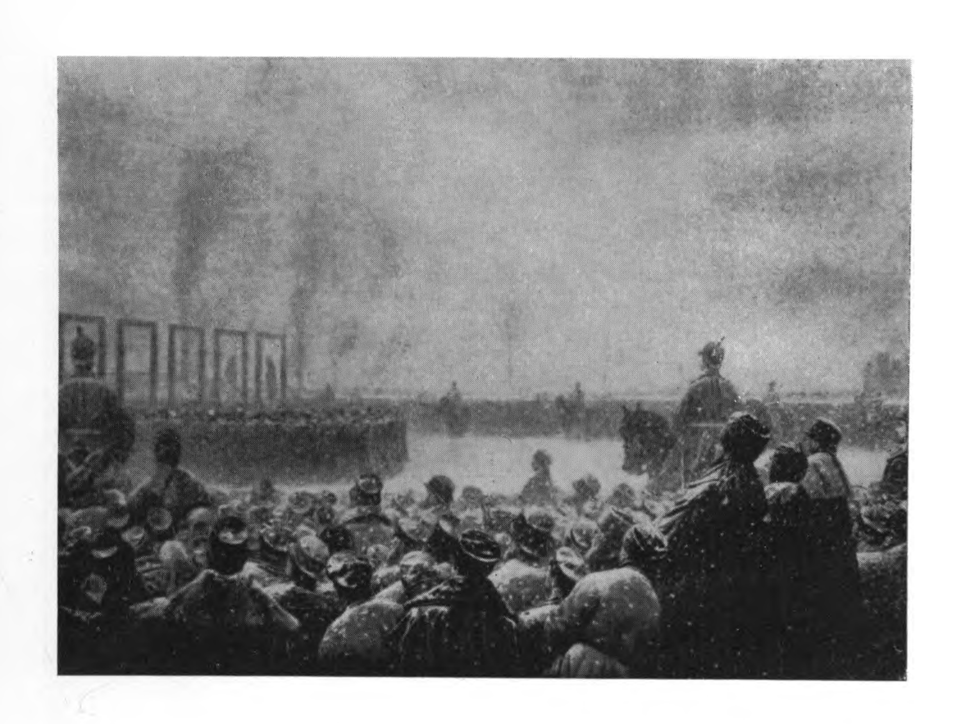
13. Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой. 1878—1879

14. Мавзолей Тадж-Махал в Агре. 1874—1876

15. Подавление индийского восстания англичанами. Около 1884

16. Казнь заговорщиков в России. 1884—1885

17. «Не замай — дай подойти!» 1887—1895

18. В покоренной Москве. 1897—1898

19. На большой дороге. Отступление, бегство... 1887—1895

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Бурлаки. Эскиз. 1866. Х., м. ГКМРИ
2. Забытый. 1871. Х., м. Уничтожена художником
3. «Окружили — преследуют...» 1872. Х., м. Уничтожена художником
4. Смертельно раненный. 1873. Х., м. ГТГ
5. Представляют трофеи. 1872. Х., м. ГТГ
6. Апофеоз войны. 1871—1872. Х., м. ГТГ
7. Побежденные. (Панихида по убитым). 1877—1879. Х., м. ГТГ
8. Под Плевной (император Александр II под Плевной 30 августа 1877 года). 1878—1879. Х., м. ГТГ
9. После атаки. (Перевязочный пункт под Плевной). 1881. Х., м. ГТГ
10. Дорога военнопленных. (Дорога в Плевну). 1877—1879. Х., м. Бруклинский музей. США
11. Привал военнопленных. 1878—1879. Х., м. Бруклинский музей. США
12. «На Шипке все спокойно!» 1878—1879. Х., м. Местонахождение неизвестно
13. Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой. 1878—1879. Х., м. ГТГ
14. Мавзолей Тадж-Махал в Агре. 1874—1876. Х., м. ГТГ
15. Подавление индийского восстания англичанами. Около 1884. Х., м. Местонахождение неизвестно
16. Казнь заговорщиков в России. 1884—1885. Х., м. Ленинградский музей Революции
17. «Не замай — дай подойти!» 1887—1895. Х., м. ГИМ
18. В покоренной Москве. 1897—1898. Х., м. ГИМ
19. На большой дороге. Отступление, бегство... 1887—1895. Х., м. ГИМ

ФОТОГРАФИИ

Мастерская В. В. Верещагина в Мэзон-Лаффитт, Франция

Мастерская В. В. Верещагина в Москве

Л. В. и В. В. Верещагины. Конец 1890-х годов

В. В. Верещагин. Конец 1890-х годов

На фронтисписе: Портрет В. В. Верещагина. 1890-е годы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Письма 25

1. П. А. Черкасову 27
2. А. А. Краевскому 27
3. П. М. Третьякову 28
4. И. Н. Крамскому 29
5. В. В. Стасову 29
6. В. В. Стасову 30
7. П. М. Третьякову 32
8. В. В. Стасову 34
9. В. В. Стасову 36
10. В. В. Стасову 38
11. В. В. Стасову 41
12. В. В. Стасову 41
13. В. В. Стасову 42
14. В. В. Стасову 43
15. П. М. Третьякову 44
16. И. Н. Крамскому 44
17. В. В. Стасову 45
18. Ю. Я. Леману 46
19. Ю. Я. Леману 46
20. В. В. Стасову 47
21. В. В. Верещагину (отцу), А. Н. Верещагиной (матери) 48
22. Ю. Я. Леману 49
23. Ю. Я. Леману 49
24. В. В. Стасову 50
25. Ю. Я. Леману 51
26. В. В. Стасову 51
27. В. В. Стасозу 53

28. В. В. Стасову 54
29. В. В. Стасову 55
30. Е. К. Верещагиной 58
31. Ю. Я. Леману 59
32. А. В. Верещагину 59
33. В. В. Стасову 61
34. А. В. Верещагину 62
35. В. В. Стасову 63
36. В. В. Стасову 64
37. В. В. Стасову 65
38. В. В. Стасову 66
39. Ю. Я. Леману 67
40. В. В. Стасову 68
41. А. В. Верещагину 69
42. А. В. Верещагину 71
43. В. В. Стасову 72
44. В. В. Стасову 73
45. А. В. Верещагину 73
46. В. В. Стасову 74
47. В. В. Стасову 75
48. В. В. Стасову 76
49. А. В. Верещагину 77
50. В. В. Стасову 78
51. А. В. Верещагину 79
52. А. В. Верещагину 79
53. В. В. Стасову 80
54. В. В. Стасову 81
55. А. В. Верещагину 82
56. А. В. Верещагину 83
57. В. В. Стасову 84
58. В. В. Стасову 85
59. В. В. Стасову 87
60. В. В. Стасову 88
61. В. В. Стасову 89
62. А. В. Верещагину 90
63. П. Ф. Исееву 91
64. В. В. Стасову 92
65. В. В. Стасову 93
66. П. Ф. Исееву 94

67. В. В. Стасову 95
68. П. М. Третьякову 96
69. П. Н. Яблочкову 97
70. П. М. Третьякову 98
71. П. Ф. Исееву 100
72. В. В. Стасову 101
73. В. В. Стасову 102
74. И. С. Тургеневу 103
75. П. Ф. Исееву 103
76. В. В. Стасову 104
77. П. Ф. Исееву 105
78. Н. В. Верещагину 106
79. Л. Н. Толстому 107
80. П. Ф. Исееву 107
81. П. Ф. Исееву 108
82. П. Ф. Исееву 109
83. П. Ф. Исееву 109
84. П. Ф. Исееву 110
85. П. Ф. Исееву 110
86. П. Ф. Исееву 111
87. В. В. Стасову 111
88. Д. В. Григоровичу 111
89. П. М. Третьякову 112
90. В. В. Стасову 113
91. В. В. Стасову 114
92. В. В. Стасову 114
93. В. В. Стасову 115
94. В. В. Стасову 116
95. А. О. Ковалевскому 117
96. В. В. Стасову 117
97. В. В. Стасову 118
98. В. В. Стасову 119
99. В. В. Стасову 122
100. В. В. Стасову 123
101. В. В. Стасову 124
102. И. Н. Крамскому 125
103. В. В. Стасову 125
104. В. В. Стасову 127
105. В. В. Стасову 130
106. В. В. Стасову 131
107. А. А. Краевскому 132
108. В. В. Стасову 132

109. П. М. Третьякову 133
110. В. В. Стасову 133
111. Д. В. Григоровичу 134
112. Д. В. Григоровичу 135
113. И. Н. Терещенко 135
114. П. М. Третьякову 137
115. П. М. Третьякову 138
116. И. Н. Крамскому 138
117. Е. К. Верещагиной 138
118. И. Н. Терещенко 139
119. Е. К. Верещагиной 139
120. Е. К. Верещагиной 140
121. Е. К. Верещагиной 140
122. Е. К. Верещагиной 140
123. Е. К. Верещагиной 141
124. Е. К. Верещагиной 141
125. Е. К. Верещагиной 142
126. И. Н. Терещенко 143
127. И. А. Шлякову 144
128. О. А. Новиковой 144
129. И. А. Шлякову 145
130. Е. К. Верещагиной 146
131. Л. В. Верещагиной 147
132. Л. В. Верещагиной 148
133. Л. В. Верещагиной 151
134. И. А. Шлякову 152
135. П. М. Третьякову 153
136. И. Н. Терещенко 154
137. Л. В. Верещагиной 154
138. Л. В. Верещагиной 155
139. Л. В. Верещагиной 156
140. М. М. Ледерле 156
141. В. Д. Поленову 157
142. И. А. Всеволожскому 158
143. В. В. Стасову 158
144. В. В. Стасову 159
145. И. Я. Гинцбургу 160

146. Ф. И. Булгакову 160
147. И. Я. Гинцбургу 161
148. Ф. И. Булгакову 161
149. В. А. Киркору 161
150. О. К. Нотовичу 162
151. Ф. И. Булгакову 163
152. Ф. И. Булгакову 163
153. П. М. Третьякову 164
154. В. А. Романову 165
155. К. К. Романову 166
156. Ф. И. Булгакову 167
157. В. А. Киркору 168
158. В. А. Киркору 169
159. В. А. Киркору 169
160. Ф. И. Булгакову 170
161. Ф. И. Булгакову 170
162. Ф. И. Булгакову 171
163. Ф. И. Булгакову 172
164. И. Я. Гинцбургу 172
165. Ф. И. Булгакову 173
166. И. Я. Гинцбургу 175
167. И. Я. Гинцбургу 175
168. П. М. Третьякову 176
169. В. А. Киркору 177
170. И. И. Толстому 178
171. О. А. Новиковой 179
172. А. Н. Куропаткину 179
173. В. В. Стасову 180
174. А. Н. Куропаткину 180
175. А. Н. Куропаткину 181
176. В. А. Киркору 181
177. А. Н. Куропаткину 182
178. А. В. Жиркевичу 182
179. В. В. Стасову 183
180. В. Б. Фредериксу 184
181. И. Антоновичу 184
182. И. Антоновичу 185

183. И. Антоновичу 185
184. А. В. Жиркевичу 186
185. В. В. Стасову 187
186. В. А. Киркору 188
187. А. В. Жиркевичу 188
188. Б. И. Ханенко 189
189. Л. В. Верещагиной 190
190. Л. В. Верещагиной 190
191. Л. В. Верещагиной 191
192. Л. В. Верещагиной 191
193. Л. В. Верещагиной 191
194. Л. В. Верещагиной 193
195. Л. В. Верещагиной 194
196. Л. В. Верещагиной 194
197. А. Ф. Фельтену 195
198. В. Б. Фредериксу 196
199. А. Н. Куропаткину 197
200. В. Б. Фредериксу 198
201. В. Б. Фредериксу 199
202. И. С. Остроухову 200
203. Л. В. Верещагиной 201
204. Л. В. Верещагиной 202
205. Л. В. Верещагиной 202
206. Л. В. Верещагиной 204
207. И. Я. Гинцбургу 204
208. В. Б. Фредериксу 205
209. А. Н. Куропаткину 205
210. А. М. Куропаткиной 206
211. В. А. Киркору 207
212. Л. В. Верещагиной 207
213. Л. В. Верещагиной 207
214. Л. В. Верещагиной 208
215. Л. В. Верещагиной 210

Примечания 212

Условные обозначения 268

Местонахождение автографов и источники публикаций . . 269

Основная литература 271

Вновь выявленная литература, не вошедшая в библиографические указатели о Верещагине 272

Именной указатель 275

В31

Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма / Сост., авт. предисл. и примеч. А. К. Лебедев. — М.: Изобраз. искусство, 1981. 320 с., ил.

Письма В. В. Верещагина (некоторые из них публикуются впервые) представляют собой яркий и содержательный историко-художественный памятник эпохи. В них отражается полная испытаний и подвигов жизнь известного русского художника-патриота, посвященная утверждению высоких гуманистических идеалов. В письмах и примечаниях к ним раскрываются черты мировоззрения и творческие замыслы Верещагина, показывается та острая и напряженная борьба, которая велась вокруг созданных художником произведений, наполненных протестом против деспотизма, варварства и угнетения людей, против захватнических войн. Письма Верещагина, а также вводная статья и примечания составителя дают наглядное представление о вкладе Верещагина в мировую сокровищницу искусства, рисуют его как последовательного и убежденного сторонника искусства критического реализма.

В $\frac{80102-157}{024(01)-81}$ без объявл.

ББК 85.143(2)1
75С1

ИБ № 597

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРЕЩАГИН

Избранные письма

Составитель, автор предисловия и примечаний
А. К. Лебедев

Художник Е. Н. Семенов

Редактор В. М. Моргулис
Художественный редактор И. М. Русина
Технические редакторы И. М. Лагутина,
А. М. Винокур
Корректоры Л. М. Жарковская, Л. В. Аль-Жабури

Сдано в набор 10.10.79. Подписано в печать 12.01.81. А05609. Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская № 1, для иллюстраций мелованная 120 г. Гарнитура школьная. Печать высокая. Изд. № 2-192. Уч.-изд. 16,785. Усл. печ. 20. Заказ 1043. Тираж 20 000. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Изобразительное искусство». 1981. Москва, 129272
Сущевский вал, 64

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.